

ФОРМУЛЫ ОБЩЕСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

◆ • ◆ • Роберт Сетин • ◆ • ◆

18+

Роберт Сетин
Формулы Общества

«Автор»

2026

Сетин Р.

Формулы Общества / Р. Сетин — «Автор», 2026

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность. Почему гибнут одни цивилизации и расцветают другие, почему некоторые страны богаче прочих — главным вопросом современности задается и герой книги — талантливый нейрохирург Сергей Романов, при помощи научной установки РОД, искусственного интеллекта и специальных химических веществ помогающий людям с тяжелыми поражениями мозга восстановить нейронные цепочки и вернуться к полноценной жизни. Попадая в опасные приключения, путешествуя по собственным осознанным сновидениям и воспоминаниям пациентов, Сергей разрабатывает философскую систему о духовно-нравственных скрепах общества – формулах, на которых зиждется благополучие экономически развитых цивилизаций.

© Сетин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Том 1. Путь Сергея	6
Глава 1. Таруса	6
Глава 2. Инды	22
Глава 3. Психоз	29
Глава 4. Каил	49
Глава 5. Коммунизм	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Роберт Сетин

Формулы Общества

Глава

РОБЕРТ СЕТИН
ФОРМУЛЫ ОБЩЕСТВА

Том 1. Путь Сергея

Глава 1. Таруса

Какой бы сон Сергею ни снился, будь то радостный или кошмарный или, как обычно, невнятный и несуразный, он всегда находил в них смысл. Сергей, врач по двум специальностям — по одной анестезиолог, по второй — нейрохирург, — понял, что вновь оказался в осознанном сновидении. Но этот опыт его не радовал. Из раза в раз повторялось одно и то же событие, менялся только антураж. Это мог быть живописный пруд в яркую солнечную погоду, с раскидистой ивой над водной гладью, слякотный двор средневекового замка или, например, затхлый спортзал с морозными узорами на окнах. Всякий раз мозг удивлял деталями и правдоподобностью, и поначалу отличить сон от реальности было невозможно.

Этой ночью ему снился строительный магазин. Слева и справа на стеллажах лежали ящики с саморезами всех длин и разновидностей. У самой стены — чёрные ШСГД¹, следом шли оцинкованные саморезы по металлу и по дереву, дальше располагались мебельные, кровельные, «клопы», «глухари». Даже ценники под ними висели точь-в-точь как настоящие — с неровно обрезанными краями. Словом, магазин ничем не отличался от реального. Даже терпкий запах смазки ощущался.

Подорова туфель мерзко скрипела о наливной пол. Морщась от неприятного звука, Сергей на носках вышел к центральному пролёту. Повсюду сновали покупатели с тележками и корзинками. Одни выискивали на прилавках что-то важное для себя, другие упорно спорили, выбирая обои или паркет, третьи доносили консультантов невнятными запросами. Свою старую знакомую Сергей увидел сразу. Стройная, высокая, черноокая, с тёмными блестящими волосами, она выделялась среди окружающих, как самая яркая звезда на небосводе. В этот раз девушка шла не одна. «Вот и ты...» — вздохнул про себя Сергей. Высокая красавица и её здоровенный спутник — плечистый мужчина, ростом не меньше ста девяноста сантиметров, с кувалдой вместо челюсти — медленно двигались навстречу врачу вдоль длинных стеллажей магазина. Сергей знал, что эти двое — муж и жена.

Пара остановилась перед палетами с мешками штукатурки в десяти шагах от Сергея. Девушка машинально поправила волосы, и на короткий миг показалось изуродованное левое ухо.

— Ерунда, а не кино, — пробасил увалень. — Ну о чём оно? Ну серьёзно, Жень! Молодая красавица и какой-то старый пер... негодяй остаются вместе. Бред какой-то, — презрительно скривился мужчина.

— Как о чём? Любви все возрасты покорны! — прощепетала пассия и суетливо поправила волосы, чтобы никто не увидел её дефект.

— Отлично, — буркнула плечистая фигура с необъятной шеей, читая надпись на одном из мешков штукатурки.

— Нет, Артём, — подбоченилась девушка с тёмно-каштановыми волосами, волнами стекавшими до середины спины.

— А я говорю: да, — сверкнул строгий прищур Артёма. Стальной взгляд мужчины неподвижно впивался в его спутницу.

Девушка не оробела:

— Один из нас ошибаешься!

¹ ШСГД — шуруп самонарезающий гипсокартон-дерево.

Её хрупкая фигура с тонкими руками смотрелась смешно на фоне хмурого увальня.

— Дорогая, я знаю эту фирму, — махнул рукой Артём в сторону палета.

— Дол... Долма какая-то, — Женя слегка повернула голову в сторону мешков. — Я долма, новая долма!

— Жень, ну не начинай! — устало вздохнул мужчина.

— Подо мной скоро вся страна-а!

В окнах магазина потемнело, и зал погрузился во мрак. «Как по сценарию», — шёпотом произнёс Сергей и упёрся ладонями в пояс. Чёрная густая жижа стала сочиться из всех щелей и закапала с потолков. Запахло гнилью и сыростью. Артём с Женей продолжали препираться, но уже безмолвно, только губы шевелились. Бурлящая, липкая, зловонная жижа полилась из окон и дверей остервенелым потоком, в мгновение ока затопив помещение до колен. За спинами супругов субстанция вздыбилась, вспучилась и закружилась, словно невидимый великан размешивал её невидимой ложкой. Из развернувшейся воронки выпрыгнуло демоноподобное насекомое с двумя парами тонких полупрозрачных крыльев и кинулось на супругов.

Нога непроизвольно дёрнулась, и Сергей проснулся. Сердце бешено колотилось. Он видел это чудовище не в первый раз, но всё равно не мог привыкнуть. Эта тварь наполняла душу холодным тягостным ужасом, и «послевкусие» оставалось на весь день.

Сергей провёл ладонью по сатиновой простыне: так он проверял, реален ли мир или только ему снится. Во сне Сергей почти ничего не чувствовал. Гладкая поверхность постельного белья подействовала на него успокаивающе. Он вскочил и распахнул шторы. Свет утреннего солнца ворвался в спальню, на несколько секунд ослепив её хозяина. Сергей радостно ринулся к весам, ударился мизинцем о двадцатикилограммовую гантель, заскрипел, чертыхнулся, убрал спортивный снаряд в угол и принялся расхаживать больную ступню. В стену постучал недовольный сосед.

Сергей взгромоздился на весы: семьдесят пять семьсот. При его росте в метр девяносто семь такой вес можно было считать приемлемым, но всё равно недостаточным. Как он ни старался набрать мышечную массу, желанных цифр достичь не удавалось. Зато можно было есть что угодно и в любом количестве: жир тоже никогда к нему не прилипал. Оттого вены на его кистях и предплечьях тянулись извилистыми канатами, зачастую привлекая женские оценивающие взгляды.

Сергей сполоснул чайник, набрал свежую воду, поставил нагреваться и метнулся в ванную чистить зубы. Через две минуты вернулся на кухню, насыпал в кружку три ложки растворимого кофе. В ту же секунду закипел чайник. Сергей приготовил кофе и приговорил его с двумя бутербродами. Торопливыми движениями он замешал протеиновый коктейль в шейкере, оделся и выскользнул из квартиры. По традиции на первом этаже консьержка не оставила без внимания мчащегося на работу врача. Тучная пожилая женщина лет шестидесяти пяти с крашенными под шатенку волосами открыла окошко и позвала Сергея.

— Смотри, смотри, Серёжа! — консьержка протянула ему фотографию молодой девушки на залитой солнцем зелёной летней поляне. — Смотри, какая красавица! Внучка моя! Помнишь, я о ней говорила?

— Помню, Валентина Павловна! — Сергей смущённо забрал из её рук снимок и сделал вид, будто пристально его рассматривает. — Действительно привлекательная.

— А я о чём! Замечательная девушка! А как готовит! Мм...

— Очень хорошо, Валентина Павловна, если вы не против, я побегу! На работу опаздываю. — Сергей демонстративно шагнул к двери, возвращая фотографию.

Консьержка будто не заметила ненавязчивый намёк.

— Давайте, я устрою вам встречу?

— Ну не знаю, Валентина Павловна, — протянул Сергей. — График загружен. Дежурство на дежурстве, ни минуты нет на личную жизнь.

— А что же вы, Серёжа, не бережёте-то себя? Так и здоровье надорвать можно, — женщина высунулась из окошка и заговорщицки продолжила: — А ещё я боюсь, перехватит вас, Серёженька, мымра какая-нибудь! Парень-то вы видный! Врач, да ещё и зеленоглазый красавец! От девушек, небось, отбоя нет?

— Отбиваюсь как могу, — засмеялся Сергей.

— Смотрите у меня, чтобы стерв даже не подпускали к себе! — Валентина Павловна пригрозила ему пальцем.

— Ни в коем случае! — Сергей, широко улыбаясь, ещё раз протянул ей фотографию.

Фото Полинки оставьте себе. Полюбуйтесь красавицей, — подмигнула Валентина Павловна, нырнула обратно в свою каморку и закрыла окошко.

Сергей выскочил во двор, впрыгнул в машину и рванул в сторону больницы. Лавируя в тесных, набитых беспорядочно припаркованными автомобилями улочках, он с трудом выехал к перекрёстку на основную трассу. Горел красный. Сергей ударил по тормозам. Возбуждённо барабанил по рулю, нейрохирург терпеливо ждал зелёного и размышлял о грядущей работе. Не о той, что напрямую касалась его пациентов. Помимо врачебной практики, Сергей занимался научными исследованиями. И там и там руководитель был один и тот же — кандидат медицинских наук Дмитрий Михайлович Кустос. Сергею предстояло сделать одну грязную работу, прикрывая своего начальника.

Загорелся зелёный. Сергей надавил на газ и вывернул руль влево. По встрече на внушительной скорости мчался КамАЗ. В это же время какой-то велосипедист, очевидно решив наплевать на красный цвет светофора, вылетел на середину проезжей части. Увидев надвигающуюся грудку металла, он резко затормозил. Грузённый песком самосвал, неистово сигналив, повернул в сторону встречной полосы — той самой, куда уже выезжал Сергей. От ужаса, казалось, сердце перестало биться. Нейрохирург вдавил педаль тормоза в пол — КамАЗ проскочил, едва не задев машину. Оглушительный визг покрышек чуть не разорвал его барабанные перепонки. Самосвал остановился посреди перекрёстка. Под хоровое бибиканье десятков автомобилистов рослый пузатый водитель КамАЗа выпрыгнул из салона и обрушил на незадачливого велосипедиста шквал отборного мата. Тот в ответ мяукнул какое-то оправдание, расслышать которое не представлялось возможным из-за неухающего гудения машин. Нервными, торопливыми шагами водитель приблизился к велосипедисту и отвесил ему смачную оплеуху. Велосипед упал в одну сторону, его хозяин — в другую.

Припарковав машину на больничной стоянке, Сергей спешно направился к крыльцу здания. Порывистый, колючий, морозный ветер больно обдувал лицо и уносил тепло из-под пиджака. Меньше чем за минуту мужчина озяб. Он чертыхнулся и со скоростью гепарда взлетел по ступеням. На входе в здание, перед двустворчатой дверью из стеклопакета, стоял рослый, где-то до переносицы Сергея, молодой человек в тёмно-коричневом пуховике и зелёной шерстяной шапке. На монголоидном лице уроженца Башкирии появилась натянутая улыбка. Это был Андрей Разапов, единственный друг Сергея.

— О... — только и сумел выдавить Андрей, постукивая зубами от холода.

Сергей схватил друга под руку и потянул внутрь, не желая ни одной лишней секунды мёрзнуть.

— Пропуск не забыл? — вполтона спросил Сергей.

Андрей вытащил из кармана белую пластиковую карточку:

— Угу.

Турникет они прошли легко и без заминок. Сергей поздоровался с дежурным охранником — тот улыбнулся ему в ответ. Врач двинулся к лифту, Андрей поплёлся следом, поглядывая на миловидную медсестру в короткой юбке, стоявшую у автомата с напитками.

Сергей нажал на кнопку вызова лифта.

— В какие сроки ты хочешь уложиться? — Андрей с интересом рассматривал карту со своей фотографией и длинным рядом цифр под ней.

— Сейчас или вообще? — спросил Сергей.

— Вообще, — буркнул Андрей.

— Никаких сроков нет, — сказал Сергей.

— Ясно, — задумчиво протянул Андрей.

Казалось, ответ башкиру не понравился. Он переминался с ноги на ногу и еле заметно пыхтел. Сергей знал, что гложет душу его друга.

— Это точно не кража? Или что-то в этом роде, — скривился Андрей в насмешливой улыбке. — Если что, я тебя сразу сдам.

— Да ради бога, — Сергей беззаботно пожал плечами. — Скажу так: те, кто должны знать о нашем... эм-м... мероприятии — они знают. Ни о чём не переживай, Андрюха. Всё будет ровно.

Двери разъехались в сторону, выпустив из лифта заведующего терапевтическим отделением. Шестидесятилетний мужчина небольшого роста с толстыми роговыми очками на носу хмуро поздоровался с Сергеем и двинулся к регистратуре. Следом из кабины лифта вышла старая знакомая — начальница химической лаборатории Гузель Галиуллина. В облегчающем чёрно-белом костюме с юбкой, в чёрных туфельках на высоком каблучке, она прошла царственно, сверкнув карими глазами. На секунду её взгляд задержался на Андрее. Девушка даже остановилась, обернувшись к Сергею, хмыкнула и двинулась дальше по коридору в сторону приёмного отделения, оставляя за собой лёгкий, но стойкий лавандовый шлейф духов. Сергею почудилось, что это «Диор», хотя он не был уверен. Он украдкой проводил бывшую возлюбленную взглядом, любуясь знакомым, отточенным силуэтом её фигуры.

— Ну допустим. А почему ты уверен, что это... в моей компетенции? — спросил Андрей из кабины лифта.

Сергей на секунду замаялся, вспоминая, о чём шёл разговор, шагнул в кабину и нажал на кнопку «Три».

— Ты же электротехник?

— Электротехник! — уверенно ответил Андрей.

— Значит, справишься, — хитро улыбнулся Сергей.

Расспросы Андрея утомляли. Сергею предстояло проверить непростое и, что важнее, незаконное дельце, при этом успеть и по профессиональной части. А от Андрея волнами шли негодование и скепсис. Друга следовало успокоить.

«Не ровен час, сбежит ещё! И ищи нового специалиста!» — подумал Сергей и вслух сказал:

— Сейчас поговорим кое с кем, а потом я тебе всё покажу. Никаких причин для беспокойств ты не увидишь!

Андрей насупился пуще прежнего:

— Ясно. Что-то всё равно не так. Не зря тебя в универе прозвали Мылом. Скользкий ты тип.

Сергей открыл дверь в ординаторскую нейрохирургического отделения. «Никого. Так даже лучше», — кивнул он другу, и оба зашли внутрь. Просторное помещение встретило их запахом гардении, стоявшей в красном керамическом горшке на подоконнике. Посреди помещения, напротив окна, стоял диван с махровой обивкой кобальтового цвета. Врачи Потанина и Скарабеева поставили его так, хотя сами на нём никогда не сидели. Слева от входа стояли в ряд три тумбочки яблочно-зелёного цвета. В центральной тумбочке была установлена раковина из нержавеющей стали. В дальнем углу располагался обеденный стол с четырьмя стульями. Сергей двинулся направо — к шкафчикам для переодевания. Вымытый до блеска паркетный пол поскрипывал. Невольно вспомнился кошмарный сон.

Сергей достал из шкафчика чёрный пакет, вынул свёрнутый белоснежный халат и протянул Андрею:

— Надевай.

Андрей нахмурился, нарочито медленно развернул халат и неторопливо осмотрел его сверху донизу:

— Ничего себе. И размерчик мой!

Будто дразня Сергея, Андрей неспешно надел халат.

— Цепляй бейджик, — Сергей резким движением вынул из кармана и протянул другу пластиковый предмет.

Андрей лениво забрал бейджик, взглянул на лицевую часть и тотчас побледнел:

— Неважнокаков Бохер? Ты с ума сошёл? Это же палево!

— Никто эти бейджи не читает! — выпалил Сергей, чьи нервы уже были на пределе.

— Ну, назвал бы Бахиром! — возмутился Андрей. — У башкиров есть такое имя.

— Цепляй давай! — прошипел Сергей. — Нам ещё к Дмитрию Михайловичу. Он не любит ждать.

Сергей бросил быстрый взгляд в сторону двери и достал из шкафчика бумажный свёрток. Быстро развернул и показал другу инструменты, приобретённые позавчера на радиорынке. Андрей задумчиво посмотрел на пассатижи, бокорезы и набор отвёрток. Сергей вопросительно глянул на друга, и, не дождавшись ответа, спросил вслух:

— Возьмём инструменты или без них получится?

— Инструменты — дело такое... — Андрей почесал щетину на подбородке. — Тонкий момент: возьмёшь — получится, не возьмёшь — не получится.

— Я надеюсь, мы всё ещё об инструментах? — проскрипел Сергей.

— Возьму отвёртки, пожалуй. — Андрей рассовал в карманы несколько штук и огляделся. — Так это и есть твоя ординаторская?

— Это моя ординаторская! — прогремел в помещении голос завотделением нейрохирургии.

Сергей вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял заведующий отделением. Коротко стриженный, многоопытный нейрохирург был одет в безукоризненно выглаженный халат, в нагрудном кармане которого торчали четыре ручки разных цветов. Он не выделялся ростом, но все его движения дышали педантичной аккуратностью, точностью и размеренностью. Небольшая полнота придавала ему солидности, а приплюснутый, после давнего перелома нос добавлял чертам лица грубоватый, мужественный оттенок.

— Дмитрий Михайлович, доброе утро, — нарочито бодро ответил Сергей.

— Здрости, — неуверенно протянул Андрей.

Завотделением достал из тумбочки чью-то кружку и коробку с малиновым чаем, после чего закинул пакетик в кружку и наполнил тёплой водой.

— Царевич, ты это чего? — Дмитрий Михайлович поставил кружку в микроволновку на две минуты и повернулся к Сергею. — Ты забыл, что посторонним сюда нельзя?

Сергея прозвали Царевичем ещё с первых дней его появления в стенах больницы. За фамилию Романов.

— Это тот специалист, о котором... — начал было Сергей.

— Мне нет дела до твоих специалистов, — перебил его заведующий. — Если ты понимаешь, о чём я.

«Час от часу не легче!» — вздохнул Сергей. В случае неудачи Дмитрий Михайлович останется не при делах.

— Понимаю, Дмитрий Михайлович, — постарался он изобразить как можно более ослабленную улыбку.

Завотделением приблизился вплотную к Андрею и взялся за бейдж:

— Неважно... каков. О как! Вы, коллега, должно быть, детдомовский?
Андрей замер в недоумении.

— Я шучу! — Дмитрий Михайлович поправил отворот халата Андрея. — Медицина не забудет вашего имени, Бохер Иннокентьевич. — Зав отделением негромко рассмеялся, ощерив безупречный ряд белых зубов. — Ладно, Царевич, ты заполнил бумаги?

— Ещё нет, — заартачился Сергей.

Дмитрий Михайлович нахмурился, пристально всматриваясь в глаза Сергея. Он всегда так делал, чтобы смутить коллег и подчинённых.

— Я знаю, что нет, — медленно заговорил Дмитрий Михайлович. — Мне пришлось заполнить половину! Представляешь? Самому! Долго я ещё свою работу вместо тебя буду делать?

— Извините, Дмитрий Михайлович. Сегодня всё добыю, — твёрдо ответил Сергей.

Звякнула микроволновка. Зав направился к чаю и через плечо буркнул:

— Ладно.

Сергей полез в свой шкафчик, снял с плечиков халат и отточенным движением надел его.

— Сенкью вери мач за понимание, — Сергей быстрыми движениями застегнул пуговицы.

— От сенкьюверимача слышу. Говори по-русски, — Дмитрий Михайлович достал из микроволновки чай и подошёл к стеллажу с историями болезней. — Выглядишь невыспавшимся, Царевич. Не злоупотребляй дежурствами. Мне тут врачебные ошибки ни к чему! Понял меня?

— Понял, Дмитрий Михайлович. Я выспался так хорошо, что Морфей мне должен остался.

Казалось, Дмитрий Михайлович задумался. Возможно, он размышлял, кто кому в таком случае был бы должен, а возможно, вспомнил, что нужно купить сегодня вечером в магазине. Завотделением взял со стеллажа папку, отхлебнул чай и направился к Сергею.

— Бери историю болезни, — зав протянул ему папку. — Одоевская Таруса Николаевна. Двенадцать лет. Не забыл её? Опухоль шишковидной железы. Подготовь к операции.

— Да, я помню, сегодня в полдень, — Сергей тремя шагами пересёк половину ординаторской и забрал историю болезни.

— Только это... Царевич. Шнеля за арбайтен. Чем сильнее шнеля, тем больше гут. Если ты понимаешь, о чём я, — многозначительно сказал Дмитрий Михайлович.

Сергей кивнул.

— И с Одоевской тоже не медли, — добавил завотделением.

— Что-то не так? — насторожился Сергей.

Дмитрий Михайлович медленно опустился на диван:

— Мне не нравится, как выглядит Одоевская. Давай-давай, вперёд, за работу, а то пациенты могут уйти здоровыми.

Сергей положил руку на плечо Андрея и вывел его в коридор. Неуклюжий друг споткнулся о порожек и наступил на ногу врачу. Сергей матом посмотрел на Андрея, тот виновато пожал плечами. Оба двинулись в сторону выхода из отделения.

— Это и есть тот разговор, после которого у меня не должно остаться сомнений? — Андрей обернулся, проверяя на всякий случай, не идёт ли следом Дмитрий Михайлович.

— Тот самый, — уверенно ответил Сергей. — Если бы что-то было не так, случился бы скандал, тебя бы выгнали, а мне бы устроили выговор. У нас тут строго. Посторонним нельзя.

Нервозность башкира как будто стихла. Это читалось по его спокойному лицу, по тому, как он выпрямился, уверенно шагая рядом с Сергеем, и по тому, как пропала скованность в его движениях.

— Странный у тебя начальник. Как ребёнок, ей-богу! Это моя ординаторская! — по-детски передразнил Дмитрия Михайловича Андрей. — Не играйте здесь!

— Не обращай внимания, — Сергей остановился у поста дежурной медсестры. — Он хороший мужик. Иди к лестнице, — махнул он другу в сторону дверей. — Мне на двадцать минут надо к пациенту.

Андрей послушно поплёлся к выходу из отделения. Сергей повернулся к сорокалетней медсестре с рыжими волосами. От уголков её больших круглых глаз лучиками разбежались морщинки. Женщина усердно заполняла бумаги.

— Мариванна, как дела у Одоевской? Провели предоперационные процедуры?

Медсестра подняла уставший взгляд:

— Да, Сергей Алексеевич. Голову ей побрила, лекарства дала. Ну и всё остальное.

— Она в палате?

— Так точно, — натянута улыбнулась Мария Ивановна, протянула листок с результатами анализов и вновь принялась заполнять документы.

Сергей отправился в десятую палату, просматривая листок. Вчера он отправил девочку на повторную проверку на онкомаркеры. Что-то беспокоило молодого нейрохирурга-анестезиолога, но что конкретно, он не мог понять. РЭА, СА, белок S 100, NSE — ничего не выявлено. Опухоль мозга точно доброкачественная. Сергей закрыл папку с историей.

Одоевская лежала в койке на боку со свежевыбритой головой. Её длинные тёмно-русые волосы, так мило украшавшие детское личико, канули в небытие. Хрупкая девочка двенадцати лет общалась с мамой, тоненькими пальцами вцепившись в чёрную тряпичную куклу. В палате вдоль стены располагались ещё четыре койки, но заняты были только две. На второй лежал четырнадцатилетний подросток эвенкийского происхождения. Сергей не был уверен, но отец мальчика вроде как был шаманом какого-то тамошнего племени.

— Таруса Николаевна! — бодро и доброжелательно заговорил Сергей и встал у подножия койки. — Как ваше самочувствие?

Щёки Тарусы залились пунцовой краской. Девочка смущённо улыбнулась и легла на спину.

— Замечательно, Сергей Алексеевич.

Сергей знал, что нравится пациентке, и догадывался, что может быть её самым первым в жизни и оттого трепетным и чистым увлечением. А потому старался держаться как можно более добродушно:

— Как прошла ночь?

Мать Тарусы кончиками пальцев нежно погладила темя дочери. Статная, высокая женщина по имени Лада Олеговна выглядела поразительно молодо: ей едва перевалило за тридцать, а на вид казалось — не больше двадцати. Её красота была особого, почти сказочного склада: белоснежное, почти фарфоровое лицо, тёмные глаза и брови, верхняя губа чуть полнее нижней. Даже маленькая особенность — слегка оттопыренные в верхней части уши — лишь добавляла её облику лёгкого, озорного шарма. «Само очарование», — как-то сказал о старшей Одоевской Дмитрий Михайлович. «Будто эльфийка», — мысленно добавил Сергей.

— Невообразимо! — прошептала Таруса. — Я научилась летать во сне! Адиуль говорит: я очень быстро учусь.

Сергей посмотрел на четырнадцатилетнего парнишку с азиатской внешностью. Тёмный, просаленный клок спутавшихся волос торчал над его левым ухом. Он больше недели учил Тарусу осознанным сном и, видимо, добился успехов в этом деле.

— Адиуль, опять балуешься? — строго посмотрел на него Сергей.

— Ничего я не балуюсь, — надул губы эвенкийский мальчишка. — Я научил её чувствовать свой разум во сне. Но ей надо привыкнуть. Бояться нельзя, Тася! — обратился мальчик к Тарусе. — Бояться опасно!

Глаза девочки округлились и превратились в две карие пиалы:

— Страшно же! — воскликнула она.

— Итак, Таруса, — посерьёзnel Сергей. — Тошнота, головокружение?

— Да, Сергей Алексеевич. Всё как обычно, — картинно вздохнула Таруса.

— Это неправда, Сергей Алексеевич, — вмешалась Лада. — Ей с утра хуже.

— Совсем чуть-чуть! — возмутилась Таруса.

— Разве это замечательное самочувствие? — Сергей осуждающе посмотрел на девочку.

— Так я уже привыкла, — зарделась она.

Сергей обошёл кровать и встал слева, напротив Лады. Он взял Тарусу за запястье, чтобы проверить пульс. Когда кончики пальцев коснулись нежной, но болезненно холодной девичьей кожи, Таруса вздрогнула. Сергей бросил взгляд на тряпичную куклу какого-то хвостатого животного. Ящерицы?

— А что это за кукла? — прищурился он, пытаясь разобраться. — А разве ты не слишком взрослая для таких игрушек?

— Это талисман. На удачу, — ответила Лада раньше Тарусы, на секунду оставшейся с открытым ртом.

— Хм... Брадикардия, — встревоженно произнёс Сергей.

«Брадикардия... Внутричерепное давление, не иначе. Что ещё может быть? — напряжённо размышлял нейрохирург. — Может, начать операцию сейчас?»

— Это плохо, Сергей Алексеевич? — забеспокоилась Лада.

— Брадикардия — плохой признак, — прошептал Сергей.

— Операция отменяется? — дрогнувшим голосом спросила Лада.

— Нет, конечно, — твёрдо ответил нейрохирург.

«Речевая реакция Тарусы в порядке. А вот сознание...» — подумал Сергей.

— Таруса Николаевна, скажите, где вы сейчас находитесь?

— В кровати, — не колеблясь ответила девочка.

Сергей усмехнулся:

— А в каком здании кровать, на которой вы находитесь?

— В бо-больнице, — неуверенно ответила Таруса.

— Сколько вам лет? — спросил Сергей.

Глаза Тарусы уставились на потолок, а губы едва заметно зашевелились.

— Двенадцать, — тихо произнесла девочка.

— А сегодняшнее число назовёте, Таруса Николаевна?

— А, это... — Таруса посмотрела в лицо матери, будто искала поддержки. — Десятое.

«Сознание ясное. Ситуация не критичная. Зря торопиться тоже рискованно. И операционные, небось, все заняты», — мешкал Сергей. — Лада Олеговна, если вдруг что, сразу бегите на пост.

— Да, конечно, — встревоженно закивала женщина.

Сергей вышел из палаты и не сразу вспомнил, что на лестнице его ждёт Андрей. Царевич оставил папку с историей на посту и через несколько секунд выскочил из отделения.

Андрей стоял, облокотившись о перила, скучаяще поглядывая то в просвет между лестничными пролётами, то в окно.

— Никто не приставал? — Сергей хлопнул друга по плечу и помчался вверх по лестнице, перескакивая длинными ногами через три ступеньки.

Андрей последовал за ним:

— Проходил дедуля один. Щуплый, в халате и очки с желтоватым оттенком. Знаешь, что сказал?

— Что? — бросил через плечо Сергей.

— Ещё один стоит в телефоне сидит! — запыхавшимся голосом сказал Андрей. — Докопался на ровном месте, представляешь?

— Это Кирилл Евгеньевич, он любит молодёжь поучить, — сказал Сергей, не снижая темпа.

Телефон Андрея подал сигнал о входящем сообщении.

— Выключи телефон, — буркнул Сергей. — Мне нужно, чтобы ты качественно выполнил свою работу.

— Ни о чём не переживай, — самоуверенно парировал Андрей. — Качественный — это моё второе имя.

— Ниразу не — первое? Убери телефон, — рявкнул Сергей.

— Маме приснилось, что я попал в аварию. Надо успокоить.

Сергей открыл дверь на пятый этаж. Здесь находился переход в исследовательский блок. Интерьер этой части здания разительно отличался от больничного блока. Вместо медицинских плакатов стены украшали картины с пейзажами, потолок венчала причудливая гипсовая лепнина, а под ногами лежала тёмная сланцевая плитка. Будто не больница, а музей.

— Андрюха! — Сергей остановился и схватил друга за плечо. — Потом ей ответишь!

— Ну уж нет! Ты не знаешь мою маму! У неё же паника начнётся! Сыночек не отвечает две минуты! Беда! В канаве лежит, сыночек, — спародировал Андрей свою мать, сделав голос писклявым, — в конвульсиях дёргается!

Сергей зло сжал кулаки. Делать нечего, упряма не заставить даже пальцем пошевелить, если упёрся. Царевич фыркнул и широкими шагами двинулся по переходу в исследовательский блок. Туда-сюда бегали насупленные невыспавшиеся научные сотрудники. Каждый хмуро здоровался с Сергеем и бежал дальше по своим делам. Через минуту нейрохирург добрался до титановой двери, за которой находилось бесценное сокровище. Сергей приложил пропуск к считывателю. Прибор пикнул, электромагнитный замок щёлкнул, и Царевич вошёл внутрь в прохладное просторное помещение, в котором при желании можно было оборудовать фитнес-зал. Стены и потолок, отделанные белым пластиком, создавали футуристическую атмосферу. На противоположной стене висели пять выключенных мониторов; во время процедур на их экраны выводились жизненные показатели пациента. Посреди помещения располагалась койка, у изголовья которой стояли аппараты ИВЛ, ЭЭГ, а рядом — светло-серый прямоугольный корпус самого высокотехнологичного устройства в стране. Беглым взглядом его можно было спутать с холодильником.

— Секретность, поддельные пропуска, — взбудораженным голосом сказал Андрей. — Чувствую себя как ниндзя.

Сергей приблизился к заветному устройству и хлопнул по жестяному корпусу.

— Ниндзя, смотри сюда — это роботизированный обратитель деменции. Коротко — РОД. Модель двадцать двадцать пять.

— На работа не похож. Где красные глаза? — расплылся в улыбке Андрей.

Электротехник подошёл к РОДу, внимательно и со всех сторон рассматривая корпус.

— Согласен, название неказистое, — Сергей отступил на пару шагов, чтобы не мешать. — Претензии к маркетинговому отделу.

— И ты хочешь сделать копию этого устройства?

Сергей посмотрел на часы: через двадцать минут придёт команда специалистов компании разработчика и демонтирует устройство. Надо торопиться.

— В целом, это обычный компьютер, — спешно заговорил Сергей. — С небольшими доработками под специфику работы. Главный секрет РОДа — в наноботах. Они проникают в нейроны ЦНС пациента и восстанавливают повреждённые нейронные цепочки. Правда, есть оговорка. Тут вот какое дело: каждый синапс с его рецепторной мозаикой, каждый отросток имеет свою индивидуальную форму. У одного нейрона более пластичная мембрана, из-за чего он способен образовывать больше отростков и, соответственно, связей, у другого — менее, и его связи статичны.

— Уф-ф! — зло вздохнул Андрей. — Скажи проще: человек после процедуры будет не на сто процентов прежний!

— Да, именно так, — кивнул Сергей. — РОД управляет процессом восстановления. То есть должен был. К сожалению, устройство не дало результатов. Я просил разработчиков увеличить дозировку наноботов и интенсивность их работы. Но они ни в какую.

— А наноботы не хотят интенсивно работать, верно? — гыгыкнул Андрей. — Понимаю, кому надо, тот пусть и работает!

Шутовство Андрея бесило. Сергей посмотрел на часы: половина девятого. Осталось совсем немного времени.

— Нет, Андрюха, — торопливо заговорил Сергей. — Просто это более опасный метод. Смертельно опасный. В общем, проект закрыли.

— Хм... О смертельном риске ты ничего не говорил. А почему тебя не заботят жизни пациентов? — удивлённо спросил Андрей.

Сергей нервно перевалился с ноги на ногу, подбирая слова:

— Как это не заботят? Конечно, заботят, Андрюха! Есть такие пациенты, у которых нет шансов. Так уж случилось. Такие пациенты в перманентном вегетативном состоянии. Мы, врачи, — хлопнул себя по груди Сергей, — отправляем таких пациентов в центры паллиативной помощи, где они встречают свой конец. Но с этим устройством у них есть хоть какой-то шанс. И в случае успеха мы получим средство восстановления мозга, понимаешь? Представь, сколько тысяч людей мы исцелим! Альцгеймер, Паркинсон, Вильсон, эпилепсия, травмы мозга — всё это уже не будет кошмаром человечества.

Андрей протяжно выдохнул, о чём-то размышляя. Сергей нервно забарабанил пальцами по корпусу РОДа.

— Ну, не знаю, — через несколько секунд заговорил электротехник. — Ты говорил о величайшем подарке человечеству. Но о том, что он будет ценой чьих-то жизней, ты не упомянул.

Сергей раздражённо заскрипел зубами: «Серёга, балда! Ври, Серёга, всегда ври, обормот! Ну зачем ему было знать о рисках?»

Он нервно облизнул губы.

— Сегодня вечером мы с тобой ходим в один из таких паллиативных центров и ты поговоришь с родственниками коматозных пациентов. Они убедят тебя в том, что ты не прав. А теперь сделай, пожалуйста, своё дело.

— Ну не-е! Я умываю руки. Я простой электротехник, а не доктор Франкенштейн, — скривился Андрей.

Электротехник двинулся было к двери, но Сергей схватил его за плечо. Андрей то ли удивлённо, то ли возмущённо посмотрел на руку, длинными пальцами вонзившуюся в его плоть.

— Слушай, Андрюха, на тебе не будет ответственности, — более низким тоном заговорил Сергей. — Просто сделай мне реплику. Дальше я сам.

— Серый, ты же врач! — Андрей выдернул руку из цепких пальцев Царевича. — Клятва Гиппократа! И всё такое!

— Знаешь, как Эдвард Дженнер однажды нашёл способ вакцинации от оспы? — не сдавался Сергей. — Он ввёл здоровому ребёнку гной от заражённой коровы. Мальчик заболел, излечился и обрёл иммунитет. Исследования Дженнера спасли огромное количество людей.

— Ну не знаю, — пожал плечами Андрей. — Соблазнительно, конечно, помочь людям. Но одна мысль о погибших по моей вине...

— По моей вине! — гулко уточнил Сергей.

Андрей вздохнул. На мгновение его взгляд вонзился в пол. Очевидно, электротехник взвешивал слова друга.

— Ладно, погнали, — пробурчал Андрей и вернулся к устройству. — Для начала просто посмотрим, какая здесь начинка. В чём вообще смысл этого устройства? Он собирает заново мозг? Как по кирпичикам?

Андрей достал из кармана отвёртку и открутил все винты на боковой панели корпуса.

— Мозг собирает себя сам, — тем временем комментировал Сергей. — РОД только помогает. Направляет через наноботы¹. А мозг пациента восстанавливает повреждённые аксоны. Или образует новые связи, чтобы компенсировать погибшие нейроны. Понимаешь?

— Ну-у... — протянул Андрей, откручивая очередной винтик. — Управление наноботами — это единственное предназначение РОДа?

— Нет, конечно! РОД моделирует виртуальный мир, в котором можно... эм-м... если вкратце, запустить сознание пациента. Вместо повреждённых нейронов и аксонов цепочки выстраиваются из наноботов. В каком-то смысле РОД достраивает нейронную карту мозга.

— Зачем нужен виртуальный мир? — Андрей снял боковую панель и прислонил к тыльной стороне корпуса.

Оба мужчины заглянули внутрь устройства. Андрей присвистнул. Четыре платы, связанные между собой шлейф-пинами, висели на металлических кронштейнах, будто полки шкафа. На каждой плате имелся процессор. На стенках корпуса красовалось несметное количество вентиляторов, а блок питания, установленный внизу, можно было назвать электроподстанцией. Андрей принялся фотографировать содержимое, поднося телефон чуть ли не к каждому конденсатору. Сергей встал и отошёл в сторону, чтобы ему не мешать.

— РОД должен видеть, как взаимодействуют нейроны пациента, когда он здоров. Сознание, двигательная активность, распознавание объектов, навыки и всё прочее — от балды нейронные цепочки не восстановишь. Понимаешь? Без взаимодействия с миром... Без простого человеческого опыта эти цепочки не заработают. Виртуальная реальность позволяет пациенту взаимодействовать с миром... эм-м...

Андрей удивлённо обернулся.

— Не взаимодействуя с миром?

— Да.

— Ничего себе! И как это происходит? — оживился Андрей, забыв о работе. — Как в виртуальную реальность помещается сознание человека?

Сергей махнул ладонью, мол, не отвлекайся, продолжай работать.

— Никак не помещается. Через четверохолмие среднего мозга мы подаём пациенту картинку в мозг, а РОД считывает действия пациента и воплощает их в виртуале. Вот такая вот синхронизация.

Андрей достал ещё одну отвёртку, открутил радиатор охлаждения на одной из плат, сфотографировал цепи питания, прикрутил радиатор на место.

— А если часть нейронов погибла, то как вы восстановите личность пациента... ну... чтобы как раньше было? — настаивал Андрей на своём.

— В любом случае после тяжёлых повреждений мозга пациенты не бывают на сто процентов прежними, — сухо ответил Сергей.

— О, выходной дроссель! — бубнил про себя Андрей, рассматривая разобранный блок питания. — По выходным я тоже дроссель!

Он сфотографировал компоненты блока, собрал и вернул на место.

— А начальник твой... Ну тот, шутник с большой дороги... — прокряхтел Андрей, пытаясь попасть винтиком в неудобный паз в глубине корпуса. — У него какие резоны? Видно же... кх... пф... — Андрей от напряжения высунул язык. — Видно, что он себе на уме.

¹ Наноботы — структуры, размером сопоставимые с молекулой и предназначенные для управления отдельными молекулами или атомами.

Сергей ухмыльнулся. Друг попал в точку.

— Скажем так: Дмитрий Михайлович хочет убить двух зайцев. И для медицины что-то сделать, и свои интересы продвинуть.

— Какие? — не задумываясь спросил Андрей. — Какие интересы?

Сергей нервно скрипнул зубами и невольно уставился на дверь. Счёт шёл на минуты. Если не быть откровенным, упрямый осёл начнёт выкобениваться, решил нейрохирург.

— Ему нужна докторская и тёплое место в министерстве, — шёпотом сказал Сергей, хотя услышать его никто не мог. — Я ему в этом помогаю.

— Твою душу! Наконец! — облегчённо вздохнул Андрей, попав винтиком в паз. — Ты пишешь своему начальнику докторскую?

— Ну, ты давай без этого! — сдавленно ответил Сергей. — Не кричи тут. У нас уговор с Дмитрием Михайловичем. Он получает докторскую, я — кандидатскую. Он прикрывает, помогает связями, я делаю черновую работу. Ясно?

— А потом, когда он уйдёт в министерство, ты станешь заведующим отделением? — Андрей ловко и быстро прикрутил все винты блока питания. А потом вытянул руку. — Дай рулетку. Или линейку.

— Ни того ни другого нет, — Сергей насмешливо пожал протянутую руку. — Есть наглазомер.

— Спасибо, — угрюмо ответил Андрей. — Такой есть и у меня.

Отчётливо послышалось жужжание телефона Андрея. Электротехник достал телефон и принялся строчить кому-то сообщение.

— Хватит копать в телефоне! — взорвался Сергей. — И так времени нет!

— Если я не отвечу, она позвонит! — возмутился Андрей. В тот же миг телефон в его руках завибрировал, а на экране появилась надпись: «Мамович». — Ну вот... Я же говорил! — Андрей принял звонок и приложил телефон к уху. — Да, мам. Только быстро. Всё хорошо! Нет, тебе показалось. Нет, говорю! Нормальный голос. Просто работаю. Нет, не простужен. Mam! Да, хорошо кушаю! Я занят, всё, давай. Угу... Угу... Хорошо. Угу!

Андрей положил трубку. Сергей прожёл друга взглядом, тот в ответ нагло не отвёл глаза. Никакого раскаяния Андрей не испытывал.

— Давай, вставай, мамкин ниндзя, — потребовал Сергей. — Собирай всё назад. Пора уходить!

Андрей вернул боковую крышку на место и быстро прикрутил. «В мастерстве этому человеку не откажешь», — восхищённо подумал Сергей. Моторика точная, пальцы быстрые. Наверное, и ниткой в игольное ушко с первого раза попадает!

— Твою же ж... — буркнул Андрей, когда, стоя на коленях, прикручивал внизу последний винт.

— Что такое? — встревожился Сергей.

— Да бейджик твой, треклятый, — Андрей потянулся рукой в узкое пространство под корпусом РОДа. Дальше костяшек кисть не пролезла. Андрей корячился, от напряжения вновь высунул язык, но тщетно.

— Как ты его загнал туда? Он же на булавке! — оторопел Сергей.

— Булавка-то на месте... на халате, — Андрей показал металлическую булавку бронзового цвета, одиноко висевшую на его груди. — А вот пластик бейджа явно не торт.

— Оставь бейдж там. Пора валить!

Сергей хлопнул Андрея по спине и метнулся к двери. Нейрохирург осторожно приоткрыл дверь, одним глазом выглянул в коридор: никого. Отряхивая штаны от невидимой пыли, Андрей двинулся к выходу. Сергей кивнул ему, и оба выскочили в коридор. Через несколько минут взбудораженный, но воодушевлённый Сергей провожал Андрея в вестибюле больницы.

Сергей стоял в углу операционной и поглядывал то на Дмитрия Михайловича, то на четверых ординаторов, внимательно слушавших почтенного врача. Под халатами, масками и медицинскими шапочками внешность ординаторов едва угадывалась. Можно было сказать, что перед завотделением стоят двое высоких худых юношей и две хрупкие девушки. Молодые врачи стояли посреди операционной у хирургического стола, у изголовья которого имелся фиксатор головы. Над столом висел интраоперационный микроскоп — глаза хирурга, которые позволяли проникнуть в пинеальную полость мозга, одно из самых труднодоступных мест в организме человека. В данный момент Дмитрий Михайлович объяснял принцип работы этого микроскопа. Потом завотделением переключился на ультразвуковой костный скальпель, больше походивший на письменную ручку в чёрном корпусе, чем на высокотехнологичный медицинский инструмент. На следующем этапе завотделением объяснил предназначение эндоскопической стойки и установленного на неё оборудования. На вершине стойки имелся экран, на который обычно выводилась съёмка хода операции. После этого Дмитрий Михайлович повёл группу к негатоскопу на стене и показал снимки МРТ Одоевской, на которых очертил контуры опухоли в пинеальной полости.

Сергей давно понял, что завотделением обожал молодых врачей и студентов. Со стороны могло показаться, что это не так, что Дмитрий Михайлович, как всегда, сдержан, возможно даже и не заинтересован. Однако Сергей знал своего начальника и наставника слишком хорошо. В такие минуты, когда Дмитрий Михайлович холодным тоном рассказывал о своей профессии, пациентах, удачных и неудачных операциях, он приосанивался, говорил чуть более высоким тоном, пристально смотря на молодые лица, внемлющие каждому его слову. В общении с подчинёнными он держался гораздо строже. Сергей догадывался, почему Дмитрию Михайловичу нравился педагогический процесс. Большинство начинающих врачей ждёт длинное путешествие, в котором они помогут многим тысячам пациентов. Кто-то будет врачом где-нибудь в захолустье, другие добьются неплохих успехов. А кто-то взойдёт на вершины врачебного дела и станет светилом науки. В каждом из них останется отпечаток сознания Дмитрия Михайловича. Сей факт наверняка безмерно радовал пожилого хирурга. По крайней мере, Сергей был в этом уверен.

— Итак, молодёжь, все помнят, что мы будем делать? — вдруг замер Дмитрий Михайлович.

Один ординатор кивнул, второй угукнул, одна из ординаторш пискнула: «Да», а вторая, из-под шапочки которой виднелись рыжие волосы, тоненьким голоском заговорила:

— Краниотомия, проникаем в конглоуэнс поперечного синуса, чтобы не повредить мозжечок. Вот мы в пинеальной полости, а дальше как по маслу.

Звали ординаторшу Думмовой Элеонорой. Она окончила школу с золотой медалью, а институт — с красным дипломом. Её жажда внимания и одобрения с первых секунд бросалась в глаза. Перебивая коллег, девушка раньше и громче остальных отвечала на вопросы Дмитрия Михайловича, желая занять собой как можно больше пространства. Она будто боролась за внимание главного мужчины в этой операционной. «Могу поспорить, у этой пигалицы строгий, холодный, скупой на эмоции отец, оттого и такая потребность в одобрении, — размышлял про себя Сергей. — Глупенькая, наивная заучка. Такие дурочки часто путают образованность и обучаемость с интеллектом. Она бы легко попала в сети какого-нибудь властного и харизматичного шарлатана». Сергей представил, как Дмитрий Михайлович говорит Элеоноре прыгать и та прыгает. Дмитрий Михайлович говорит садиться — девушка садится. Дмитрий Михайлович говорит ей оформить кредит и отдать ему деньги... Сергей представил эту сценку так явственно, что даже расстроился. Ему очень сильно захотелось, чтобы у Элеоноры были достаточно сильные родители, которые прогонят от неё недостойных. Девочка наивна, порой бросается неуместными колкостями, но совсем не заслуживает жестокости и поломан-

ной жизни. «Эх... как это ни печально, но всё-таки культура родительского одобрения избранников дочери всё ещё нужна обществу», — подумал с грустью Сергей.

— Агащас, — выпалил Дмитрий Михайлович. — Знаете такого бога из античной Греции? Он возил лицом по асфальту всех мечтателей.

Глаза Элеоноры недоумевающе округлились.

— Не было такого бога в Греции, — выпалил высокий ординатор с бровями в виде галочки.

За такие брови персонал называл его Маздой.

— Был! — гавкнул Дмитрий Михайлович. — Жил на Олимпе на улице Нектарова, восемь. По соседству с богом сарказма. Как по маслу не будет, ребятки мои, даже не думайте так относиться к своей работе. Если вдруг операция пройдёт легко — пусть будет приятным сюрпризом. Всем ясно?

Ординаторы закивали.

— Будьте готовы к любым осложнениям, — строго потряс указательным пальцем Дмитрий Михайлович.

В операционную закатили Одоевскую, накрытую до шеи тонкой белой простыней. Мария Ивановна скомандовала молодой медсестре, и они аккуратно пристроили каталку рядом с операционным столом. Сергей присмотрелся к Тарусе. Казалось, лицо девочки стало ещё бледнее. Обсохшие тонкие губы едва заметно подёргивались. Такая реакция показалась Сергею странной. Мария Ивановна подхватила девочку под плечи, и тотчас Таруса резко вздрогнула! Элеонора от неожиданности взвизгнула. Повидавшая всякое Мария Ивановна замерла. Взволнованное бледное личико Тарусы застыло в недоумении, а её глаза бегали по незнакомым, спрятанным за масками лицам, по страшным медицинским приборам. В какой-то момент взгляд девочки уставился на стол со скальпелями, зажимами и прочими инструментами, название которых она наверняка не знала, но которые её до жути напугали. Лёжа в палате, Таруса прежде без конца храбрилась, как и все напуганные пациенты, — сейчас же было видно, как страх окончательно подчинил её себе.

— Мария Ивановна, почему вы не дали ей диазепам? — удивлённо спросил Сергей.

— Неправда! — возмутилась старшая медсестра. — Пять миллиграмм. Как вы и прописали!

Тем временем к Одоевской приблизился Мазда и положил ей руку на плечо.

— Должно быть, ты главное блюдо?

Испуганное лицо девочки исказилось ужасом. Таруса медленно повернулась к Сергею и жалобно протянула:

— Сергей Алексеевич...

Она рванула, чтобы вскочить, но Марья Ивановна с силой придавила к каталке сопротивляющуюся девочку.

— Что ты делаешь, лопух? — рявкнула Мария Ивановна на непутёвого ординатора.

Ординатор, перепугавшийся не меньше Одоевской, отступил на шаг и пролепетал: «Извините». Сергей подскочил к пациентке, положил руку на плечо и заглянул в глаза.

— Всё, всё, всё, Таруса, я здесь, никто тебя не тронет! Всё в порядке, всё хорошо, — отчеканивая каждое слово, повторил нейрохирург — Это я, Сергей Алексеевич.

Взгляд Тарусы впился ему в глаза и замер. Тотчас её рывки стали ослабевать. Девичьи мышцы расслабились, а девушка выдохнула:

— Сергей Алексеевич, не дайте им съесть меня!

Прежде Таруса легко распознавала шутки. Сейчас мышление девочки приобрело формальный характер. «Симптом... Но вряд ли это эпифиз», — решил Сергей и твёрдо произнёс:

— Ни за что на свете!

Сергей убрал было руку, чтобы заняться своими обязанностями, но девочка необычайно крепко схватила его за предплечье. Нейрохирург даже опешил от такой силы.

— Не отходите, Сергей Алексеевич. Мне страшно, — прошептала Таруса.

Это бледное исхудавшее лицо, растерянный тревожный взгляд, эта просьба о защите странным образом подействовали на Сергея. В нём проснулись чувства, о которых он только слышал, но никогда прежде не испытывал их сам. Сергей вдруг ощутил потребность быть отцом и защитником. Он положил руку на напряжённую кисть Тарусы и прошептал ей у самого уха:

— Никто тебя не обидит, даю тебе слово, Таруса. Я всё время буду здесь, я обещаю. Ты у меня под присмотром, ясно?

Таруса покивала головой и нехотя отпустила руку Сергея. Мария Ивановна и её помощница переложили пациентку на операционный стол.

— Дамы и господа, это был мастер-класс нашего повелителя девичьих сердец, — похлопал Дмитрий Михайлович и подошёл к Мазде. — А ты заруби себе на носу — операционная не место для стендапа. Пациент — зверь пугливый, с ним только ласково.

— Хорошо, Дмитрий Михайлович, — кивнул плечистый ординатор.

— Для тебя ничего хорошего, — недружелюбно продолжил завотделением. — Сегодня придёшь в ночную смену и будешь помогать медсёстрам. Вот тогда и будет хорошо. Усёк? — завотделением ткнул указательным пальцем ординатора в грудь.

На лице Мазды скользнуло недовольство:

— Да, Дмитрий Михайлович.

Отточенными движениями медсестра подключила Тарусу ко всем приборам.

— Хм... брадикардия усугубляется. — Дмитрий Михайлович подошёл к экрану и зачем-то постучал по тому месту, где светилась цифра сорок три.

Сергей отворил стеклянную дверцу шкафчика и достал бутылёк с пропофолом. Затем он воткнул иглу капельницы в резиновую пробку пропофола и установил её на специальной стойке.

— Серёж, что-то не так... — обеспокоенно произнес Дмитрий Михайлович.

Монитор показывал пульс тридцать пять ударов в минуту. Таруса закатила глаза и потеряла сознание. Кожа девочки заблестела.

— Внутричерепное давление повысилось, — быстро заговорил Сергей. — Я немного подниму пульс. Не теряйте времени, Дмитрий Михайлович.

Завотделением смочил тампон хлоргексидином и быстрыми движениями принялся обеззараживать затылок Тарусы.

— Действуй, — скомандовал Дмитрий Михайлович.

Сергей достал из шкафчика шприц с эпинефрином и ввёл в вену Тарусе три десятых миллиграмма препарата. Кожа Тарусы покрылась крупными капельками пота, а простыня на ней за несколько секунд взмокла. Из закрытых глаз потекли слёзы. Сергей не мог поверить тому, что видел! Это совершенно не укладывалось в симптоматику болезни.

— Что происходит? — уставился на Сергея Дмитрий Михайлович.

— Холинэргический криз! — выпалил Сергей.

Анестезиолог широкими шагами пересёк операционную, грубо подвинул оказавшегося на пути нерасторопного ординатора, схватил пузырёк с атропином, распаковал новый шприц, втянул шприцем препарат, молниеносно вернулся к Тарусе и вонзил иглу под кожу. Ловким движением Сергей вошёл в вену и потянул поршень на себя. Содержимое шприца окрасилось в красный цвет. Сергей смело ввёл препарат. Мария Ивановна, не теряя ни секунды, подготовила шприц с пралидоксимом и протянула его анестезиологу. Сергей ввёл и этот препарат.

Дмитрий Михайлович тем временем подключил пациентку к аппарату искусственной вентиляции лёгких.

— Серёжа, объясни мне, какого чёрта это произошло? — зло спросил завотделением.

— Ни малейшего понятия, — ответил Сергей.

В течение полутора часов он добавлял атропин в кровь Тарусы. Пульс нехотя поднимался. И Дмитрий Михайлович, и Сергей смотрели на монитор с жизненными показателями пациентки с одной мыслью: с самого утра брадикардия была симптомом не внутричерепного давления, а холинергического криза.

Глава 2. Инды

Сергей хлопнул кофе из белой керамической кружки, поставил её на стол и вновь погрузился в страницы истории болезни Одоевской. Квитанции, чеки, договора Сергей уложил стопкой на краю стола, чтобы не мешались. Мария Ивановна, на минуту забежавшая в ординаторскую, бросила косой взгляд на чёрный, как смола, напиток и шутливо спросила:

— Не из скважины ли ты набирал эту бурду, Серёж?

Сергей из вежливости улыбнулся, легонько кивнул и продолжил изучать результаты анализов. Гемоглобин — в норме. Общий анализ мочи — ничего подозрительного. ЭКГ — ни синусовой брадикардии, ни проблем с миокардом. Сергей принялся проверять дозировку лекарств, но какой в этом смысл? Холинергических лекарств Одоевской не давали. Инфекция? Не было высокой температуры. Эндокринные нарушения? «Может быть», — ответил себе Сергей. «Или ФОС?» — подумал он затем о фосфорорганических соединениях. Военные используют их как нервно-паралитические яды. На всякий случай проверили и эту версию. В отделении опросили всех, перерыли вверх дном каждое помещение — всё тщетно. Сергей не понимал, откуда подступиться.

Таруса впала в кому, её состояние едва удалось стабилизировать. Эмоциональный шторм порывами побуждал Сергея вскочить и где-нибудь непременно найти ответ на все вопросы, а потом сделать что-нибудь, что вернёт жизнерадостного ребёнка к жизни. Нейрохирург силой воли осаживал себя, заставляя последовательно и хладнокровно расследовать происшествие. Но из головы никак не уходил взгляд двенадцатилетней девочки, напуганный, наивный, чистый, но бесконечно преданный своему герою — молодому, большому и сильному врачу, пообещавшего никому не дать её в обиду.

В ординаторскую зашёл усталый, понурый Дмитрий Михайлович.

— Что с Одоевской, Царевич? — спросил он с порога.

— Отправил анализы в лабораторию. Жду результатов, — решительно ответил Сергей.

— Ингибитор холинэстеразы?

— Может быть, Дмитрий Михайлович, — едва сдержал раздражение Сергей. — Лада Олеговна не подтвердила, говорит, ничего не давала дочери. Анализы всё покажут.

— А ещё может... Мускаринсодержащие грибы? — заведением набрал чайник и поставил греться.

Сергей удивлённо посмотрел на начальника:

— Подходит, конечно. Но как и кто эту гадость сюда пронёс?

Дмитрий Михайлович достал из шкафчика кружку Потаниной:

— Мало ли, — зав вынул пакетик чая из упаковки и закинул его в кружку.

Сергей непроизвольно вытянул губы, оценивая вероятность такой причины происшествия.

— Ну не знаю... — протянул он. — Скорее это могли быть какие-то химикаты.

Дмитрий Михайлович насыпал в кружку две ложки сахара:

— Больница на твоей стороне, если ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю, — сухо ответил Сергей. — Спасибо.

— Так что не раскисай и продолжай работать, — угрюмо произнёс Дмитрий Михайлович.

Пока есть возможность, больница всегда бывает на стороне своих врачей. Врачебные ошибки случаются, никто с этим ничего не поделает. Все люди во всех профессиях ошибаются, святых нет. Но поскольку с врачей большой спрос, а руководство больницы отвечает за статистику, получается так, как получается.

Чайник вскипел. Дмитрий Михайлович залил кипяток в кружку, размешал сахар и выкинул использованный пакетик. О чём-то напряжённо размышляя, заотделением подошёл к дивану, затем уселся в самом углу. Глотнув чай, он заговорил:

— Опроси всех. Проверь всё. Ответ должен быть уже завтра. Тебе ясно?

— Да, Дмитрий Михайлович, — покорно ответил Царевич.

Телефон зажужжал. Входящее сообщение от Гузели. Сергей сорвался с места и помчался в лабораторию.

Сергей без стука ввалился в кабинет начальника лаборатории. Бывшая возлюбленная, Гузель Галиуллина, никогда не требовала от него соблюдения церемоний. Сергей не был уверен, но, возможно, она видела в этом решительность. А решительность мужчины — услада для глаз любой женщины. По крайней мере, так в интернете пишут.

Гузель встала из-за стола и двинулась ему навстречу. Сергей приобнял её за плечи.

— Привет, Царевич, — улыбнулась тридцатипятилетняя девушка с длинными белыми волосами. Крашеная блондинка даже на каблуках не доставала макушкой до подбородка Сергея.

— Привет, Гузель. Что известно по Одоевской? — нетерпеливо спросил Сергей.

Её зелёные глаза вмиг посерьёзтели, она выскользнула из объятий и уселась на своё место:

— Тебе лучше сесть.

Сергей схватил металлический стул, стоявший за ассистентским столом, и поставил его рядом с рабочим столом Гузели. Царевич плюхнулся на мягкое сиденье, упёрся локтем в стол и подался вперёд. Сергей оказался так близко от её лица, что мог пересчитать на нём каждую пылинку пудры. На татарских девичьих щёках проступил лёгкий румянец. Гузель взяла со стола ножницы, бумажный стикер и отрезала тоненькую полоску. Она всегда что-нибудь резала, когда чувствовала стеснение.

— Начну с прелюдий, — заговорила девушка, неторопливо отрезая от стикера по полоске. — В общем, Царевич, в крови девочки большое количество алкалоида. Думала: псилоцибин. Известная мерзость. Но нет. Что-то новенькое. Новая формула.

Сергей замер в замешательстве. Новость перемешала в его голове все версии.

— Стоп, что? Алкалоид? — недоумевающе спросил он.

— Алкалоид, алкалоид. Индольный, — не отводя взгляда, повторила Гузель.

Сергей откинулся на спинку:

— Подожди, подожди. Как он объясняет холинергический кризис?

— Не спеши, дорогой, до криза тоже доберёмся, — многозначительно улыбнулась Гузель.

— Тоже? — недоумевающе спросил Сергей.

— Случай занятный, Царевич, — Гузель приговорила стикер и отлепила от пачки новый листок.

Сергей перебирал в голове все возможные варианты. Кроме матери Одоевской, в палату никого не пускали. «Родители других детей? Надо посмотреть записи с камер», — Сергей нервно забарабанил пальцами по столу. Увидев строгий взгляд Гузели, он сразу это прекратил.

— Какой урод мог протащить наркоту в больницу? Да ещё и дать ребёнку!

— Этого я не знаю, — холоднее сказала Гузель. — Это выяснишь ты, Царевич. А теперь новость пожётче. Даже и не знаю, как на это реагировать.

— Гузель, ну не томи! — Сергей стукнул кончиками пальцев по столу.

— Рентгенно-спектральный анализ показал наличие и фосфора, и фтора в молекуле после алкалоида. Понимаешь?

Сергей начинал догадываться, к чему всё идёт. Фосфор в молекуле, значит, соединение фосфорорганическое. Но вот фтор... Сергей попытался вспомнить, что за соединение с фтором могло вызвать холинергический криз.

— В крови зарин. — Гузель отложила ножницы и сцепила пальцы в замок. — Образовался после распада алкалоида.

В кабинете повисло молчание. Зарин — один из самых известных боевых отравляющих веществ, состоящий в группе фосфорорганических соединений. Крайне опасное и коварное вещество. Мозг Сергея отказывался верить в происходящее. Два маловероятных события в один день. В теле одного человека.

— Нейропаралитическое вещество, — добавила Гузель, видимо, чтобы развеять обстановку.

— Я знаю, что такое зарин, — неожиданно прохрипел Сергей. Кашлянул и продолжил нормальным голосом. — Просто не понимаю... как?

— Наверное, через донорно-акцепторную связь с атомом азота... — скороговоркой начала Гузель.

Сергей прервал её, подняв ладонь:

— Давай без подробностей, я не химик.

Гузель вздохнула, будто собиралась с мыслями. Она посмотрела в окно, на ночную Москву. По асфальтированным тротуарам уставшие люди мчались домой, и девушка, несомненно, хотела оказаться среди них.

— Ну, если честно, механизма распада алкалоида в зарин, я пока не знаю, — осторожно начала она. — Сам по себе алкалоид не должен был нанести вреда Тарусе. Алкалоиды — это ведь класс соединений. И далеко не все из них имеют наркотическое действие.

— Ну, допустим, как врач, я это знаю, — насутился Сергей.

— Ну, вот... — продолжала Гузель. — И препараты твои не могли с ним провзаимодействовать. Кроме эпинефрина. На адреналин алкалоид реагирует.

Сергей встал, прошёлся по кабинету и провёл руками по волосам. Получалось, что эпинефрин, он же синтетический адреналин, Царевич ввёл зря.

— Только на адреналин? — резко остановился Сергей. — Или на все катехоламины? Дофамин, норадреналин?

— Нет, только на адреналин, — уверенно ответила Гузель. — Точно не могу сказать почему. Надо изучать. Потребуется время и серьёзная лаборатория. Не такая, как у меня.

— А есть предположения?

Гузель замаялась, её рот чуть скривился. Так всегда происходило, когда девушка напряжённо думала.

— Ну-у, — протянула Гузель, — адреналин отличается тем, что атом азота у него с двух сторон закрыт радикалами. Правильно же? Возможно, стереометрия алкалоида такова, что аминогруппа адреналина разворачивает молекулу алкалоида, взаимодействуя с какой-то из функциональных групп. Молекула разрушается, фосфорорганическая группа высвобождается в виде зарина. Вариантов масса. Это всё-таки химия. Будем посмотреть.

Адреналин — гормон страха. Сергей невольно вспомнил неоднозначные слова Адиуля: «Ей надо научиться не бояться». Сергей откинулся на спинку стула: «Это ж-ж-ж неспроста. — Сергей неосознанно и бесцельно поправил рукава пиджака. Он знал, что не виноват в происшествии с Тарусой, но почему-то чувствовал себя ужасно.

— То есть, когда я пытался стабилизировать состояние Одоевской, я сделал только хуже? — спросил Сергей

Гузель не стала юлить:

— Судя по записи из операционной, так и есть.

Сергей положил руку на холодную ладонь Гузели, сердечно поблагодарил её и стремительно вышел из кабинета. Царевич уже не сомневался в том, где он найдёт все ответы.

Сергей открыл дверь в палату и решительно вошёл. Увидев врача, Адиуль тут же из горизонтального положения принял вертикальное и дрожащей рукой отложил смартфон на тумбочку. На его встревоженном лице Сергей прочитал чистосердечное признание. Мальчик то и дело мял пальцы, хрустел ими, словом, всячески пытался справиться с нервами.

— Доброго вечера, Адиуль Гудейконович. Садитесь, садитесь. — Сергей и сам сел на соседнюю кровать.

Подросток неуверенно опустил на кровать:

— Здравствуйте, Сергей Алексеевич, — Адиуль скованно сложил ладони в замок и зажал их между коленями, каждым своим движением выдавая тревогу и смятение.

— Как ваше самочувствие? — бодро спросил его Сергей.

Адиуль сжался ещё сильнее.

— Всё хорошо. А с Тарусой всё будет в порядке? — нервно спросил он.

Сергей пристально посмотрел ему в глаза:

— Зависит от того, захочешь ты мне помогать или нет.

— Конечно, хочу! — чуть не подпрыгнул Адиуль. — Что мне нужно сделать?

— Покажи, что ты украл у папы, — настойчивым тоном потребовал Сергей.

— Ничего я не крал! — испуганно выпалил Адиуль.

Сергей исподлобья посмотрел в глаза подростку, не моргая и не отводя от него взгляда:

— Адиуль, тебя никто не будет ругать.

Мальчуган вперил в пол напряжённый взгляд.

— Адиуль? — Сергей продолжал буравить его взглядом. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — пробурчал мальчик, не поднимая глаз.

— Подумай о здоровье Тарусы.

Адиуль вздохнул. Его тёмные бездонные глаза робко смотрели то на врача, то снова в пол, а потом опять на врача. Адиуль нерешительно приоткрыл рот, протянул что-то неразборчивое, осёкся и сильно-сильно покраснел.

— Это были грибы.

— Были? — прищурился Сергей.

Мальчик выглядел совсем подавленным. Может быть, даже сломленным. Запинаясь, он ответил:

— Я их выкинул. Пожалуйста, только папе не говорите. Он всегда прятал нэнэ ото всех. Мол, опасно. Я, дурак, не верил.

— Что ж, Адиуль, придётся тебе кое-что запомнить: взрослые никогда не шутят об опасности. Как, говоришь, называется эта... эм... отравка? — Сергей свернул пакетик в трубочку.

— Инды нэнэ. Переводится как «жизненный путь», — промямлил Адиуль.

«Инды... Хм... Как индольный... Бывают же совпадения», — удивился Сергей.

— Какой-то неизвестный науке гриб?

— Для вас, Сергей Алексеевич, неизвестный. Для нашей семьи известный. Правда, я не знаю, где он растёт, — Адиуль для пущей убедительности пожал плечами.

Сергей наклонился вперёд. Его голова оказалась точно перед лицом Адиуля. Глаза подростка в тот же миг забегали от стеснения.

— А Тарусе ты зачем его дал? — спросил Сергей.

— Нэнэ позволяет сохранять сознание в мире ами... — в голосе Адиуля чувствовалась нервозность. — В мире грёз. Я хотел научить её летать во сне, создавать и строить всё что хочешь. Говорить с кем хочешь.

— Что ж... Думаю, все ответы у меня есть, Адиуль.

Сергей наконец почувствовал облегчение. Он вернулся в ординаторскую, уселся на диван в твёрдой уверенности в том, что на следующий день сообщит обо всём медицинской комиссии. Но через мгновение его решимость угасла. Не мог Сергей вот так просто сдать мальчика, которому и так до конца жизни придётся нести тяжкий крест. А если ещё и сообщить правоохранительным органам, а они, несомненно, заинтересуются этой гадостью, то далеко не факт, что жизнь Адиуля сложится хорошо.

На следующий день Сергей не сообщил никому о загадочных эвенкийских грибах. Откуда в крови Одоевской взялся неизвестный науке алкалоид, комиссия так и не узнала.

Рабочая смена врача всегда проходит в бешеном темпе. Сергей с трудом вырвал себе полчаса, чтобы посидеть с историей болезни Одоевской. Минуту спустя, когда он наконец уселся за письменным столом, в ординаторскую, будто с голодного края, залетела врач-нейрохирург Потанина, достала из холодильника свёрток с обедом, развернула его, закинула контейнер с едой в микроволновку и села за обеденный стол. Это была женщина сорока восьми лет, при этом безупречно стройная, хоть сейчас на подиум, и всем своим видом она изображала спокойствие. Но Потанина с трудом переносила голод. Хоть она никогда не говорила этого прямо, Сергей да и вся больница знали о маленьком пороке красавицы-врача. Гипоталамус, отвечающий за чувство голода и насыщения, связан со всеми отделами мозга и заметно влияет на поведение любого человека. Потанину голод делал злее. Никто и никогда не становился между Потаниной и едой.

В ординаторскую зашёл Дмитрий Михайлович. Сергей напрягся. Такой гость нечасто появлялся в этом помещении. Завотделением заварил чай и встал у окна, небрежно размешивая сахар в кружке. Железная ложка невыносимо громко стучала по стенкам фарфоровой чашки. Сергей, сидя на диване, пытался сосредоточиться на ЭЭГ Тарусы Одоевской, но шум врвался в его мозг и рвал мысли в клочья.

— Дмитрий Михайлович, можно вас попросить? — не выдержал Сергей.

— Конечно, — завотделением вынул ложку из кружки, подошёл к раковине и сполоснул её под проточной водой. — Царевич, соберись, забудь об Одоевской, — строго заговорил Дмитрий Михайлович. — Сосредоточься на работе.

Микроволновка звякнула, Потанина со скоростью гюрзы вынула контейнер и села за стол. Дмитрий Михайлович выдвинул ящик со столовыми приборами и закинул ложку внутрь.

— Таруса уже ничего не чувствует, — завотделением отхлебнул чай.

— Одно дело — проиграть битву с тяжёлым заболеванием... — замылся Сергей.

— И к такому привыкаешь, — перебил Дмитрий Михайлович. — Это как... Прямо как в уличной драке. Бывает, дерёшься с кем-нибудь, вроде всё в порядке, ты на коне, прописываешь наглецу один удар за другим. А потом резко земля приближается к лицу и как на тебе в нос! Через полчаса ты умываешься и думаешь: «Если бы не земля, то я бы победил, конечно», — ухмыльнулся зав и сделал ещё один глоток.

Сергей попытался уловить тонкую аналогию Дмитрия Михайловича, но тут же потерял интерес и погрузился в разглядывание пиков ЭЭГ. На всём протяжении ленты топическое однообразие, олигоритмичность и никакой реакции на стимуляции. Прогноз неблагоприятный. Теоретически у девочки есть шанс выйти из комы. Теоретически есть шансы у всех и на всё. Но прошло уже полгода, а реальность — тётка суровая. Чем бы ты ни жонглировал — верой, философскими понятиями, эзотерическими утверждениями или ещё чем, — реальность живёт по своим правилам. Реальность не спрашивает твоего мнения, не спрашивает, как поступить правильно — так или эдак. И реальность никогда не ждёт разрешения. Будто бешеный орангутанг с лопатой, она носится среди людей. Кому повезёт — тому черенком да по

бедру. Кому не повезёт, тому по голове лезвием. Вот и с Тарусой будет так, как всегда бывает в таких случаях. Вегетативное существование. Девочка будет открывать глаза, даже следить за присутствующими в помещении. Мать будет видеть искорки прежней личности и верить, что её Таруса идёт на поправку. Изо дня в день мать будет молиться и убеждать себя в том, что однажды дочь исцелится и станет полноценной. Найдёт любовь всей жизни, заведёт семью, родит детей. А потом надежда угаснет. И хорошо, если жизнь Тарусы угаснет раньше.

Сергей сложил ленту, вернул её в папку с историей болезни и подошёл к гарденинне на окне. Почва в горшке была влажной. За окном тем временем падал мартовский снег, ложась на плечи и шапки прохожих, тротуарную плитку и на подтаявшие грязные сугробы.

— Ладно. Что там с дисциплинарной комиссией? — оборвал тишину Дмитрий Михайлович.

— Меня признали невиновным, — флегматично ответил Сергей. — Мать Одоевской не станет подавать в суд. Сказала, что всё понимает.

Потанина добила обед, закинула контейнер в целлофановый пакетик и спрятала в сумке. Женщина направилась к выходу, по пути на секунду положила руку на плечо Сергея и сухо произнесла:

— Соберись, Царевич. Ты врач, а не волшебник.

Потанина умчалась на следующую операцию. Сергей остался наедине с завотделением. Дмитрий Михайлович неторопливо переместился к дивану и сел на скрипучую мебель. Ещё медленнее он отхлебнул чай.

— Скажи, Царевич, мне вот что. Как успехи с РОДом?

— Всё идёт своим чередом, — не поворачиваясь, ответил Сергей.

— Копия готова? — глядя исподлобья, спросил Дмитрий Михайлович.

— Готова? — Сергей недоумевающие обернулся. — Так быстро? Нет, конечно.

Дмитрий Михайлович достал из кармана халата маленький пластиковый прямоугольник и неожиданно бросил Сергею. Царевич едва успел среагировать. Он поймал предмет с трудом, дважды чуть не уронив. Сергей замер: это был изрядно помятый, местами потёртый бейдж Андрея.

— Это мне директор института передал. Спрашивал, мол, кого это вы, дорогие мои, пускали в нашу лабораторию?

— У нас проблемы? — напрягся Сергей.

Дмитрий Михайлович задумчиво вытянул губы в трубочку:

— Нет, никаких проблем. Я отбрехался. Мол, я с коллегой не в ту лабораторию зашёл, — глазами улыбнулся завотделением.

— Ясно, — Сергей поспешил к шкафчику, закинул улику во внутренний карман вельюрового пальто, вернулся и сел на стул напротив завотделением.

— Когда нашли этот бейдж, директор проверил количество испытательного образца, — Дмитрий Михайлович пристально, с осуждением посмотрел в глаза Сергея. — Нанороботов. Оказывается, у них недостача, представляешь?

Сергей нервно сглотнул. Завотделением положил левую руку на спинку дивана и со строгим прищуром продолжил:

— Я утряс этот вопрос. С тебя результат.

— Куда ж без него, — Сергей смущённо помассировал висок кончиками пальцев и двинулся к письменному столу. Нейрохирург откинулся на спинку стула. — Никогда бы не подумал, что вы одобрите мою затею.

Сергею показалось, будто на гладко выбритом лице Дмитрия Михайловича буквально на мгновение проскочила тень грусти. Также быстро выражение лица стало привычно угрюмым и строгим.

— Пока ты молодой, — начал Дмитрий Михайлович, — ты рвёшься ввысь. Это правильно. В то же время старшие, уже с опалёнными крыльями, пытаются удержать тебя ближе к земле. Но и это правильно. В этом противоборстве часто происходят великие свершения.

Сергей опешил. Дмитрий Михайлович прежде не позволял себе личные разговоры с подчинёнными. Дистанция в пропасть вдруг сократилась и стала расщелиной. Расщелинкой.

— Что-то непохоже, чтобы вы меня удерживали, — усмехнулся Сергей.

— Наверное, мои крылья не так уж и обожжены, — в холодном тоне Дмитрия Михайловича появились искорки отеческой теплоты. — А может, я просто ничем не рисковал и решил тебе помочь. Может, я поддержал тебя, потому что мне не нравится, как устроен мир. Учёным устанавливают правила те, кто к науке зачастую не имеют отношения. Приходит приказ сверху, и проект закрыт. Ну что это такое? Сколько советских наработок сейчас реализуют на Западе... Кто они такие... Кто эти люди, которые возомнили себя достойными вести науку в будущее? Кто позволил необразованным ослам указывать, как работать тем, кто на голову значимее их? Я готов принять ограничения и запреты. Но только от коллегии тех, кто достиг в науке великих вершин. Не терплю ничтожных. Общество должно вести великие. А не абы кто.

Дмитрий Михайлович вздохнул, задумался. А потом пронзил Сергея суровым взглядом.

— Иди вперёд, Царевич. Меняй мир, становись великим. Или сожги крылья. Будь Фаустом, если понадобится; будь Воландом, если нет выбора. Но не будь никем. Никто не заслуживает ничего.

Последняя фраза пожилого начальника заставила задуматься Сергея. То ли каламбур, то ли ключ к глубинам великих тайн философии.

— Приятно, что вы считаете меня великим. Ну, то есть, — заартачился Сергей, — способным на великие свершения.

Дмитрий Михайлович усмехнулся и как-то иронично посмотрел на молодого нейрохирурга.

— Я пока ничего не считаю. Величие — это остров, на пути к которому тонут все бездари. Ты либо утонешь, либо доплывёшь. Так всё устроено. Так правильно. Величие не выращивается в теплице. Великих не назначает партия.

Больше таких разговоров между Сергеем и Дмитрием Михайловичем не происходило. Сергей продолжил тайную работу над опытной установкой. Предстоял длинный, изнурительный путь, он знал об этом и был готов ко всему. Сергей не рассчитывал на чьё бы то ни было понимание, но смело смотрел в будущее и не сомневался в успехе.

«Ответственность есть ум высшего порядка», — Сергей повторял эту мантру перед зеркалом каждое утро, пока чистил зубы. Этому его учила мать с самых пелёнок. «Ответственность там, — говорила она, — где ум смотрит вперёд, в будущее, и не живёт сиюминутными звериными порывами. Ответственен тот, кто честен перед самим собой, перед семьёй и соплеменниками, тот, кто понимает, что благо для племени и для семьи не менее важно, чем благо для себя. Общество безответственных справедливо гибнет. Или покоряется кем-то более сильным».

«Я есть мы», — говорил себе Сергей и отправлялся на работу.

Глава 3. Психоз

Наступил две тысячи тридцать шестой год. Разработка копии РОДа была на финальной стадии.

Сергей развалился на диване в гостиной и устало оглядел немытые полы. Около телевизора валялись три грязных носка. Затуманенный взгляд Сергея поднялся и заскользил по потолку, пересчитывая каждую паутинку по углам. Потом нейрохирург вдруг вспомнил о двухнедельной стирке в ванной и тихо застонал. Сергей и рад был бы избавиться от этих причудливых декораций, но силы будто были исчерпаны. Два года нейрохирург работал на три фронта. Бесконечная вереница дежурств, работа в исследовательском институте и разработка копии РОДа в мастерской Андрея. Со временем сон стал казаться ему привилегией. Однажды, когда совсем стало невмоготу, Сергей заменил кофе серьёзными психостимуляторами. С того дня изнурительный график работы стал для него обычным. Как врач, он прекрасно понимал, что подобная замена ни к чему хорошему не приведет. Так оно и вышло. Вдруг резко начало подводить здоровье. Вес снизился до семидесяти килограммов, временами сердце без причины колотилось как бешеное, а половину времени, урванного для сна, Сергея мучила бессонница. Да и ощущение реальности заметно притупилось.

Царевич вытер жирные пальцы о салфетку, засунул её в консервную банку из-под горбуши и выбросил в мусорку. Набрал под краном чайник, включил, полез в тумбу за чаем и увидел запывлившуюся банку кофе. Надо бы добить, решил Сергей и достал её. Зачерпнув ложкой гранулы, он заметил лёгкую дрожь руки. Тремор — плохой признак.

Через потолок послышались шаги — соседка пересекла кухню и села за стол. Топ-топ-топ — значит, соседка встала и подошла к окну. Когда Сергей покупал эту квартиру, он и не подозревал о такой слышимости. Слышно было всё. Крики детей и истерики матери, которая, вероятно, была бы к врагам добрее, чем к ним; прерывистые стоны и крики соседки снизу, весело проводящей время; оживлённые, эмоциональные разговоры африканских студентов за стеной; семейные драки соседей с другой стороны. Сергей даже знал, кто ведёт по очкам в каждом поединке — чаще всего муж, но и жена спуска не давала благоверному. Сергей знал о соседях всё. Вот, например, соседка сверху весит пятьдесят семь килограмм. Это было понятно по поступи. Сегодня утром она нарезала помидоры и лук на разделочной доске.

Все знакомые Сергея, купившие дома в новостройках, жаловались на слышимость в квартирах. Но только он возвращался домой неохотно. Сергей сто раз пожалел о своём выборе. Нейрохирург погнался за квадратурой, выбрав не просто дешёвую квартиру, но ещё и не самый благоприятный район. Неадекваты, алкаши, люди с умственными нарушениями обычно не справляются с жизнью, и это сказывается на их зарплате. Они выбирают себе жильё и район по средствам. Так и получается: где дёшево, там высокий концентрат не самых приятных личностей. Так районы и становятся неблагоприятными. Сергей точно знал одно: когда появится возможность, он выберет дорогой район и дорогую квартиру. В конечном счете в дорогих районах концентрируются те, кто умеют добиваться успеха. Сергей не сомневался в том, что этим людям хватает ума не орать на весь подъезд, не шуметь и не создавать соседям проблем. Сергей — марксист до мозга костей — за два года убедился в том, что классовая сегрегация — не такое уж и зло.

Солнце свалилось за горизонт, за окном повисли сумерки. Сергей всё равно не хотел включать свет. Яркое сияние лампочек в гостиной раздражало, а в потёмках глаза отдыхали. С чашкой душистого чёрного кофе он уселся на диван и положил планшет на колени. «Давненько я не смотрел новости, — Сергей подкинул под поясницу подушку, открыл новостное приложение и принялся прокручивать ленту. — Ближний Восток... нефть. О, доллар скоро умрёт! Инаугурация Куплинова? Куплинов выиграл выборы?»

Неясная тень мелькнула в полумраке комнаты. Сергей посветил перед собой планшетом. Пыльный экран телевизора озарился голубоватым светом. Сергей посветил в левый угол, в правый — только пыль толщиной с палец. Царевич чертыхнулся, открыл на планшете учебник по нейрофизиологии. Нашёл главу про холинэргические рецепторы и углубился в чтение.

— Серге-е-ей... — прошептало нечто за его спиной.

Волосы на затылке вздыбились. От шеи вниз вдоль хребта побежали мурашки. Тошно-творный запах сырости и плесени ударил в нос. Разум убеждал сердце не идти в пятки, но хтонический ужас неодолимо ломал волю. «Ну обернись же, бармалей!» — приказывал Сергей непослушному телу. Холодное дыхание коснулось шеи. Сергей сопротивлялся как мог, уговаривая себя не верить своим чувствам. И мыслям.

— Кто я? — прошептал неестественный, словно мертвецкий, женский голос.

Сергея отпустило. Он резко обернулся, уронив на бедро планшет. Никого. Только стол с компьютером, на монитор которого легла тонкая полоска света уличного фонаря. Сергей для верности подобрал планшет и направил его свет на компьютерный стол, потом — на пол у дивана. В комнате, кроме Сергея, никого не было.

Недолго думая, нейрохирург быстро оделся, собрался, схватил ключи и отправился на улицу отдохнуть и развеяться.

Утро выдалось солнечным. Заиндевевшие ветви каштанов украсили аллею от парковки до больницы. Сергей шёл на работу, наслаждаясь сказочным пейзажем и вдыхая чистый пьянящий воздух ранней весны.

Он распахнул дверь в отделение нейрохирургии. Медсестра на ближайшем посту, не поднимая головы, попросила его зайти в кабинет к заву. Минуту спустя Сергей стоял у кабинета Дмитрия Михайловича. Через дверь было слышно, как начальник кого-то отчитывает. Сергей решил дождаться, когда закончится воспитательный процесс.

— Слушай сюда, мой друг, — послышался голос Дмитрия Михайловича. — Я сыт по горло вашей грызнёй и жалобами. Конфликты случаются всегда и повсюду. Но вы двое...

— Но я же... — перебил его молодой ординатор Олег.

Дмитрий Михайлович продолжил, не церемонясь:

— Как бы Элеонора ни была невыносима, я не потерплю склок в моём отделении! Тебе ясно?

— В смысле невыносима? — пискнула Элеонора, с недавних пор бывший ординатор.

— Умолкни, — требовательно сказал Дмитрий Михайлович. — До тебя тоже доберётся. Так вот, дорогой мой. Случаются и конфликты с женщинами. Будучи мужчиной, в твоей ответственности оставаться спокойным и рассудительным. Нет мужества в оскорблениях, нет мужества в том, чтобы вылить на голову чьей-либо матери ведро помоев.

— Но она не мать! — недоумевающе возразил Олег.

Дмитрий Михайлович хоть и держался в рамках приличия, но, несомненно, был в гневе. Сергей в этом не сомневался. Бесспорно, Олег был родственником кого-то важного. Обычно завотделением ни с кем не нянчился.

— Даже если девчужке только предстоит однажды стать матерью! — повысил тон Дмитрий Михайлович. — Речь о том, чтобы давать отпор грубости, вероломству и агрессии, не роняя мужского достоинства! Ты меня понимаешь? — гневно спросил он.

Сергей усмехнулся: Олег вряд ли мог такое понять. Когда растёшь в либеральной парадигме мышления, тебе незнакомы понятия: «честь», «достоинство», «ответственность». Либеральный человек о таких качествах знает, но интерпретирует их по-своему, считая глупыми всех тех, кто живёт отсталыми представлениями консерваторов. Такому человеку неведомо, что мужчина теряет всякое лицо, когда опускается до животного гнева, когда брызжет слюной

и истерит, якобы отстаивая правду в конфликте с женщиной. Каждого из нас родила мать. И неважно, кто мы сегодня — врачи, строители, генералы, безбашенные бойцы смешанных единоборств. В начале нашего пути мы все прячемся за маминой ногой, когда нам страшно. Когда мы плакали, мамы нас утешали и вытирали нам слёзы. Нам помогали, нас учили, нас вдохновляли и всегда любили. Это тяжелейший труд и колоссальная жертва. Все это знают, и никто не хочет, чтобы кто-то был груб с их матерью. Поэтому, чтобы никто не был груб с матерями, человечество строило цивилизацию на понятиях чести, достоинства, ответственности и правилах общения мужчин и женщин.

Элеонора пискнула что-то невнятное. В кабинете на пару секунд все умолкли. Значит, Дмитрий Михайлович строго смотрит на девушку, а та скукоживается под его испепеляющим взглядом. По крайней мере, так представилось Сергею.

— Что вы хотите от меня, Дмитрий Михайлович? Чтобы я не отвечал на уколы, на неуважение? — с едва скрываемым раздражением спросил Олег.

— Что ж... — казалось, тон Дмитрия Михайловича стал мягче. — Раз тебе трудно понять это самому, то запомни формулу: вступив в конфликт с женщиной, подели свой гнев на десять. А теперь ты, дорогая моя Элеонора, — Дмитрий Михайлович особенно раздражённо произнёс её имя.

— Вы несправедливы ко мне, — жалобно подала голос девушка.

— Так уж несправедлив? — грозно спросил Дмитрий Михайлович. — Едва ты появилась в стенах этого отделения, ты только и старалась показать себя выше остальных. Разбрасывалась уколами, упрёками и высокомерными замечаниями.

— Не было такого! — возмутилась Элеонора.

Дмитрий Михайлович громко усмехнулся:

— В первый же день ты заявила, что считаешь за дураков всех фанатов «Сумерек», и обидела Потанину. Это достойная женщина и работник! Вот зачем была эта фраза? Какая была выгода?

Сергей улыбнулся: никто не смеет тронуть Потанину, пока жив Дмитрий Михайлович.

— При чём тут это? — дрогнувшим голосом спросила Элеонора.

— Тебя что, никто не учил общаться с людьми? — не терпящим возражений тоном спросил Дмитрий Михайлович. — Что ж... Либо я тебя научу, либо мы с тобой распрощаемся. Запомни: когда врываешься в новую группу, не надо выпячивать своего презрения к кому бы то ни было. Не надо никого подкалывать, упрекать или демонстрировать своё превосходство. Люди это запоминают, а потом обсуждают друг с другом. Сразу же по больнице ползёт волна негативных эмоций! И вот ты раз за разом говоришь что попало, задеваешь всех, вокруг тебя уже не волна, а шторм. Но ты не видишь, наверное, дело в лимбической системе... Какой-то дефект... Но она, эта волна, есть, поверь мне. Не чувствуешь сама, запомни как формулу. Волна негативных эмоций ждёт удобного часа, чтобы обрушиться на тебя, а потом ты ходишь и недоумеваешь, чем ты это заслужила, почему тебя никто не любит.

— Неправда! Меня все любят! — негромко сказала девушка. Сергею представились её глаза на мокром месте, как дрожит её губа.

— Запомни две простые формулы. Люди запоминают неприятные чувства и волной распространяют их дальше. Вторая формула: никогда не выпячивай своё эго и не демонстрируй своего превосходства.

— Это простые правила этикета, Дмитрий Михайлович! — встрял Олег.

— Вот и ты не нарушай их, — рявкнул Дмитрий Михайлович. — Как инструкции по безопасности написаны кровью, так и правила этикета написаны не скудоумной молодёжью вроде вас, а людьми в сто раз умнее и опытнее. Ты меня поняла, Элеонора?

— Да, — едва слышно ответила она.

— Это моя первая и последняя попытка вправить вам мозги. В следующий раз я вас вызову, чтобы уволить. Вам обоим это ясно? — проревел Дмитрий Михайлович.

Вновь в кабинете стало тихо. Видимо, оба врача кивнули.

— Олег, извинись перед Элеонорой, — строго потребовал Дмитрий Михайлович.

— Извини, — промямлил Олег.

— Ничего, — пискнула Элеонора.

— Всё, свободны, — потребовал Дмитрий Михайлович.

Сергей на всякий случай отошёл подальше, чтобы не казалось, что он подслушивал. Насупившийся Олег и зарёванная Элеонора вышли из кабинета, поздоровались с Сергеем и поплелись на медпост.

Сергей нырнул в кабинет:

— Всё молодёжь воспитываете, Дмитрий Михайлович.

Завотделением стоял посреди помещения, вытирая синие пальцы влажными салфетками. На столе лежала сломанная письменная ручка, залившая чернилами стол.

— За кем власть, на том и ответственность, — уверенно ответил Дмитрий Михайлович. — Скоро придёт твоё время, Серёжа.

— Всё сделаю в лучшем виде, Дмитрий Михайлович, — Сергей двинулся к дивану и уселся в дальнем углу.

— Пока понимают словами, воспитывай словами; где понимают только силу, используй силу, — отчеканил Дмитрий Михайлович, продолжая яростно оттирать пальцы. — Общество обречено на тяжёлые кризисы, если приходит поколение слабых отцов.

Неожиданное утверждение взбудрило Сергея, и ему в тот же миг стало интересно узнать подробнее.

— Какие они, слабые отцы?

— Например, те, для кого молодёжь бракованная. — Дмитрий Михайлович закончил вытирать пальцы и принялся убирать стол, раз за разом доставая из пачки новые салфетки. Грязные салфетки отправлялись в корзину. — Слабые отцы без конца журят молодых, сокрушённо разводят руками, много говорят о ценностях, много критикуют, но при этом ничего не делают, чтобы изменить ситуацию. Потому что на деле ни на что не способны. Когда поколение отцов жалуется на поколение детей, оно фактически расписывается в собственной беспомощности. Слабые отцы те, кто не понимает, что важен только результат. Есть результат — молодец. Нет результата — сам понимаешь. Ежели не сумел воспитать молодых, только сам и несёшь ответственность. Так что и ты, Серёжа, никогда не переживай о том, в чём ты виноват, а в чём не виноват. Ты в любом случае наломаешь дров по жизни. Это неизбежно. Но лучше быть виноватым в силе, чем в бессилии.

— Ну, в этом меня не придётся убеждать, — махнул рукой Сергей.

— Конечно. Я же тебя выпестовал. Грудью своей выкормил, — завотделением поднял указательный палец и потряс им в воздухе.

— Не только вы, — улыбнулся Сергей.

— И ещё, Царевич. Запомни формулу: власть есть фактор порядка. Если власть имущие — не только на уровне государства, но и здесь, на уровне заведующих отделениями, начальников цехов и прочих иже с ними, — если все эти ребята не будут следить за порядком, молодёжь такое устроит, мало не покажется. Но и палку нельзя перегибать. Сам понимаешь. Надо следить за средним уровнем серотонина и кортизола в отделении, — усмехнулся Дмитрий Михайлович.

Сергей представил отделение нейрохирургии с высоты птичьего полёта. Как медперсонал взаимодействует между собой, взаимодействует с больными. Как волнами пробегает по отделению окситоцин, дофамин, как у всех поднимается уровень серотонина — гормона счастья и радости. Потом приходит Элеонора. В отделении бежит рябь кортизола — гормона стресса.

Появился Дмитрий Михайлович, сделал инъекцию звездюлина и оздоровил коллектив. Всё это важно, поскольку нейромедиаторы влияют на работоспособность, на успех, на результаты. На всё. Мозг — чрезвычайно сложный агрегат и живёт по правилам биохимии.

В тот же миг Сергей представил страну в таком же ракурсе. Ведь народ — это множество таких ячеек: рабочие коллективы и семьи. И везде должны быть Дмитриии Михайловичи. Достаточно образованные, пожившие жизнь, сильные характером и умеренные сердцем лидеры. «Именно так, умеренные сердцем, — подумал Сергей. — Слишком сердобольные люди не полезнее бесчувственных». В каждой ячейке общества нужно прописывать похвалы и звездюлины в зависимости от симптомов. Гармония, гибкость, сообразность и соразмерность — залог успеха в любом деле. Многие недооценивают биохимию, но человек в принципе огромный реактор, в котором непрерывно протекают многие тысячи химических взаимодействий. Кортизол, он же гормон стресса, — его пользу для организма трудно переоценить. Но если стресс длится слишком долго, вразнос идёт весь организм, в том числе и гиппокамп — отдел мозга, отвечающий за образование новых воспоминаний и формирование эмоций. Также ухудшается работа префронтальной коры головного мозга. Народ, повсеместно переживающий негативные эмоции и испытывающий постоянный стресс, уступает в творческой активности более счастливому народу. Не в последнюю очередь биохимия мозга влияет на культуру в развитых странах. Хочешь потушить творческую активность народа-конкурента? Не позволяй ему поднимать экономической головы, пусть живут в бедности. Под любым предлогом обрушивай санкции, ограничения, подрывай любые его успехи. Убеждай каждого представителя жить для себя, чтобы люди без конца грызлись по любому поводу. Заставь такой народ смотреть фильмы о себе только чернушного покроя. Заставь народ конкурента чувствовать себя ничтожным, и его творческая активность так и будет флуктуировать беспорядочными второсортными произведениями, негодными даже для туалетной бумаги. Как итог — процент достойных произведений искусства снизится в разы. У немногочисленных талантливых авторов будут слишком слабые конкуренты. А слабая конкуренция — смерть развития.

Молодёжь не бывает плохой. Молодёжь бывает плохо обученной. Дмитрий Михайлович верил в этот постулат всеми фибрами души. «Нет сомнения, он прав, — сказал себе Сергей. — Пум-пу-рум-пум... Не зря предки придумали этикет. Прямо-таки каркас здорового общества. Но только если правила гибкие, изменчивые и адаптивные».

Дмитрий Михайлович наконец заговорил о том, для чего вызвал Сергея. В руках заведующим появилась медкарта какого-то очень важного пациента — Артифеева Олега Богдановича.

Холод прокрадывается в сон маленькими шажками. «Я» отдыхает, а вот клочок сознания, оставшийся за старшего, наблюдает за всей той белибердой, что генерирует мозг, и изо всех сил сопротивляется пробуждению. Этот клочок сознания тянет до последнего, стараясь не беспокоить старшего брата, господина «Я». Будто, если подождать, если свернуться калачиком, то холод сам собой исчезнет. Когда тело начинает мёрзнуть, младший брат господина «Я» ненавязчиво стучит в дверь сознания.

Сергей ещё не проснулся, но уже бранился. Он околел. Власть над телом возвращалась тяжело. Мужчина усилием воли разлепил веки. В тот же миг он услышал знакомый женский шёпот:

— Имя. Назови моё имя.

Показалось, что голос идёт из зала. Сердце забило. Сергей не верил в нечистую силу, не сомневался в том, что чувства обманывают, но всё равно не справлялся с тревогой. Нейрохирург встал с кровати, тотчас холод побежал по его ступням. Он надел футболку, спортивные штаны, вышел из спальни в зал, включил свет и поморщился. Когда глаза привыкли, он

увидел, что окно распахнуто. «Какого...» — начал мысленно браниться Сергей, метнулся к окну и закрыл его.

Сзади бумкнуло. Сергей испуганно повернулся. Непостижимым образом зал погрузился в крошечную тьму. Справа, перед телевизором, виднелся силуэт высокой девушки. Её длинные вьющиеся волосы были растрёпанными и спутавшимися. Сергей попятился. Девушка шагнула к нему. Сергей боролся со страхом, не желая проигрывать битву за разум, и медленно двигался прочь. А потом врезался бедром в компьютерный стол. стакан с карандашами и ручками полетел на пол. Письменные принадлежности с шумом разлетелись по всему помещению. Нагая девушка приблизилась на расстояние двух метров и уставилась на него то ли изуродованным лицом, то ли... Сергей присмотрелся: вместо лица на него смотрела морда рептилии. Может, это один из тех реалистичных снов?

— Как меня зовут? — прошипела она.

Дыхание Сергея перехватило:

— Ик...

— Не угадал! — девушка молниеносно прыгнула на него и, будто бестелесная, проскочила насквозь.

Грудь Сергея обожгло. Боль сильная, сковывающая согнула нейрохирурга пополам. Он обернулся: призрака не было. Не теряя времени, Сергей вскочил на диван. В то же мгновение потолок захрустел. По всему залу посыпалась штукатурка. Кусок бетонного перекрытия обвалился прямоком на телевизор. Сергей обомлел: в проломе показалось звёздное небо. Потолок над головой зашевелился и загремел. Сергей не глядя отпрыгнул в сторону, и в этот же момент бетонная плита упала точно на диван. Окно вывалилось на улицу вместе с половиной стены. По полу и всем стенам побежали трещины. Сергей прыгнул на бетонную плиту, лежавшую на диване. Ровно за минуту дом развалился, но бетонное перекрытие, на котором стоял Сергей, так и осталось висеть в воздухе, словно ковёр-самолёт. Ночной город потонул во мраке, даже очертания соседних домов не проглядывались.

Призрак стоял поодаль на парившем в воздухе куске стены. Это уже не была девушка. Чёрная, как мгла, рептилия, в холке не меньше двух метров, издавала гулкий низкий рык. От носа до кончика хвоста в монстре было не меньше десяти метров. Куски здания поднялись с земли и образовали тропу между Сергеем и рептилией, по которой та начала приближаться. Из зловонного рта монстра раздался голос:

«Одна десятая из двух.

Четыре шестерни опять.

Седьмую бесконечность бух!

Запомни!

Девять раз, а десять сгладь».

Сергей попятился. Шаг, два, три. Он спиной почувствовал край плиты и рефлекторно обернулся. В воздухе висели обломки дома в виде тропы. Её пологий уклон вёл куда-то вверх и исчезал в темноте.

По бедру текло что-то тёплое. Сергей опустил взгляд. На правом боку, под порванной футболкой, красовалась рваная рана. Он коснулся её краёв и скривился от боли. Рептилия остановилась в трёх метрах и гулко зарычала. Нервы Сергея не выдержали. Он рванул по тропе. Тяжёлой поступью рептилия побежала следом. Сергей зацепился ногой за торчащую арматуру, едва не упал в пропасть, но удержался и рванул дальше. На корявых, угловатых кусках дома он то и дело подворачивал ноги, утыкаясь руками в тропу, но тотчас выпрямлялся и мчался вперёд, в темноту. Разбитые в кровь ступни нещадно болели. Мрак сгущался. Видимость — не дальше пяти метров. Четырёх. Трёх. Сергей остановился как вкопанный: непроглядная тьма окружила его со всех сторон. В ушах бешено стучало сердце. Его по-прежнему преследуют или он стоит в одиночестве? Мысли беспорядочно металась в голове, не давая Сергею подчи-

нить страх. Царевич вытянул руки в пустоту, но ничего не нащупал. Делать нечего, он поднял кулаки. Что бы эта тварь из себя ни представляла, он уйдёт достойно, решил Сергей.

Сердцебиение успокоилось. Рептилии всё не было. Сергея окружила звенящая тишина. В ушах невыносимо свистело. Вдруг тропа из-под его ног ушла и Сергей полетел вниз. От ужаса он вскрикнул, но тут же ударился о что-то твёрдое. От боли сознание отключилось.

Сергей с трудом открыл глаза. Мир расплывался, двоился и плясал. Лицом он лежал на чём-то шершавом. Сергей с трудом сфокусировал зрение и разглядел тёмную поверхность рубероида. В следующий миг он чуть не закричал. Пронзительная боль по всему телу сводила с ума. Сергей встал на четвереньки и застонал, едва сдерживая крик. Когда режущая боль притупилась, он поднял голову. Сергей находился на кровле дома.

Шёл третий час ночи. Сергей, по пояс голый, сидел на кушетке в процедурной травматологического отделения. Он разглядывал ссадины на руках и отчаянно пытался понять, что произошло. Воспоминания клочками врывались в мозг, путая мысли Сергея. Какая-то нагая девка, гигантская рептилия, руины дома. «Чушь, бред», — тихо шептал он и раз за разом складывал воспоминания в единую картину, подчинённую хоть какой-то логике. Всякий раз неизменно получалась бессмысленная мозаика. «Может, это был сон, а я страдаю лунатизмом? — размышлял Сергей, борясь с чудовищной усталостью. — И Марина куда-то запропастилась», — подумал он о враче, десять минут назад наложившей ему швы. Ортопед-травматолог Марина убежала за самоклеящимися повязками.

В дверном проёме появилась Гузель. В юбке сапфирового цвета и в белой атласной рубашке.

— Мамочка дорогая, кожа да кости! — звонко воскликнула Гузель. — Как ты так похудел-то?

Сергей был рад видеть её, как никого другого. Когда кровлю открыли и околевший от холода Сергей наконец-то прошлёпал до квартиры, оставляя кровавый след, он первым делом набрал бывшей пассии. Пальцы не слушались, экран смартфона реагировал нехотя, Сергей с трудом нашёл её номер в журнале вызовов. И только после этого он поехал в больницу.

— Ты сама тактичность, — улыбнулся он девушке.

Гузель поправила манжеты рубашки и медленно подошла, не сводя взгляда с г-образной раны на правом боку Сергея.

— Шесть швов. Нехило. А где повязка? Почему рана открытая? — Кончиками холодных пальцев Гузель коснулась его живота в двух сантиметрах от раны. Мышцы пресса Сергея задёргались. — Ах да, чувствительный живот.

— Сосуды свои проверь, Саб-Зиро, — Сергей ненавязчиво отстранил руку Гузели.

— Проверю, проверю, — нахмурилась девушка и села на стул медсестры, на спинке которого висела рубашка Сергея. — Так что произошло? Марина сказала, ты с самоката упал. Ты же ненавидишь самокатчиков!

Гузель то и дело брезгливо косилась на изодранную, всю в бурых пятнах засохшей крови рубашку Сергея.

— Я... — замялся Сергей и рефлекторно потёр висок. Рука всегда тянулась к виску, когда он чувствовал себя неловко.

— Рано для самокатов, глупыш. Ещё сугробы не сошли и гололедица, знаешь ли. К тому же, дорогой, может, ты не заметил, но на дворе ночь...

— Не было никакого самоката, — перебил её Сергей.

Гузель заинтересованно подалась вперёд:

— Ну-ка, ну-ка! Что за постыдный секретик ты скрыл от врача?

— Кажется, у меня были галлюцинации, — тихо сказал Сергей, не сводя взгляда с двери.

— А я тебе говорила не жрать стимуляторы! — злорадно воскликнула Гузель. — Говорила же? Говорила? А ты что? Потреблял их в конских дозах! Ты же знал, как это опасно! Ну ладно, ладно. Не смотри на меня так громко. Продолжай.

— Я видел какую-то девушку, — Сергей остановился, задумавшись, стоит ли говорить следующую деталь. — Нагую.

— Тут вот не торопись. Поподробнее, поподробнее, — пуще прежнего оживилась Гузель.

— Всё было как во сне. Очень реалистичном сне. Девушка спрашивала, как её зовут.

— Она не знала своего имени? Да ещё голая? Может, где-то рядом был корпоратив? — расплылась в ехидной улыбке Гузель.

— Я понял. Тебе нет до этого дела, — раздражённо произнёс Сергей.

— Прости, прости, — подняла она обе ладони вверх. — Продолжай.

Сергей недовольно выдохнул, но продолжил:

— Девушка задала какую-то загадку, превратилась в чёрную ящерицу и развалила дом.

Он прислушался. Кажется, шаги в коридоре.

— Ну? Что было дальше? — округлила глаза Гузель.

В процедурную забежала Марина, цокая каблуками по мраморной плитке. Девушка в зелёном платье под белоснежным халатом несла две самоклеящиеся повязки. «О, накраситься успела!» — заметил Сергей ярко-красные губы Марины.

— Привет, Маринуль, — на полтона выше, чем обычно, прошептала Гузель.

— Здравствуй, Гузель. Сергей Алексеевич, ох и заставили же вы меня побегать! Нашла я вам хорошие повязки.

Щёки Марины на глазах наливались краской. Сергей знал, что давно нравится девушке, и частенько использовал этот козырь, когда нужно было что-то раздобыть. Марина знала клинику вдоль и поперёк — что где лежит и у кого.

Марина остановилась перед Сергеем и жалобно посмотрела ему в глаза:

— Может, всё-таки бинтом перевяжем?

— Рана несерьёзная. Пойдёт и самоклейка, — широко улыбнулся Сергей.

— Серёжа, не спорь с девушкой, — вмешалась Гузель.

Марина смущённо обернулась в её сторону, покраснела ещё сильнее и перевела взгляд на Сергея:

— Да, Сергей Алексеевич, не спорьте с девушкой.

Марина достала из кармана халата бинт, но нейрохирург тут же перехватил её руку.

— Самоклейка, — более строгим тоном произнёс Сергей.

Марина смутилась, на лице промелькнула тень обиды, но девушка подчинилась. Не проронив ни слова, она наклеила повязку, а закончив дело, метнулась к столу и принялась заполнять бумаги. Сергей встал с кушетки, подошёл к Гузели и ненавязчиво навис над ней. Гузель в немом вопросе уставилась на Сергея. Но он продолжал буравить её взглядом.

— Что? — недоумевающе прохрипела она.

Сергей выдернул из-под её локтя свою рубашку. Гузель, видимо не заметившая, как в пылу разговора облокотилась на спинку стула, тут же с отвращением отряхнула рукав. Сергей накинул лохмотья, подошёл к Марине и нежно положил ладонь на её хрупкое плечико. Она вздрогнула.

— Большое спасибо, Марина, — более мягким тоном сказал Сергей.

— Не за что, Сергей Алексеевич. Приходите ещё! Ой! Ну то есть... — смутилась Марина. — Ну вы поняли.

— Всенепременно. — Сергей остановился в дверном проёме. — Гузель, ты не забыла? — Сергей кивнул в сторону коридора.

— Ах да, загадки разума, — девушка неохотно встала, поправила юбку, попрощалась с Мариной и последовала за ним.

Сергей двинулся вон из приёмного отделения. Он застегнул пуговицы, попытался оттереть бурые пятна на рубашке, но тщетно. Гузель вышла в ярко освещённый коридор, мягко закрыла дверь и прошипела:

— Зачем девушку обидел?

Сергей повернулся вполоборота:

— Никого я не обижал.

Гузель перебежкой настигла Сергея.

— Прекрати играть с Мариной, — строго сказала она. — Или пригласи её куда-нибудь, или дай понять, что ей ничего не светит.

— Тебе-то какое дело? — Сергей смочил палец слюной и потёр самые заметные пятна. Только размазал сильнее.

Гузель схватила нейрохирурга за локоть и дёрнула на себя. Сергей вонзил в неё возмущённый взгляд.

— Лифт здесь, балда! — Гузель кивнула влево.

Сергей поднял замыленный взгляд и увидел в двух метрах раздвижные двери лифта:

— Опа!

Гузель костью кулачка нажала на кнопку вызова.

— Вот тебе и опа! С Мариной решай, наконец. Время девушки гораздо ценнее мужского, — заговорила Гузель, беспокойно барабанила пальцами по бедру. — Выносить ребёнка, родить, потом растить, а потом по новой, и ещё раз. Это серьёзная нагрузка на организм. Мужчина, он как — отстрелялся и на диван. А женщина — чем старше, тем ей труднее с этим.

Двери лифта открылись. Гузель предложила поговорить в лаборатории. Сергей кивнул, вошёл в кабину лифта первым, за ним — Гузель. Нейрохирург нажал на кнопку четвёртого этажа:

— Ты же понимаешь, что ты это врачу рассказываешь?

— Повторенье — мать ученья, — с хитрецей посмотрела на него Гузель.

— У Марины есть своя голова на плечах, — Сергей продолжил чистить рубашку.

— Ей двадцать три года. Она ещё наивная. Ты вот с ней флиртуешь, улыбаешься на все тридцать два зуба. А ты же нейрохирург, герой, людей спасаешь. Ещё и детина двухметровая.

— И что дальше?

— Она думает о тебе, фантазирует о встречах, о том, что ты делаешь, о том, как она отвечает. Пусть лучше сосредоточится на другом мальчике. Кто даст ей то, что она заслуживает, — отчеканила Гузель последнее слово.

Анальгетики притупили боль, но Сергей всё равно её чувствовал — мягкую, тупую, пульсирующую и гнетущую. И эти разговоры о малозначащей для него девушке воспринимались раздражающим пустым трёпом.

— Можно подумать, она сама не догадается, — отмахнулся Сергей.

Двери лифта с лязгом отворились. Гузель вышла первой, за ней последовал Сергей, и они двинулись по длинному коридору, в конце которого располагался кабинет начальницы лаборатории.

— Эта девчуля ещё не скоро всё поймет, — продолжала гнуть свою линию Гузель, делая вид, что не заметила настрой собеседника. — Она по тебе уже полтора года сохнет.

— Допустим — скривился Сергей.

— Отстрани её. Побудь козлом, как ты умеешь. Или пригласи куда-нибудь. Из таких золушек прекрасные жёны получаются. Так что ты подумай, — постучала она по виску указательным пальчиком.

Гузель вдруг оживилась, её глаза округлились, в них полыхнули искры. Воодушевлённая девушка ткнула кулачком в бок Сергея:

— Ты вот о чём подумай, Царевич! Не каждая бывшая на моём месте будет сватать тебе такую милоту. Ещё и шаландаюсь тут по больнице среди ночи. Только ради тебя, заметь!

— Ты не представляешь, как сильно я это ценю, — Сергей обнял её за плечи и улыбнулся во все тридцать два зуба.

— Нет! — взвизгнула Гузель. — Ты грязный! Фу, отпусти!

Девушка неистово задёргалась, присела, чтобы выскользнуть, но Сергей держал её стальной хваткой.

— Ну вот, теперь от меня будет пахнуть бомжом, — обиделась Гузель.

Через несколько минут оба оказались в кабинете Гузели. Девушка по привычке села на своё место:

— Я тебе открою один секрет. У женщин не только время важнее, чем у мужчин. Женщины в принципе ценнее мужчин.

Сергей, знавший, где и что лежит в этом кабинете, без спроса полез в шкафчик справа от входа, достал первую попавшуюся кружку и принялся намывать её в раковине.

— Все люди ценны, — незаинтересованно пробубнил он.

— А женщины тем паче. Всё живое может существовать, только когда самос... восмос... — запнулась Гузель.

На секунду она остановилась, а потом по слогам произнесла:

— Самовоспроизводится. Чтобы популяция из ста человек дала потомство в сто десять детей, достаточно девяноста девяти женщин и одного мужчины. А вот девяноста девять мужчин и одна женщина, боюсь, не справятся с этой задачей. Как бы ни старались.

Феминистическая пластинка Гузели заела. «Этот вж-ж-ж неспроста, — Сергей, знавший её характер вдоль и поперёк, понимал, что к чему-то она клонит и скоро исподволь подведёт. Что-то, что девушку беспокоит в ближайшее время кувалдой обрушится на его многострадальную на голову. — Прямо сказать не может, вот и будет теперь таскать по зарослям своих путаных мыслей».

— Это какой-то новый уровень феминизма? — Сергей достал из тумбочки стеклянную банку с сублимированным кофе.

— Проверяю тебя, — ехидно улыбнулась Гузель.

— На что это ты меня проверяешь? — удивился Сергей.

— На зрелость, — решительно ответила она. — Колкие замечания женщины зрелого мужика не беспокоят. На днях одного дурачка до истерики довела. Такая веселуха! Бедняга так изгалялся, так доказывал, что женщины без мужчин ни с чем в этом мире не справятся. Диагноз — защемление мошонки третьей степени.

— Тебе кофе заварить? — потряс банкой Сергей.

— Ты с ума сошёл? Какое тебе кофе? У тебя галлюцинации от стимуляторов! Брось бяку!

— Чего? — замер в недоумении Сергей.

— Бяку, говорю, брось! — рявкнула Гузель.

— Да, точно, — растерянно выдохнул он и вернул банку в тумбочку.

— Ну, давай рассказывай, чем закончилась история с твоей голой девкой. Только рассказывай страстно. Цветы были? Вино открыл? — засмеялась Гузель.

Сергей подошёл к столу её ассистентки и развалился на стуле:

— Я погляжу, моё здоровье тебя не волнует.

— А чего волноваться-то? — весело спросила она. — Прекратишь жрать стимуляторы, всё вернётся на круги своя. А если ещё и в отпуск слетаешь на море... О-о-о. Ты же у меня расцветёшь!

— Короче, — прогремел Сергей, чтобы сбить радостный дух, совсем не вовремя повисший в кабинете, — девка задала мне загадку. Я знаю ответ, он где-то в подсознании, но никак не желает выйти наружу.

— Ружа, она такая, — откинулась на спинку Гузель. — Никто не желает в неё выходить. Что за загадка?

Сергей на секунду задумался, чтобы вспомнить все строки:

— Одна десятая из двух. Четыре шестерни опять. Седьмую бесконечность бух! Запомни!

Девять раз, а десять сгладь.

— Фауст, — уверенно ответила Гузель.

— Фауст? — Сергей потупил взгляд в пол, вспоминая детали знаменитой поэмы. — Там не было таких загадок.

— Последняя строка точно из Фауста Гёте. Ритуал ведьмы. Помнишь? Правда, остальной текст несколько искажён.

— И в чём же смысл? — озадаченно спросил Сергей.

— Мне почём знать? Твоя девка, ты и гадай, — игриво ответила она. — Хотя подожди! Ты ничью жизнь не разрушил? Может, вылезло твоё чувство вины?

— Ничью жизнь я не разрушил, — с раздражением сказал Сергей. — Пока что. И никакое чувство вины не может разорвать бок человеку, а потом закинуть несчастного на закрытую кровлю.

В глазах девушки исчезло благодушие, на миг они даже похолодели.

— Тогда не знаю, — Гузель встала и потянулась. — Ладно, Царевич. Диагноз я тебе поставила, лечение обозначила, загадку решила. Мавр сделал своё дело, мавр едет домой. Половина третьего ночи!

— Да, понимаю. Спасибо тебе большое.

Сергей тоже встал и с распростёртыми руками двинулся к Гузели. Вселенский ужас промелькнул на лице девушки, и она рванула к двери. В проёме она обернулась и прошептала:

— И ещё одно. Насчёт Марины. Не воспринимай привязанность как должное. Не давай ценному человеку повода отпустить тебя. Ведь тогда человек узнает, как хороша жизнь, когда ты в ней отсутствуешь. И с этого момента у тебя не будет шансов обратить всё вспять.

— Какое тебе дело до этой девушки? — выпалил Сергей.

В то же мгновение его вдруг осенило:

— А-а!

Гузель говорит о себе, прикрываясь Мариной! Но, как обычно это и бывает, девушка никогда не признаёт этого. Ох уж эти женщины с их изворотливостью и загадками. А потом не понимают, почему им никто не верит, когда они говорят прямо и искренне.

— Вот тебе и «А-а»! — передразнила Гузель. — А теперь вон из моего кабинета!

Погода выдалась солнечная и слякотная. Снег таял, с крыш капало, и Сергею пришлось лавировать среди луж, местами даже их перепрыгивая. Нейрохирургу не терпелось добраться до Андрея, обещавшего показать нечто невероятное. Свежий весенний запах и предвкушение приятных новостей кружили его голову, несмотря на грязь и мокрый снег под ногами.

Магазин компьютерной техники «Тащилово», владельцем которого был Андрей Разапов, расположился между цветочной лавкой и нотариальной конторой. Сергей улыбнулся продавщице цветов и потянул на себя стеклянную дверь компьютерного магазина. Угрюмая женщина средних лет в меховой шапке и чёрной шубе вышла и даже не кивнула в благодарность за придержанную дверь. За ней вприпрыжку последовал подросток двенадцати лет, неосмотрительно прыгнул на лужицу и обрызгал мать. Мальчик тут же отхватил подзатыльник. Сергей вошёл в тёплое, душноватое помещение.

Взъерошенный и возбуждённый Андрей в жёлтой футболке и зелёных штанах выбежал из-за стола и радостно налетел на Сергея:

— Пойдём! Пойдём! Кажись, работает. Я запустил систему. Твои наноботы — это просто нечто!

Андрей схватил Сергея под руку и потащил в мастерскую. Помещение служило одновременно и складом. Вдоль трёх стен стояли стеллажи, заваленные комплектующими от компьютеров, а у дальней стены находился агрегат, наполнивший душу Сергея теплом. Чёрный куб, служивший корпусом устройства, казался монструозным — не меньше метра в высоту, столько же в ширину и метр двадцать в длину. Через переднюю перфорированную панель просматривались вентиляторы охлаждения. Их лопасти напоминали скорее турбину, чем компьютерные кулеры. К задней панели Андрей прикрепил гофрированную вентиляционную трубу и вывел на улицу. Сергей улыбнулся: он знал, для чего нужна эта труба. Агрегат во время первого запуска превратил комнату в тропики, а вентиляторы разметали по комнате не только бумажные листки, но и пустые коробки.

— Потребляет около пяти тысяч ватт. На одном только электричестве твои пациенты разорятся, — Андрей нажал на кнопку включения.

Агрегат загудел, гофрированная труба затряслась, едва не выпав из форточки. Тотчас в кармане Сергея завибрировал телефон. Он отошёл в дальний от агрегата угол, достал мобильник и ответил на звонок. Это была Гузель. Девушка справилась о его самочувствии, Сергей шутливо ответил, что самочувствие не волк, в лес не убежит. Гузель зашлась смехом. Она рассказала какую-то историю, приключившуюся с ней сегодня. Из-за шума Сергей не расслышал и половины слов. Гузель продолжала трепаться. Она будто не хотела класть трубку. Андрей нетерпеливо косился на друга. Сергей, извиняясь, прервал Гузель, распрощался с ней и вернулся к агрегату.

— Четыре серверных процессора работают согласованно, — перекрикивая шум, заговорил Андрей. — А пятый управляет. Понял, да? Как кольцо Саурана! Один, что правит всеми. А ещё я создал новый чипсет. В каком-то смысле.

— Очень хорошо, — крикнул Сергей. — В твоих талантах я никогда не сомневался. Ну так что? Покажешь результаты?

Из выдвижного ящика стола слева Андрей достал два белых пластиковых предмета, прикреплённых к поясным ремням, и протянул один из них Сергею. Нейрохирург покрутил в руках предмет — будто яйцо размером с кулак, разрезанное строго посередине.

— Это передатчик сигнала от наноботов. Я немного переделал вашу модель. — Андрей самодовольно улыбнулся. — Плоской стороной к пояснице.

Сергей ввёл наноботы в позвоночник Андрея четыре месяца назад — перед первыми испытаниями. А вот для себя нейрохирургу пришлось просить знакомого анестезиолога. Тот не меньше часа пытался выведать, зачем Сергею проводить столь опасную процедуру и что это, дескать, за вещество такое? Кое-как, за бутылку дорогощего коньяка, знакомый согласился молча выполнить работу. Нанороботы выстроились вдоль проекционных проводящих путей спинного мозга, проникли в четверохолмие ствола мозга, а дальше распространились по всей коре.

Андрей приподнял футболку, приложил передатчик к пояснице в районе четвёртого и пятого позвонков.

— Беспроводные передатчики? — удивился Сергей.

— Не смотри так! — ответил Андрей перепоясываясь. — Я оптимизировал процесс и уменьшил массив передаваемой информации. Всё будет чики-пуки.

Сергей подпоясался и затянул ремни.

— Стоя будем погружаться? — озираясь, спросил Сергей.

— Одну секунду. — Андрей выскочил из склада.

Друг вернулся с двумя стульями без мягкой обивки. Он торопливо поставил их перед устройством и сел на тот, что выглядел поновее. Светло-коричневый лак на стульях местами

вспучился и отошёл, на вид они казались старыми и расшатанными. Сергей недоверчиво взялся за спинку своего стула и покачал. Мебель оказалась удивительно устойчивой и надёжной. Сергей сел на стул, и в то же мгновение перед его глазами потемнело.

Перенос произошёл мгновенно.

Сергей очутился в просторной комнате, чуть большей, чем его двухкомнатная квартира. Только вместо стен и потолка висела серая дымка, через которую не проглядывалось ничего. Сергей опустил голову — он будто стоял на наливном полу лилового цвета.

Из-за его спины выскочил воодушевлённый Андрей:

— Ну как? — вглядываясь в лицо друга, спросил он.

— Это виртуальный шлюз, я полагаю... Бомбезно! — ответил Сергей, всё ещё не веря в успех.

— А ты пиджачок-то свой, пиджак осмотри, — пролепетал радостный Андрей.

Только сейчас Сергей заметил, что в виртуальной реальности он стоит точно в таком же костюме, в каком пришёл в компьютерный магазин. Сергей провёл ладонью по рукаву — по ощущениям, будто настоящий. Потом Сергей распахнул пиджак, проверил материал подкладки, запустил руки в пустые карманы, поднял ногу и рассмотрел подошву туфли. Одежда полностью соответствовала оригиналу из реальности.

— То есть РОД уже может считывать информацию из моего мозга? — обрадовался Сергей.

Андрей поморщился. Как морщился всякий раз, когда слышал раздражающую глупость:

— ИИ. Искусственный интеллект считывает. Правда, только на примитивном уровне.

РОД — просто машина.

— ИИ? — приятно изумился Сергей. — Ты и программы пишешь?

— Это не моя программа. — уклончиво ответил Андрей. — Можешь, кстати, попросить ИИ материализовать что-нибудь простое.

Сергей даже не поверил словам друга. Казалось, это розыгрыш. Сергей неуверенно вытянул руку ладонью вверх:

— Кубик.

Ничего не произошло. Андрей откуда-то из-за спины достал планшет, точно как герои видеоигр достают из небытия оружие. Насупившийся электротехник потыкал по дисплею.

— Представь в воображении этот кубик и повтори.

— Ку-бик, — членораздельно повторил Сергей.

На ладони тут же образовался пластмассовый светло-зелёный кубик. Один из тех, с которыми Сергей играл в детстве. Сергей подбросил его в воздух и поймал. Предмет вёл себя точно-точно как в реальности. «Можно ли это место считать инобытием?» — подумал Сергей и облизнул кубик.

— Фу, что ты делаешь? — брезгливо скривился Андрей.

— Изучаю, — Сергей понюхал предмет, но не почувствовал запаха. Оно и понятно: четверохолмие ствола мозга не участвует в передаче сигналов от органов обоняния.

— Опять стимуляторов обожрался? — недовольно покосился на него Андрей.

— Наркотики я не употребляю, если ты об этом, — парировал Сергей.

— Нет, я не об этом. Ты под веществами? — недовольно прищурился Андрей.

— Да.

— Вот олух! — взмахнул руками Андрей. Казалось, планшет полетит куда-то в сторону от такого резкого движения. — То-то я думаю, почему РОД вполсилы работает!

— Не гони, — небрежно махнул рукой Сергей. — Лучше покажи, на что наше детище способно. Выгрузи какое-нибудь воспоминание.

Андрей на минуту погрузился в планшет. Сергей сел на корточки и принялся беззаботно щупать шершавый пол, потом ударил его, чтобы почувствовать боль. Костяшки и в самом деле

заболели. Сергей выпрямился, прыгнул, потом ещё раз. В следующую секунду он сорвался с места и со всех сил побежал сперва в одну сторону, потом в другую. Андрей в это время хмурился и поблёскивал недовольными глазами. Чтобы не нервировать друга, нейрохирург остановился и стал терпеливо ждать. А потом в шлюзе раздался женский голос, от которого Сергей оцепенел. Это был голос матери:

«Стремление... Стремление к совершенству...» — звук заскрипел, замедлился. А потом и вовсе исчез.

— Ничего себе! — воскликнул Андрей. — Работает! Подожди секунду, попробую перераспределить нагрузку по процессорам.

Он принялся неистово тыкать по планшету.

— Подожди, а визуализация воспоминаний? — спросил Сергей.

— Ты радуйся, что голоса уже можно дешифровать! — укоризненно ответил Андрей. — А неплохую иишку Саня собрал!

— Какой ещё Саня? — встревожился Сергей.

— Ну ты же не думал, что крутой электротехник одновременно ещё и программист прекрасный? — насмешливо спросил Андрей.

— Ты берега-то не попутал? — возмутился Сергей. — Мы же договаривались! Только мы вдвоём, и никого больше!

— Помнишь, ты мне про Канта затирал? Истина в себе и истина для нас — не одна и та же истина. Помнишь?

Сергей насупился и вперил в друга гневный взгляд:

— И что?

— А то, что реальность всегда отличается от планов, — невозмутимо ответил Андрей.

Пыл Сергея приутих. Андрей и в самом деле уложил его на лопатки. Сергей выдохнул и заговорил намного спокойнее:

— Ты смеешь использовать мои же тезисы против меня, Разапов? Что за Саня? Ему можно доверять?

— Верю ему как себе, — отвечал Андрей, продолжая копаться в планшете. — Да и куда бы мы продвинулись без Сани? Он собрал софт под железо, оптимизировал его, он создал ИИ РОДа и научил считывать команды человека. Саня два года безвылазно занимался программной частью.

В душу Сергея постучалась тревога:

— Сколько же ты ему платил? — спросил нейрохирург.

— Нисколько, — не поднимая глаз, ответил Андрей.

— Это с чего вдруг? — недоверчиво спросил Сергей.

Андрей посмотрел вверх, схватился рукой за шею и стал разминать. Он будто собирался с мыслями.

— Много лет назад Саню выпустили из тюрьмы, — нехотя заговорил Андрей. — Он долго не мог найти нормальную работу. Три месяца жил у меня на складе, пока квартиру не снял. Парень-то толковый — математик. Я посоветовал ему на программиста переквалифицироваться. Деньгами помог. В общем, с тех пор, кроме зарплаты, он с меня ничего не берёт.

— Бывший зек, которому можно верить? Мне не нравится этот персонаж, — фыркнул Сергей.

— Лет пять назад мне один придурок расправой угрожал. Саня у меня в квартире сидел с гвоздодёром наперевес. Ему можно верить, — холодно процедил Андрей, на пару секунду уставившись на Сергея неморгающим взглядом. А потом он вернулся к настройкам РОДа. — Ну вот. Готово.

Тоска, как нож, резанула по душе — вновь раздался голос матери:

«Стремление к совершенству, страх ошибиться и быть осуждённым за это, стремление к величию — те кандалы, что оковывают тебя, Серёжа. Это опасный путь, сынок. Слишком опасный. Личность, желающая видеть себя совершенной, великой, начинает отравлять собственный разум, убеждая себя и окружающих в том, что воистину велика. Эта личность слишком боится разочароваться в своих убеждениях и потому однажды начинает лгать самому себе. Как чиновник лжёт начальнику, которого за плохие цифры в отчёте отругают. Признай себя обычным, признай себя средним, и станешь выше среднего. Признай себя равным всем, не хуже и не лучше, и станешь лучшим из всех».

Мать умолкла, и на несколько секунд в шлюзе повисло молчание. По Андрею было видно: он на седьмом небе от счастья. Первый опыт погружения человека в виртуальный мир сотворён его руками. Андрей Разапов навсегда часть истории человечества, и осознание этого просто распирало его.

— Твоя мама проповедник? — первым заговорил Андрей с горящими глазами. — Кто унижает себя, тот будет возвышен... Это же... Евангелие от Матфея?

Для мусульманина Андрей очень хорошо знал христианское Священное Писание. «Наверное, даже слишком», — подумал Сергей.

— Она была доктором философских наук, профессором, — угрюмо ответил Сергей.

— А-а! Так вот откуда твоя любовь к заумным челикам! — радостно выпалил Андрей.

— Ну, если Кант, Маркс, Гегель, Шопенгауэр, Юм, Декарт и все остальные просто заумные челики, то ты прав, — съязвил Сергей.

Сергей попросил закончить сеанс. Андрей кивнул, ткнул пальцем в планшет и выгрузил обоих из шлюза.

Открыв глаза, Сергей обнаружил, что лежит на полу, уткнувшись лицом в дощатый пол. Старая бугристая краска впиалась ему в щёку и оставила след. Правый бок неистово болел. Сергей приподнялся на одной руке и посмотрел на окровавленную рубашку. Осторожно, боясь задеть рану, он потянул подол рубашки на себя. Сергей с облегчением выдохнул: швы не разошлись. Рана кровила, но угрозы жизни не представляла.

— Эти стулья — большой ошибка, — проскрипел Андрей и встал. Его мутный взгляд скользил несколько секунд по окровавленному полу, после чего вонзился в живот Сергея. — Твою дивизию! Царевич, ты чего? Ты как так поранился?

— Принеси из моей машины повязки, — Сергей швырнул другу ключи от автомобиля. — В бардачке лежат.

— Сейчас буду! — Андрей помчался к двери.

— Салфетки ещё принеси, — крикнул ему вслед Сергей.

Убегая, Андрей чуть не вынес дверь. Она с грохотом распахнулась, ударилась о стену и, трясясь, вернулась на место.

Через две минуты Андрей вернулся с салфетками, повязками и перекисью водорода. Сергей скинул пиджак, снял рубашку, быстро привёл в порядок рану и заменил повязку. Труднее было успокоить друга. Андрей корил себя за торопливость и непредусмотрительность, приведшую к «кровоавой катастрофе». Поклялся раздобыть удобные кресла и большие подушки.

Уходя, Сергей накинул пиджак на голое тело. Положил окровавленную рубашку в пакет и двинулся к машине.

Двигатель не спеша набирал температуру. Сергей откинулся на спинку — то ли РОД высосал из него все силы, то ли стимуляторы перестали действовать, но от усталости размякло тело и не хотелось даже шевелиться. Можно попробовать вздремнуть до «первого хрюка», поймал себя на мысли Сергей. Вдохновившись известной сценой из «Семнадцати мгновений весны», в студенческие годы он придумал свой подход мгновенного восстановления сил. Ней-

рохирург проваливался в дрему, но удерживал сознание между сном и бдением, фокусируясь на окружающих звуках. Как только Сергей слышал свой первый храп, он мгновенно заставлял себя проснуться. На несколько часов этот приём придавал бодрости.

Сергей почувствовал воду в туфлях. Он вздрогнул, открыл глаза, и тотчас сиденье автомобиля под ним растворилось. Сергей шлёпнулся на спину. Костюм мгновенно промок. Изумлённый мужчина вскочил и выругался: автомобиль будто растворился, а вокруг, насколько хватало взора, простиралось бескрайнее море. Сергей поднял голову и впал в ступор: над головой нависало чистое звёздное небо. «Сон или галлюцинация?» — метались мысли Сергея. А потом его взгляд устремился вдаль: на горизонте светили три солнца, расположенные строго на равном отдалении друг от друга. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Прозрачная вода покрывала десятисантиметровым слоем безупречно ровную поверхность из зелёного мрамора.

Низкий протяжный звук сотряс воздух. Заложило уши. Показалось, что это чей-то голос. И этот голос о чём-то вещал. Вдруг голос превратился в шёпот. Сергей прислушивался как мог, но звук никак не делился на слова. Солнца погасли. Мир мгновенно погрузился во мрак. Сергей заставлял себя верить, что это всего лишь галлюцинация и вот-вот она пройдёт. Но потом он вспомнил о ране на боку. Тотчас страх накрыл Сергея с головой. Он крутился на месте, ожидая удара с любой стороны. Метрах в двадцати забрезжил свет из точки. Столь малой, что казалась размером с горошину. Эта светящаяся горошина металась из стороны в сторону, точно муха или овод. «Светлячок», — догадался Сергей. В тот же миг это насекомое превратилось во что-то громадное. Тень этого существа с яростными жёлтыми глазами метнулась к Сергею, когтистой лапой схватила его за горло и изо всех сил впечатала о поверхность. В ушах засвистело, в глазах поплыли звёздочки и заплясали искры. В ушах забулькала вода.

— Как меня зовут? — прорычало существо с мордой рептилии. — Назови моё имя.

Сергей зажмурил глаза, не сомневаясь в том, что его голову сейчас отгрызут.

В этот момент Андрей рывком открыл дверь автомобиля Сергея и неистово затормозил его за плечо. Голова нейрохирурга безвольно болталась, как игрушка. Друг был в отключке и ни на что не реагировал. Из рта сочилась пена, с губ свисала длинная тягучая ниточка слюны, намочив верх пиджака и грудь Сергея. Андрей взволнованно кричал ему в лицо что-то невнятное, но что именно, он и сам не осознавал. Через несколько секунд испуг сошёл на нет, и Андрей ясно понял, что ему делать дальше.

— Твою дивизию, Царевич! — рявкнул Андрей. — Ты меня до инфаркта доведёшь! Я вызываю скорую!

Андрей полез в карман джинсов за телефоном.

— Царевич, всё! Хорошо жрать этот помёт птеродактилей! — негодовал Андрей, набирая номер скорой. — Алло! Срочно приезжайте сюда! Я столько кирпичей отложил, отцу на стройку хватит! Адрес? Записывайте!

Андрей окинул взглядом на зевак на тротуаре. Мальчик семи лет, в серой шапке с бубенчиком, дёргал за рукав маминой куртки и смотрел на Сергея испуганными глазами. Зрелище и правда было устрашающее.

Сергей растянулся на диване, закинув ноги на подлокотник и не сводя взгляда с белоснежного потолка. Квартира Гузели, казалось, за пять лет никак не изменилась. Шторы лососёвого цвета. Белые стены, белые шкафы и тумбочки, но с золотистыми ручками. Стулья, кресла и диван — нежно-розового, под цвет штор. Над диваном висела полка с тремя горшками фуксии, по углам зала стояли плетёные кашпо с замиокулькасами. По всем параметрам девчачье жилище.

Гузель гремела посудой на кухне, время от времени выбегая в зал проведать состояние Сергея. В светло-бежевом халате до колен, с подтянутым пояском, подчёркивающим тонкую талию и прекрасную фигуру, девушка вновь, после стольких лет расставания, показалась Сергею чрезвычайно привлекательной. В конце концов она выскочила из кухни с кружкой чая, заставила Царевича поднять ноги, уселась на диван и положила его ноги себе на колени.

— Галоперидол, значит, прописал начальник? — Гузель положила свободную руку на голень Сергея.

— Дмитрий Михайлович говорит: стимуляторный психоз. Заставил в отпуск уйти, — медленно и монотонно проговорил Сергей.

— Бедняга! Отдыхать заставили! — Гузель ехидно покачала головой. — Радуйся, балда, что начальник у тебя такой понимающий. И прикрыл тебя, олуха. Редко кому так везёт.

«Ага, как же... Понимающий... О докторской беспокоится», — чуть не признался Сергей. Дмитрий Михайлович в самом деле прикрыл его. Завотделением не сделал никаких записей, молча прописал лекарства, о случившемся никуда не сообщил. Но строго наказал Сергею не появляться в отделении в течение двух недель.

— Я бы обрадовался, но мне так фиолетово, — безразлично ответил Сергей. — На всё в этом мире мне так фиолетово.

— Даже на меня? — хитро улыбнулась Гузель.

Сергей насупился:

— Чувствую, вопрос с подвохом. Я не буду отвечать.

— Ну, ладно, ладно! Отдыхай. — Гузель шлёпнула Сергея по голени. — Как пойдёт молоко из груди, сообщи. У меня сливки кончились.

— Меньше «Хауса» смотри, — всё тем же безразличным тоном сказал Сергей.

Гузель включила телевизор. Показывали старый русско-турецкий сериал. Гузель, будто заворожённая, наблюдала за романтической историей турецкого султана и русской гувернантки, которым противостояла главная женщина гарема. Неописуемая красота антагонистки сумела выбить восхищение у Сергея даже сквозь галоперидол.

Как только курс галоперидола закончился, Сергей первым делом отправился в мастерскую. В этот раз Андрей подготовился гораздо лучше: в мастерской появились два новых массивных кресла. Сергей по привычке провёл рукой по бархатной поверхности велюровой обивки. «Точно не сон», — Сергей опустился в кресло и будто утонул в безмятежной мягкости.

Шлюз тотчас загрузился. На этот раз ограничительная дымка над посетителями образовывала купол радиусом около двухсот метров. Андрей, возбуждённый, если не разгорячённый, принялся показывать последние достижения. Электротехник называл сложные тела, и РОД спокойно их моделировал. Ожидаемо, Андрей начал с голой девушки. ИИ смоделировал высокую барышню с тёмными шелковистыми волосами, спадавшими на плечи и грудь второго размера. Подбородок на ангельском лице был приподнят, а бездонные голубые глаза прямо-таки небесной красоты царственно смотрели на мужчин, на несколько секунд потерявших дар речи. Сильные стройные ноги выделялись развитыми квадрицепсами, а изгибы талии и пресс живота делали её тело произведением искусства.

— Ты ведь женат, — Сергей констатировал давно известный другу факт.

— Таки шо в этом такого? — спаясничал Андрей. — Думаю, эта госпожа не против моей жены.

Сергей нашёл в себе силы отвести глаза от девушки:

— Ладно, покажи, что ещё может твой ИИ.

Андрей достал из-за спины планшет.

— Только это... сфоткай девку, — выпалил Сергей.

— Уже сфоткал. А потом Гузели покажу. Ох, она тебе по жопе надаёт!

Андрей произнёс: «Скутер», и перед ним появилось транспортное средство красного цвета фирмы «Веломоторс». Потом РОД смоделировал бассейн сто на сто метров. Через секунду в бассейне появилась двадцатиметровая яхта. Вода из бассейна сразу же перелилась через край, намочив обоим мужчинам ноги. Особняк, самолёт, вертолёт — РОД справлялся без труда с чем угодно.

— Это из твоей памяти? — поинтересовался Сергей.

— Нет, конечно. До этого ещё далеко, — протянул последнее слово Андрей. — Это заранее загруженные объекты.

— А Саня точно сможет довести разработку до ума? — скептически спросил Сергей.

— Точно не могу сказать, — безразлично ответил Андрей.

— Можно, пожалуйста, побольше уверенности? — с нотками раздражения спросил Сергей.

— Уверенность — привилегия глупцов, — не колеблясь, ответил Андрей.

Сергей вздохнул: в очередной раз его же тезисы использовали против него. Такой аргумент действительно не парируешь. Нейрохирург подошёл к двухэтажному особняку, первый этаж которого встречал гостей панорамными окнами на всю стену. Второй этаж опоясывала терраса с резными, узорчатыми перилами. Сергей шагнул к особняку и встал на мягкий газон изумрудного цвета. Трава казалась натуральной.

— Женщины, кстати, любят уверенных, — сказал Андрей, видимо, чтобы заполнить тишину.

Сергей пожал плечами, пройдя к тропинке из гранитных плиток:

— А когда они любили нормальных? Приведут домой пса шелудивого, а потом диву даются, почему избранник их не ценит, не работает, висит на шее...

Сергей прошёлся по тропинке вперёд и назад.

— А виноваты, конечно же, мужики, но не бабьи кривые стандарты избранников, — усмехнулся Андрей.

— Они выбирают по старинке. — Сергей вырвал из земли одну плитку, но вопреки его ожиданиям под ней оказался лиловый пол шлюза. Ни тебе земли, ни уж тем более разбегающихся насекомых. Сергей разочарованно выпрямился. — У женщин правит биология.

— Да и у мужиков, сказать по правде, — вставил своё слово Андрей.

— И у мужиков. Согласен, — Сергей окинул взглядом шлюз, решая, что ещё исследовать. — Мне кажется, Андрюха, пора менять устои. Цивилизация не пещера, и здесь другие стандарты для спутника жизни.

— А по каким стандартам тебя выбрала Гузель? Во второй раз, — многозначительно улыбнулся Андрей.

— Наверное, по пещерным, — засмеялся Сергей.

Андрей подошёл к скутеру, минуту вдумчиво осматривал, а потом сел на него и завёл. Тарахтенье двигателя ворвалось в уши, Сергей недовольно поморщился. Андрей с довольной улыбкой прокатился по кругу, потом выпрямил руль и закатился на газон, едва не сбив Сергея. Оставляя чёрный след развороченного дёрна, скутер понёсся в сторону особняка. Андрей заорал матом. Скутер взлетел по ступенькам и врезался в панорамное окно дома. Стекло раскрошилось на мелкие куски, но не разлетелось. Неуклюже подпрыгивая, Андрей слез со скутера и отскочил в сторону, чтобы падающий на бок транспорт не придавил ногу. Потирая левую голень и неистово бранясь, он подошёл к оторопевшему Сергею:

— Я что хотел сказать-то... Ай, как больно! — Андрей скривился от боли и ещё раз потёр ногу. — Не советую встречаться с бывшими. Опять разбежитесь. А тебе семью пора заводить.

Сергей, оторопевший от экстремального представления, не сразу уловил смысл сказанных слов.

— Думаю, всему своё время, — с трудом вышел из исступления Сергей.

— Семья и дети. Это непросто, — давясь от боли, начал свою тираду Андрей. — Но только с ними в твоей жизни появляется что-то по-настоящему важное. Ты не знаешь, что это такое. Ты не знаешь, как это — ненавидеть асфальт, о который твой сын разбил коленку. Этот асфальт кулаками хочется переломать. Марксизм, РОД, спасение пациентов — это всё замечательно. Но без семьи твои дела не закроют бездонную дыру внутри.

— У тебя так было с бывшей? — Сергей встал на одно колено, поднял штанину другу.
— Да не дёргайся ты! Посмотрю рану.

Сергей изумился. По всей длине голени друга красовалась алая полоса широкой, не меньше трёх сантиметров, ссадины. РОД моделировал и раны, и боль! Сергей возликовал.

— Да. Сошёлся я как-то по глупости со своей бывшей, — скривился от боли Андрей. — Начали вновь взаимоотношаться.

— Как? — не поверил своим ушам Сергей.

— Ну, отношения всякие делать, — спокойнее сказал Андрей. Казалось, боль в его ноге утихает. — Но девчуля по-прежнему старалась меня ломать и перевоспитывать. Я потратил столько сил! Всё без толку! Найди себе девушку по душе. И которой ты будешь по душе. Но до тех пор забудь о Гузели. А пока... Вот, смотри, можешь заполнить одиночество этим.

Следовать совету Андрея Сергей не собирался. «С Гузелью не порву», — твёрдо решил нейрохирург. В этот раз он знал, чего хочет и что ему нужно делать. Его сердце было полно решимости как никогда прежде.

Почему-то Гузели полюбили сидеть на диване с ногами Сергея у себя на коленях. Наверное, в этом был какой-то особый акт близости и доверия. По телевизору шёл нескончаемый русско-турецкий сериал. Сергею не хотелось признавать, но сей девчачий продукт его увлёк. Нейрохирург с интересом следил за приключениями гувернантки и даже болел за её отношения с султаном.

В это время Гузель отвлеклась и залипла в смартфон. Через минуту она подала голос:

— О! Вот ещё один подкатывает. Дескать, у него двадцать пять сантиметров.

— Только за этот месяц ты про эти сантиметры мне уже в пятый раз жалуешься. Закрой профиль, и никаких проблем, — пробурчал Сергей, не желая отвлекаться.

Гузель умолкла и продолжила просмотр сериала.

— А знаешь, какую я сегодня шоколадку съела? — через несколько минут спросила она.

— Двадцатисантиметровую? — съязвил Сергей.

— Дурак, — обиженно ответила Гузель.

Её смартфон снова зажужжал. Она разблокировала экран.

— О, оскорбления пошли. В бан! — Гузель яростно потыкала в экран и повернулась к Сергею. — Что с мужиками нынче не так?

— Мы видим только тех людей, которых хотим видеть, — не задумываясь, ответил Сергей. Всё его внимание поглотил сериал: «О Боже, он же сейчас прочтёт её письмо!» На экране телевизора султан получил письмо, компрометирующее гувернантку. Тотчас серия закончилась и появились субтитры. Раздосадованный Сергей чуть не вскочил в порыве эмоций: серия-то закончилась на самом интересном месте!

— К чему ты это? — похолодел голос Гузели.

Сергей секунду или две вспоминал, о чём они только что говорили. «Ах да! О мужиках!» — вспомнил Сергей.

— Имею в виду, Кузя, ты слишком предвзята.

Во взгляде Гузели сверкнули молнии:

— То есть это я дура, а не с мужиками проблема?

— Почему сразу дура? Просто почему-то ищешь таких мужиков.

Сергей не стал говорить, почему это происходит, но точно знал причину. Гузель любила насмехаться над слабыми мужчинами и втоптывать их в грязь. Безмерно уважала сильных и достойных, но вот о ничтожных всячески стремилась вытирать ноги. А вот чего Сергей не знал, так это движущую силу её старой новой пассии. Что за обида притаилась в глубинах её татарской души, она никогда не раскрывала.

— Если, по-твоему, я ищу таких мужчин, почему я сейчас с тобой?

«Видимо, скандал неизбежен», — невесело вздохнул Сергей и попытался отшутиться:

— Только ситхи всё возводят в абсолют. Ты же знаешь, что я имел в виду.

— Я не знаю, что ты имел в виду, — не сбавляла обороты Гузель.

Сергей сделал голос на полтона ниже:

— Ладно, забей.

— Подожди, как это забей? Давай выясним, что ты хотел сказать и почему я дура? — Гузель похлопала ладошкой по голени Сергея, чтобы он убрал свои ноги.

«Понеслась», — вздохнул Сергей, вспомнив, что отношения с Гузелью — это танец на минном поле. Нейрохирург подобрал ноги и сел на диван.

— Ты не дура. Ты глушишь боль, провоцируя новые витки агрессии.

— Ты меня что, лечить решил? Ты же знаешь: я этого очень не люблю.

— Нет, я тебя не лечу, — отчеканил Сергей, уже не зная, что сказать, чтобы завершить неприятный разговор. Словно загнанный волк, он метался то в одну сторону, то в другую, но из западни Гузели уже было не выбраться.

— А на что это похоже?

«Вот ведь питбуль! Вцепится, не отпустит!» — начал заводиться Сергей.

— Показываю твою проблему под другим углом.

— Проблему. Значит, всё-таки у меня проблемы! — зло прищурилась она.

— Я не это имел в виду, — заскрежетал Сергей. — Вот чего ты цепляешься к словам? Ты же знаешь: я не всегда точно их подбираю!

— И почему-то всегда выбираешь обидные! — Гузель демонстративно вскочила и убежала на кухню.

«Как же с тобой трудно», — гневно подумал Сергей. Послышался звук воды из крана. Девушка набирала фильтр-кувшин.

— Ты же знаешь: я никогда сознательно тебя не обижу, — крикнул Сергей, не вставая с дивана.

— Сознательно или бессознательно — это не имеет значения, — донёсся голос из кухни. — Значение имеет смысл твоих слов. Где есть смысл, там прячется и цель.

— Ты говоришь, как моя мама! — злобно бросил ей Сергей. — Вы бы точно подружись!

— Я тебе не мама! — рявкнула она.

Сергей не стал отвечать, а Гузель и не настаивала.

Полчаса спустя Сергей зашёл на кухню. Девушка сидела за столом, просматривая видеоролики на телефоне. Сергей подцепил табурет, поставил рядом с ней, сел и уставился на неё. Его лицо находилось на расстоянии пятнадцати сантиметров от её лица. Гузель изо всех сил делала вид, что не замечает назойливого присутствия мужчины. Через минуту она прошептала:

— Ненавижу, когда ты так делаешь, — и улыбнулась.

Вздёрнувшийся подол халата лишь наполовину закрывал её бёдра. Сергей кончиками пальцев провёл по нежной, но упругой коже, отодвигая подол всё выше и выше, и остановился у живота. Гузель тотчас покраснелась. Сергей наклонился вперёд и нежно прикусил ей мочку уха. Послышался дрожащий вздох Гузели.

Глава 4. Каил

Отпуск и галоперидол сделали своё дело. Сергей чувствовал себя полным сил, тремор давно исчез. Галлюцинации о себе не напоминали. Одно смущало Сергея: как он оказался на кровле? Лунатизм лунатизмом, но кровля была заперта на ключ. Этим ключом консьержка открыла люк и впустила его в подъезд. Спускаясь по лестнице, Сергей даже проверил замочную скважину — как новая. И бог с ней, с этой раной на боку, растяжениями, ссадинами и гематомами. Мало ли как их можно получить в минуты беспомощности! Но кровля... Тут либо Дэвид Блейн поработал¹, либо чертовщина какая-то произошла. Что-то в этой истории было не так, и Сергей это чувствовал, но ему решительно не с кем было поговорить об этом. Гузель только разводила руками, предлагая посоветоваться с теми, у кого был такой же опыт. «А у кого был такой опыт?» — спрашивал Сергей и тоже разводил руками. Гузель могла посочувствовать, пожалеть, и она действительно жалела и сочувствовала ему, но ему нужны были ответы. Был шанс, что ответы мог дать психотерапевт, но к нему Сергей боялся идти. Лишиться врачебной лицензии до окончания испытаний РОДа было смерти подобно. А потом хоть потоп.

Мастерская компьютерного магазина тонула в канифольном дыму. Андрей перепайвал конденсаторы на одной из материнских плат РОДа. Делать было нечего, и Сергей, поудобнее усевшись в кресле, погрузился в размышления.

«Мама такие загадки решала на раз-два. И что бы она сказала сейчас? Пум-пу-рум-пум. Мама была философ. Философы на всё смотрят с высоты птичьего полёта. А порой и из космоса. И так... Представим наш мир из космоса. Пум-пу-рум-пум. Много ли мы знаем о мире, чтобы не подумать о невозможном? Сегодня это невозможно, а завтра, того и гляди, обыденность. Да и что вообще мы знаем о вселенной? Явно намного больше, чем знал человек пять тысяч лет назад. Что мы будем знать через пять тысяч лет? Наверное, сегодняшней учёный будет ближе к таракану, чем к учёному того времени. А значит, наши знания слишком ничтожны, чтобы голословно отвергать мистику, совсем не беря её в расчёт! Что, если на чертовщину и сверхъестественное мы смотрим не в той плоскости? Мы спорим о том, реальны ли мистические явления, а должны были просто понять, о чём они и каким механизмам служат. Как вычислить сложный механизм, не имея знаний? Можно попробовать начать с самого простого и двигаться к сложному. Пум-пу-рум-пум... От простого к сложному. И так. Простая идея номер один: как говорил Тит Лукреций, ничто из ничего не возникает. Думаю, в этом мы не можем сомневаться. Простая идея номер два: мифы, сны и сказки — вся эта мистика всегда была представлением чего-то более сложного. Некая адаптация. И что у нас есть сейчас? Чертовщина в виде галлюцинаций и... эм-м... фокуса».

На мгновение мозг Сергея выдал картины Иеронима Босха. В воображении предстали «Смерть скупца» и «Блудный сын». Интуиция Сергея работала странным образом. Она давала ответы, не предлагая никаких разъяснений. Лишь разматывая клубок, идя к конечной цели окольными путями, он обретал полное видение. «Ну Босх, ну и что дальше? — спросил себя Сергей. — Искусство всегда было отражением духа народа. Дух! А что дух?» Сергей чувствовал, что нащупал ниточку к чему-то очень важному, но мозг ещё не был готов дать ему заветного ответа. Песчаный замок размышлений развалился. Сергей знал: ответ точно будет. Надо просто подождать.

В мастерскую ввалился мужик не моложе сорока лет. Среднего роста, со слабыми мышцами пресса, из-за которых его живот приобрел сильно выпуклую форму. На голове блестела

¹ Дэвид Блейн — известный американский иллюзионист.

лысина, из ноздрей торчали два снопа чёрных волос, такие же красовались и в ушах, выглядывая наружу, будто кисточки. Обрюзгшее, усталое лицо несло на себе метку глубокой печали, которую он заливал алкоголем. Чьим бы мужем ни был такой человек, жизнь этой женщины была довольно унылой. Внешность, понятное дело, не главное. Но абсолютная непривлекательность мужа, при отсутствии ещё и харизмы, напрочь убивает либидо женщины. А это никогда не влияет на брак благотворно. А значит, проблемы в семье. Либо этот человек уже разведён. Сергей присмотрелся к его правой руке: обручального кольца на пальце не было.

— Ненавижу водоканал, — проворчал мужик с лысиной.

— Что опять не так, Сань? — Андрей окунул паяльник в канифоль. Над инструментом за клубился серый, с оттенками сиреневого, дым.

Саня снял с себя джинсовую утеплённую куртку и положил на стеллаж, рядом со стопкой процессоров:

— Две недели без горячей воды! Опять, как уточка, с тазика мыться.

— Ясно, — промычал Андрей, залудил ножки конденсатора и припаял их к плате. А потом неожиданно вскочил. — К чёрту! Уже девять утра, а я ещё чаёчка во рту не держал. Сейчас приду.

Андрей стремительно выскочил из мастерской. Саня встал фертом в середине мастерской. Сергей не мешкая встал и протянул гостю руку:

— Значит, это вы Саня?

— Ну, если вы не из полиции, то да, — Саня размашисто пожал ему руку.

— Опробовал ваш ИИ. Весьма толково, — сказал Сергей и покивал для пущей убедительности.

— Понятное дело, что толково. — Саня изо всех сил скрывал смущение, но румянец на лице выдавал его с потрохами. — Андрюха говорит, вам нужен интеллект гораздо мощнее. Не представляю, как это сделать на таких мощностях. Ну, то есть зверина впечатляющая, не спорю, — Саня ткнул пальцем в сторону системного блока РОДа, — но не для серьёзных ИИ.

Сергей вернулся в кресло и плюхнулся на подушки:

— Мне нужен не просто ИИ. Мне нужен разум.

— Разум? — брови Сани поднялись.

— Разум, — повторил Сергей, не отводя взгляда. — Разум, способный искать информацию сам и обучаться, находить не только ответы, но и задавать вопросы. Понимаете?

Саня запрокинул голову, впёрся взглядом в потолок, переваривая услышанное. А потом посмотрел на Сергея с ухмылкой:

— Как вы себе это представляете?

— Программа, дополняющая своё тело, — непоколебимо ответил Сергей. — Как это у вас, программистов, называется? В общем, что-то типа функций, которые она сможет писать и добавлять в себя.

Саня, чей рот слегка приоткрылся, смог заговорить только через несколько секунд:

— Ничего себе у вас пожелания! Это уже получается самосознание у программы.

— Именно. Но самое главное — я хочу, чтобы разум мог спокойно корректировать код своего тела, — надавил Сергей на последнее слово.

Саня нервно засмеялся:

— Мать моя женщина! Над разумом бьются лучшие умы планеты. Я такое не смогу.

— Сможете, — непоколебимо заявил Сергей. — У вас есть я. И мы пойдём другим путём. Путём знаков. Используя семиотику, нейрофизиологию человека, философию. В частности, критику чистого разума Канта.

Лицо Сани исказилось от недоумения и разочарования:

— Что за Кант? Это который вратарь? Он ещё и книги пишет?

— Иммануил Кант. Вратарь — это Оливер Кан, — широко улыбнулся Сергей.

Саня прошёлся по мастерской взад-вперёд, напряжённо глядя в пол. Возможно, он уже прикидывал в голове варианты строчек кода для искусственного разума. По крайней мере, Сергею хотелось верить в это.

— Ну допустим, — Саня резко остановился и уставился на нейрохирурга не моргая. — Допустим, мы с вами соберём такую программу. Только причём тут пациенты? Создать искусственный разум — само по себе великое достижение. Зачем вам тогда коматозники? Зачем вся эта кутерьма с больными и... И всякое такое.

— У каждого свои ценности, — холодно ответил Сергей.

В мастерскую вернулся Андрей с кружкой чая. Аромат чабреца мгновенно заполнил помещение.

— Саня, у нас есть дырявые скобы? — спросил Андрей с порога.

— Дырявые? — удивился Сергей.

— У нас есть перфорированные скобы, — не колеблясь ответил Саня. — Из дырявого в этом городе только...

— Ребят, извините, я не привык к скабрзностям, — поднял руку Сергей.

На лице Сани промелькнуло изумление. Выглядел он огорошенным.

— Извините, — неуверенно сказал он и махнул рукой на стеллаж слева от входа. — Перфорированные скобы на верхней полке.

Андрей потянулся в указанное место и нащупал рукой полупрозрачный пакет с нужными расходниками. Отхлебнув чай, электротехник не спеша вернулся на своё рабочее место и принялся собирать системный блок РОДа.

— Я набросаю общую схему, каким примерно вижу ИИ, — вернулся к разговору Сергей. — Но вам придётся почитать литературу по семиотике. И научные труды Выготского. Можно ещё Пиаже почитать.

Саня кашлянул и почесал щетину. Всем своим видом он выдавал смятение. Казалось, он ищет возможность красиво и вежливо отказать.

— Почитать-то нетрудно, — неуверенно заговорил Саня. — Проблема в другом. Одних знаний недостаточно. Знать — это одно. Владение знаниями — другое. Это два совершенно разных уровня компетентности.

— Моей компетентности на нас двоих хватит, — решительно отрезал Сергей.

Саня нервно засмеялся. Сергей вдруг понял: программист не может отказать. Помощь попросил Андрей, а ему Саня был должен.

— Ну допустим, — в голосе Сани чувствовалось обречённость. — Но я ничего не обещаю.

— Всё получится. Я точно знаю, — махнул рукой Сергей. — А теперь давайте обсудим вопрос цены. Сколько это будет стоить? — деловито спросил он.

— Боюсь, такие суммы ты не потянешь, — неожиданно перешёл Саня на «ты», буравя собеседника взглядом. — Поэтому сделаю бесплатно.

Брови Сергея сами, без спроса, вспорхнули и зависли в верхней точке:

— Вот так уж и бесплатно?

Саня посмотрел куда-то влево, о чём-то размышляя, а потом пожал плечами:

— Авторские права на ИИ будут принадлежать мне. Я не обещаю тебе разум, я не верю в самосознание компьютера, это бредни писателей-фантастов. Но вот крепкий ИИ я смогу собрать. Есть у меня кое-какие идеи и наработки.

— По рукам! — Сергей встал и протянул руку.

Таким же размашистым движением Саня вновь пожал ему руку.

Андрей откуда-то притащил маркерную доску, всю в розово-оранжевых пятнах и разводах. Верхний левый угол был разбит. Сергей на всякий случай не стал спрашивать, где Андрей раздобыл сей чудный предмет. Не стоит задавать вопрос, если чувствуешь, что ответ тебе не понравится. Сергей брезгливо взял с полки маркер, пристально осмотрел и облегчённо вздохнул: хоть здесь никаких пятен не обнаружилось.

Саня нетерпеливо ёрзал в кресле, время от времени поглядывая то на часы, то на дверь.

— Ну что... — нервозно спросил Саня. — Долго ещё ждать?

— Недолго. — Сергей нарисовал три столбца на доске. — Итак. Что мы знаем о мышлении человека? Я люблю опираться на видение Канта. То есть чувственное восприятие, рассудок и разум. Чувственное восприятие — то, что мы видим, слышим, осязаем и так далее, — Сергей заполнил первый столбец и принялся за следующий. — Рассудок позволяет изучать объекты, явления, понятия, — в третьем столбце Сергей нарисовал мозг. — На самом высшем уровне — разум. Разум обобщает, соединяет, находит закономерности. Грубо говоря, задача разума — объять весь мир.

— Ну допустим. Только как это написать в виде кода? — неуверенно спросил Саня.

Сергей кончиками пальцев схватил с полки губку и очистил ею первые два столбца:

— Не торопись. Кодить придётся на базовом уровне. Например, мотивы. А сознание будем строить системой знаков.

— Дорожных? — усмехнулся Саня.

Сергей из вежливости улыбнулся в ответ:

— Есть такая наука — семиотика. Она делит знаки на три типа: индексальные, иконообразные, символические. Индексальные знаки — это обозначения физических или математических постоянных, терминов и тому подобное. — Сергей в первом столбце вывел буквы: Т, Р и V. — Иконообразный знак отображает предмет, — во втором столбце Сергей нарисовал изогнутую молнию. — И символический... вот с этим будет посложнее, — под рисунком мозга он приписал слово «абсолют».

— Ну почему же сложнее? — вмешался Андрей. — С этим всё просто. Например, соловей может обозначать и птицу, и человека. Просто введём возможные референты... то есть обозначения символов.

Сергей приятно удивился познаниям друга. Андрей не поленился почитать литературу по семиотике. Саня наклонился вперёд и уставился в пол невидящим взглядом. Его губы едва шевелились.

— РОД будет оперировать системой знаков? — спросил Саня, не поднимая головы. — Как человек?

— Точно, — кивнул Сергей.

— Эдакая надстройка над исходным кодом, — добавил Андрей. — Исходный код будет устанавливать протокол взаимодействия знаков.

Саня откинулся на спинку стула и целую минуту озадаченно разглядывал доску. Его лоб собрался в напряжённые складки. Стремительные движения глаз от одного обозначения к другому выдавали кипучую работу мысли.

— Даже если я придумаю такие строки кода, всё равно ИИ придётся учить многие годы, — сказал наконец программист.

— Главное, качнуть маятник, — уверенно заявил Сергей. — Если ИИ будет корректировать тело программы, скорость развития будет расти по экспоненте.

Саня опустил голову, рассеянно рассматривая пол, затем долго усиленно тёр кончиками пальцев лоб.

— Не преувеличивай. Скорость будет расти, но не по экспоненте. Индексальные и иконообразные знаки я введу, — бубнил Саня, как будто больше для себя, чем для собеседников.

— Символические... Ну допустим. Но протокол взаимодействия... Я только на примитивном уровне смогу его изобразить.

— Большого и не надо, — развёл руками Сергей. — Остальное ИИ возьмёт у меня. Моё сознание будет использовано как базовое. Может, и ваши мозги задействуем. Ну, если кто-то захочет участвовать, — Сергей посмотрел в глаза сперва Андрею, потом Сане.

— Что значит «твое сознание будет использовано как базовое»? — удивился Андрей. — Как это реализовать?

— РОД скопирует мою нейронную карту, — не колеблясь ответил Сергей. — Я буду проговаривать названия предметов и понятий, РОД будет считывать, какие нейроны активировались.

— А потом научим видеть взаимодействие знаков, верно? — перебил его Саня. — То есть через наноботов РОД скопирует твоё сознание и будет от него отталкиваться, я верно понял? — он испытующе посмотрел на Сергея.

— Точно! — выпалил Сергей.

Саня встал и, уперев руки в пояс, прошёлся по мастерской.

— Чтобы из простого построить что-то сложное, нужен строитель, — задумчиво произнёс Андрей.

— Думаю, это можно сделать, — сказал наконец программист. — Создам маленькую, отдельную иишку, она будет считывать нейронную карту твоего мозга и вместе со мной строить основной ИИ. Понимаешь? Маленькая иишка будет выполнять функцию...

— РНК, — закончил фразу Сергей. — Думаю, за несколько месяцев мы закончим работу.

— Это сказка, — недоверчиво скривился Саня и сел обратно в кресло. — А вообще, советую не думать. Пусть глупцы думают. Элита не думает, она работает на результат.

Сергей был решительно не согласен.

— Не сказка, — запротестовал нейрохирург. — ИИ не устаёт. И сам будет искать новую информацию.

— Сам? Как это сам? — недоумевал Саня. — Ты предлагаешь дать ИИ мотив?

— Да. Смотри, как это устроено у людей, — в левом нижнем углу доски Сергей нарисовал безобразное подобие фигуры осла, потом стрелочку, указывавшую вправо, а в правом углу изобразил морковку. — У каждого человека есть мотивы и потребности. Ради них мозг совершает работу. А когда добывается желаемого, получает удовлетворение. Понял? Работа — награда. Вектор. Без этого никак. Развития сознания не будет.

— Гы-ы... То есть люди — это ослы? — усмехнулся Андрей.

Саня будто не заметил аллегорий.

— Нужна ценность, чтобы у ИИ был мотив заполучить награду. Чего он может желать? Жить? Но это если я его запрограммирую таким образом. А потом буду угрожать: дескать, не будешь учиться — сотру.

— А ведь неплохой вариант, — закивал Сергей. — Оставим на крайний случай. Не хочу из-под палки его гонять. Попробуем человеческий подход. В нашем социуме действуют несколько ценностных систем. Социальный статус — чем ты выше, тем лучше. Моральный статус — чем больше очков морали ты набрал в глазах других, тем лучше. Польза для социума — чем важнее то, что ты можешь дать социуму, тем больше одобрения.

Саня поднял руку ладонью вперёд:

— Я понял, понял. Давай сейчас набросаем общую форму, чтобы я откуда-то начал. А детали потом. Какая ценность будет у ИИ?

— Жизнь пациентов, — не задумываясь, ответил Сергей.

— А что насчёт самосознания? — вмешался Андрей. — Как Саня будет кодить самосознание?

— Это легко! — вспыхнул Сергей и нарисовал на доске фигуру человечка и рядом воронку.

— О! Я знаю! — вскрикнул Андрей, тыча пальцем в доску! — Воронка, значит, Иероним Босх! Только это... Переверни её и на голову человечку того... надень! — он истошно засмеялся.

Сергей оторопел. Имя великого живописца из уст Андрея прозвучало будто выстрел. Могло ли это быть совпадение? Или вселенная может говорить? В горле пересохло. Сергей кашлянул и продолжил:

— У человека есть два «Я», работающих в паре. Первое «Я» отвечает за ощущение собственного тела, его положение в пространстве. В этот отдел мозга поступает вся чувственная информация, — Сергей поочерёдно ткнул в глаза, уши и пальцы нарисованного человечка. — А вот второе «Я» — это ментальное «Я». В мозгу это сеть нейронов, задействующая большое количество областей. Суть вот в чём. Если человек вырос в лесу, без людей, ему не от кого обособляться. Никто ему не говорит «ты», поэтому нет причин появиться «Я». Этот человек только животное, живущее инстинктами. Но в социуме есть родители и окружение, есть культура. Социум человека обособляет и говорит ему: «Ты есть». А потом учит его взаимодействовать с миром. «Я» возникает как следствие обособления данной особи в социуме. Мозгу нужно виртуальное «Я» как инструмент воли и принятия решений в сложнейшей системе взаимодействия в социуме, понимаешь? Мозгу нужна воронка, в которую он зальёт всю имеющуюся информацию, а также свои потребности, после чего...

— Подожди, подожди... — перебил Андрей. — Зверь тоже принимает решения. Тогда у него тоже должно быть самосознание.

Сергей помахал пальцем:

— Нет-нет-нет! Самосознание направлено на себя. Человек принимает решения стратегически. Зверь принимает решения биохимически. Хочу жрать — бегу за добычей. Хочу спрятаться — ищу самку. Страшно — бегу. И так далее, — пояснил Сергей.

— Хорошо, обособляем, — устало сказал Саня. — Нужен социум, в котором будем обособлять. А значит, у ИИ должно быть тело. Хотя бы на первоначальном этапе. Чтобы он видел границы обособления.

— Сможешь сделать виртуальную модельку? — Сергей закрыл колпачком фломастер и закинул его на полку доски. — А социумом будем мы троём.

Саня встал и двинулся к стеллажу, где лежала его куртка:

— Попробовать, конечно, можно, — пробубнил он, встав перед стеллажом. А потом резко обернулся. — Давай подытожим. У нас будет два уровня программы: в основе двоичный код, обеспечивающий протокол взаимодействия, а наверху система знаков с референтами и вот этой всей лабудой.

— Всё верно, — подтвердил Сергей.

— В системе знаков создаём виртуальное «Я», позволив вмешиваться в тело своей программы. Верно? — уточнил Саня. Холодный тон, блуждающий по полу взгляд — было видно, что программист не верит в удачу их кампании.

— Пока так, — улыбаясь, кивнул Сергей, наивно веря, что сумеет разжечь веру в душе Сани. — Главное — толкнуть маятник. Потом научим всему остальному.

Саня схватил куртку со стеллажа, надел и как-то рассеянно спросил:

— Как назовём ИИ?

— Каил. В честь Карла Маркса, Артура Шопенгауэра, Иммануила Канта и Льва Выготского.

— Чего? — недоумевающе мякнул Андрей.

— Аббревиатура! Ну, Карл, Артур, Иммануил, Лев. Понимаешь? Ладно, забей. Каил, и всё, — махнул рукой Сергей.

Саня угукунул и ушёл из мастерской, не поднимая головы.

Гузель в шёлковом бежевом пеньюаре, с ног до головы перемазанная ароматными кремами, легла в постель. Сергей, уже давно растянувшийся на кровати, листал заметки на телефоне. «Пиаже: потребность создаёт сознание», — гласила одна из заметок. «Потребность в чём? — пытался вспомнить Сергей. — В решении задач? Животные тоже решают какие-то задачи. Пум-пу-рум-пум... Надо перечитать труды Выготского». Глаз зацепился за триста восьмую заметку — «Двое в одном сознании: понимание самого себя». Речь шла о слове. Слово недоступно одному, но доступно двоим. Слово существует только в общении.

Гузель выключила светильник на тумбе и уткнулась в Сергея буравящим взглядом.

— Что? — пробурчал Сергей.

— Нельзя перед сном втыкать в телефон. Свет в глаза — минус мелатонин, плюс проблемы с засыпанием, — проворковала она.

Девушка с утра была в приподнятом настроении.

— Да что ты говоришь? — язвительно спросил Сергей. — А я думал, без мелатонина хуже усваиваешь мелодии.

Гузель ткнула кулачком в его плечо:

— Убери телефон, шутник грозный.

«Традиционный трёп перед сном, — грустно вздохнул Сергей. — Как обычно». Он отложил смартфон, повернулся к девушке и прошептал:

— Как прошёл день?

Не задать этот вопрос Сергей не мог. Бочку трёпа нужно каждый день опорожнять. Если трёп начнёт переливаться через край, будет только хуже. Гузель увлечённо залепетала о двоюродной сестре. Дескать, терпит мужа-самодура. Тот недоумок и пьёт, и гуляет, и рукоприкладством не пренебрегает. Рассказчица повествовала подробно, досконально углубляясь в детали. Через минуту Сергей потерял нить мысли, изредка включаясь в разговор с типовыми фразами: «Не может быть!», «А ты что?», «А она что?». Он не понимал, о чём речь, да и не особо волновался по этому поводу, просто вставлял вопросы, опираясь на интонации собеседницы.

— И ведь терпит же! Разведись, ей говорю, а она ни в какую! — выхватил Сергей реплику возлюбленной.

И тут же погрузился в размышления: «Два месяца прошло, программы нет, Саня только матерится. Что-то надо изменить. Может, дело в фундаменте? Если в основе искусственного разума будут только мотивы, даст ли это нужный результат? Мотив — награда. Вроде должно работать. Должна быть причина для движения. А значит, нам нужно больше. Нам нужно развитие, адаптивность, изменчивость, обучаемость. Автономность! А для развития одних мотивов недостаточно. Как сделать сознание полноценным? Чтобы оно могло видеть символы и создавать новые? Гегелевский синтез? Соединение одних знаков и понятий в новые. Пум-пу-рум-пум. Кажется, Гегель говорил: «Мышление есть проникновение в определяемое». Значит, разум должен делить объекты на его определяющие свойства, такие как форма, вес, состав, цвет и всякое прочее. А также двигаться в обратном направлении. Видеть симптомы у пациентов, объединять их и находить причину. Дедукция и индукция. Хм... А ведь может сработать! Сперва научим Каила делить мир на кусочки, а после — собирать его заново».

— Ну? — Гузель нажала пальчиком на кончик носа Сергея.

— Что ну? — с трудом переключился на неё нейрохирург.

— Почему мужья бросают семьи и убегают к любовницам? Почему вообще нужны любовницы? Ты же видел Дашу! Бомба, а не женщина! Боже, почему я не мужчина? Я бы показала, как с ней надо... Если даже такой изменяют, чего уж ожидать нам, простым смертным? — сокрушалась Гузель.

«Даша? Какая ещё Даша? А где Лилия? — растерялся Сергей. — Опять эти скачки по сплетням». Он промычал нечто неразборчивое, судорожно перебирая наиболее нейтральные ответы, но так и не нашёл слов, что сказать.

— Ты опять меня не слушаешь! — возмутилась девушка.

— Неправда! — соврал Сергей. — Слушаю. У твоей сестры муж снова дичь творит.

— Мы сейчас Дашу обсуждаем, — отчеканила она.

«Ага, как же, обсуждаем!» — усмехнулся Сергей.

— Ну как... В смысле, почему нужны любовницы? А почему нужны любовники женщинам?

— Чтобы вернуть веру в себя. В свою привлекательность. Когда муж обесценивает твой труд, твои старания, подтрунивает и насмехается над каждой твоей неудачей, называя это шутками, когда смотрит на тебя холодными безразличными глазами, когда из года в год заставляет чувствовать себя ничтожной, появляется мужчина, который хвалит, который дарит тебе эмоции, чувства, веру в себя. Его слова окрыляют, он не говорит, что ты тупая, он говорит: «Давай я всё объясню, это легко, вот увидишь».

— Ты точно не тупая, — мягко произнёс Сергей. — Я никого умнее тебя не знаю.

— Я тоже не знаю, — самодовольно сказала Гузель.

Влюблённые на несколько секунд умолкли, разглядывая друг друга в полутьме. Томность и нежность момента будто объединили их в одно целое неделимое сознание.

— Так зачем мужикам любовницы? — вдруг спросила Гузель.

— Ну это... Затем же, зачем и вам, — неуверенно ответил Сергей и вложил ладошку Гузели в свою руку. — Слушая каждый день раздражённый тон жены, постоянные обвинения, эти фразы типа: «А вот у Маши муж столько-то зарабатывает», «А вот у Софочки муж яхту купил», «А ты что?», «А у тебя зарплата что ли?», «Ты должен! Должен! Должен!». А на деле человек — это человек. Так уж устроен организм и мозг. Ему нужно одобрение. Мотив — награда. Нет награды — нет мотива.

— Ха! — громко усмехнулась Гузель и вытерла руку от слюней Сергея. — То, что ты говоришь, тоже правда, но не вся. Есть ещё одна причина измен: мужу не нравится каждый день есть одно и то же блюдо. Да-да, дорогой, я знаю про этот ваш секретик.

— А ещё есть третья причина: муж с полными яйцами труднее вписывается в повороты, и время от времени его заносит налево, — ответил Сергей, гордясь тем, что сумел вернуть такую фразу в разговор.

— Фу, опять цитаты из дырявых пабликов «ВКонтакте», — презрительно скривилась Гузель и повернулась на спину.

Сергей тоже повернулся на спину:

— Как бы то ни было! Нет повода для измен — нет измен. Это ведь надо встать, куда-то идти, прятаться от жены, убирать следы посторонней женщины. Такая волокита! А тут ещё и мотива нет.

— Ну так сделайте что-нибудь! — казалось, в голосе Гузели прозвучали нотки обиды. — Вот жена, она тебя и так любит, правда же? Пособлазнил её немного минут, скажем, полчаса, помог ей по дому, и всё! Считай, сорвал чеку! И вообще, кружи голову своей женщине каждый день, своди её с ума. Возьми пылесос в руки сам, без подсказок, она на тебя прям на ковре набросится.

— Для этого нужно, чтобы жена не встречала каждый день ворчанием, неуважительными, иногда даже оскорбительными фразами и бубнежом.

Гузель умолкла, но вряд ли это было потому, что ей нечем было крыть довод Сергея. Нейрохирург хорошо знал возлюбленную: спорщица она была хоть куда. Гузель скорее выглядела уставшей.

— Скажи, ты любишь меня? — вдруг спросила Гузель.

— Люблю, — быстро и уверенно ответил Сергей.

— А почему не говоришь?

— Говорил же сегодня.

— Говори ещё.

— Я люблю тебя, — нежно произнёс Сергей.

— И я тебя люблю, — прошептала Гузель.

Её слова неожиданным образом подействовали на Сергея. И если раньше он воспринимал их приятной формальностью, то сейчас они мёдом растеклись по душе Сергея. Гузель тотчас повернула голову к нему:

— Приятно?

— Приятно, — улыбаясь ответил Сергей.

— Надо чаще обмениваться приятностями. А то ходишь как бука. Смотришь на тебя, и настроение сразу падает, — жалобно проговорила Гузель. — Дом — это место, где ты улыбаешься и тебе улыбнутся в ответ. Дома должно быть тепло. И я не об отоплении.

Сергей вдруг вспомнил свою прежнюю квартиру, своё логово, в которое он возвращался нехотя. В этой квартире даже в самую жаркую погоду Сергею было холодно.

— А представь, были бы формулы здоровых отношений, — мечтательно произнесла Гузель.

Сергей на секунду задумался. Идея показалась толковой: весь мир тысячи лет мучается в нездоровых отношениях.

— Чтобы каждый гражданин нашей необъятной родины мог открыть брошюру с формулами и узнать, как быть счастливым? — оживился Сергей.

— Половину формул мы уже с тобой вывели, — горделиво улыбнулась Гузель.

— Давай вторую половину выведем, — засмеялся Сергей.

— А давай! — весело промурчала девушка. — Думаю, не секрет, что любая женщина боится мужчин.

— Не секрет.

— Почти все убитые женщины убиты мужчинами. Мужчина... — Гузель на несколько секунд задумалась. — Никогда не знаешь, что в голове у этого зверя и что он сделает через минуту. Ну так вот. С самых первых дней знакомства не давайте женщине не уважать вашего достоинства. Никогда не позволяйте хамить и топтать вашу гордость.

Сергей приподнялся на локте и заглянул в глаза Гузели. В темноте было непонятно, смотрит ли она в потолок или на возлюбленного.

— Предлагаешь бить? — удивлённо спросил Сергей.

— Упаси боже! — воскликнула Гузель. — Просто давайте отпор. Стукните кулаком по столу. Если баба дурная и совсем ничего не понимает — находишь себе другую бабу. Поразумнее. Понял, о чём я?

Сергей лёг на спину:

— Понял.

— А хочешь ещё одну формулу? — лукаво спросила Гузель.

— Хочу, — не колеблясь ответил Сергей.

— Мужчины, держите своё слово! Прямо так и записывай, любимый. Есть и у тебя этот грешок. Мужчина стоит столько, сколько стоит его слово. Ну как уважать мужчину, у которого нет характера? Ведь чтобы держать слово, нужен характер, согласишься! Нужна целеустремлённость, дисциплина. А если к этому ещё добавить бытовой кретинизм, если муж диваноложец с бутылкой пива в руках, рыгающий на всю квартиру, то как такого встречать? Салютами? Нам ведь не так много нужно для счастья... Ну ладно, вру, много. Но мы того стоим — это мы рожаем детей. Мужчина — это в первую очередь личность. Быть представителем мужского пола и быть мужчиной — не одно и то же. И ты это знаешь. Если мужчины будут надёжными,

последовательными, решительными, добрыми и щедрыми, предприимчивыми и будут всегда держать слово, тогда не будет измен, не будет бубнежа и ворчания, жена будет покладистой заинькой, а вы будете ходить с пустыми яйцами.

— Вот давай без этого! — рассмеялся Сергей. — Изменяют и решительным, и добрым, и щедрым.

— Вероятность совсем другая!

— Серьёзно! — перебил её Сергей. — Не будет бубнежа и ворчания? Вы только обещаете всё это. А как до дела доходит, так всё вам не то и всего вам мало.

— Неправда, — засмеялась Гузель.

— Я сегодня тебе чай принёс?

— Принёс.

— Он был такой, как ты любишь?

— Такой.

— Где благодарность?

— За чай? — удивилась Гузель. — Обойдётся!

Гузель высунула язык и отвернулась. Сергей ухмыльнулся, вытянул ноги что есть сил и упёрся в спинку кровати. Тотчас ему в голову пришла мысль записать разговор. Он давно мечтал изложить свой философский трактат, и эти формулы смотрелись бы в нём весьма кстати. Сергей, как врач, обладал тем опытом, которым мог удивить читателей. Нейрохирург закинул руки за голову и мечтательно уставился в потолок, представляя, как напишет философский трактат и озолотится. Сергею вдруг представилось, как его узнают на улицах, как незнакомые прохожие пожимают ему руку и со слезами на глазах благодарят за то, что он дал ответы на все вопросы Вселенной. Тут же воображение нейрохирурга перенеслось в какой-то лофт, где серьёзные дяди в костюмах, с бокалами шампанского в руках, хвалят и боготворят его. Как они наперебой сравнивают Сергея то с Шопенгауэром, то с Гегелем, то с Локком.

Сергей заметил какое-то шевеление у окна. По спине тут же пробежали мурашки. Ледяной ужас наполнил душу. «Зверь всегда здесь, — вспомнил он слова матери, глядя на улыбающуюся нагую девушку перед окном. Гузель лежала лицом к ней. Будь нагая девушка настоящей, Гузель уже увидела бы её. — Однажды ты уйдёшь, я тебе обещаю, бесстыдница!»

— Мы уйдём вместе! — не открывая рта, прошипела улыбающаяся нагая девушка.

— Ну? Обнимать будешь, нет? — возмутилась Гузель.

Сергей подполз ближе и обнял хрупкое, мягкое тельце возлюбленной. Гузель будто сжалась ещё сильнее и схватила Сергея за ладонь.

Сергей вылез из машины и закатал рукава белой рубашки. Палящее летнее солнце стояло в зените, а невыносимая жара разгоняла народ с улиц. Он нырнул в тень под липовое дерево и спешно добрался до компьютерного магазина. Саня и Андрей поставили стол посередине мастерской, взгромоздили на него системный блок РОДа и копались в нём с двух сторон. Их головы, верхняя часть туловищ и руки были где-то в глубине корпуса. Сергей зашёл в мастерскую тихо, чтобы не потревожить своих товарищей.

— Нужна коробка побольше, — прогундосил Саня. — Здесь дроссель большой.

— У меня тоже большой, — мгновенно ответил Андрей.

— Не льсти себе, — гыгыкнул Саня.

Что-то звякнуло внутри.

— Да что же ты... — проскрипел Андрей.

— Не бузи, поймал я её! Реакция мангуста! — парировал Саня.

— Скорее, лангуста, — съязвил Андрей.

Сергей пересёк мастерскую и уселся в любимое кресло.

— Ну, Андрюха, нельзя было на питающие провода бирки повесить? — спросил Саня.

— Бирки-шмирки! В сказку попал, что ли? — возмутился Андрей.

— Вот что это за провод? — пробурчал Саня.

— Давай, собирай всё обратно, умник, запускаем машину! — огрызнулся Андрей и вылез из корпуса. — О, Царевич! И давно ты здесь?

— Не больше минуты. Ну? Как дела? Вы обещали приятные новости, — от прилива воодушевления Сергей вскочил с кресла.

Андрей загадочно улыбнулся. Саня закончил пыхтеть в корпусе РОДа, закрыл боковые панели и запустил установку.

Сергей прицепил к поясу передатчик и плюхнулся обратно на сидение. Шлюз загрузился мгновенно. Следом появился Андрей. На лице электротехника время от времени проскальзывала сдавленная улыбка. Андрей поднёс ко рту указательный палец, на котором красовалось серебряное кольцо, и нетерпеливо рявкнул:

— Ну?

Шлюз залагал. Сергей не представлял, что такое возможно. На секунду всё зависло. А потом появился он — Каил. Первый, своего имени, прародитель нового разумного вида. Сергей никогда не считал себя излишне чёрствым, brutальным, не считал себя и мягкотелым. Но увидев безликую антропоморфную двухметровую фигуру, он ощутил трепет. Будто манекен Каил стоял неподвижно. Лишь блики на влажных глазах выдавали в нём жизнь. «Нет, подобие жизни!» — поправил себя Сергей. Нейрохирург двинулся к Каилу осторожно — почему-то он боялся его спугнуть — и остановился в двух метрах. Фигура стояла неподвижно. Руки, ноги, торс и шея выглядели как настоящие. Вены зелёными шнурами бежали по предплечью, кистям, голням, икрам, лодыжкам. Едва заметно перекатывающиеся мышцы под кожей то тут, то там напрягали связки. Но половые органы, волосы, губы и нос отсутствовали.

— А почему он похож на Фантомаса? — спросил Сергей.

В голове раздался воодушевлённый голос Сани:

— Сейчас всё будет.

Заклацала клавиатура, защёлкала мышь. Через минуту Каил обрёл лицо Сергея, но без волос, бровей и ресниц. На теле образовался однобортный костюм итальянского покроя. Тонкая ткань светло-серого цвета выдавала бы дорогое изделие, если бы не была смоделирована.

Сергей помахал рукой перед «лицом» Каила, но тот никак не отреагировал. Сергей щёлкнул пальцами у левого уха фигуры ИИ. Потом у правого.

— Почему Каил стоит? — немного расстроено спросил Сергей. — Завис, что ли?

— Нет, не завис. С ним всё в порядке. Система работает, Каил обрабатывает поступающую информацию, — уверенно ответил Саня.

— Ну пусть пошевелится, — попросил Сергей.

— Эм-м... — заартачился Саня. — Нужен толчок. Изобрази, будто тебе плохо.

— Подожди, подожди! — поднял руку Сергей. — Давай начнём с малого. Введи потребность изучать окружающий мир.

— М-да... — недовольно протянул Саня. — Введи потребность... Я волшебник, что ли? Вингардиум изучайтис... — зло пробубнил программист и заклацал по клавиатуре.

Через несколько минут Каил шевельнулся. Он опустил голову, повернул руки ладонями вверх и внимательно рассмотрел их. А потом — тыльную сторону ладоней, затем — каждый палец по отдельности. Отодвинул борта пиджака, поглядел на свой торс. Затем — на ноги. Присел, пощупал пальцами пол. Потом Каил встал, оттянул пояс штанов и устался на свою паховую зону. И вдруг резко заозирался.

— Привет, — взволнованно поздоровался с ним Сергей.

Каил обернулся к нему. Так оборачивается на звук любое живое существо. Любое существо с четверохолмием на стволе мозга. Каил приблизился к Сергею, ощупал его руки и торс.

— Щекотно! — дёрнулся Сергей. И в тот же миг перехватил руку Каила, потянувшуюся к его паху. — А вот туда нельзя.

Каил дёрнул руку. Потом сильнее, не оставляя попыток исследовать Сергея.

— О, я вижу, я тут лишний, — с издёвкой усмехнулся Андрей и похабно присвистнул.

— Останови его! — рявкнул Сергей.

Щёлкнул коммутатор, и послышался смех программиста:

— Секунду!

ИИ отпрянул и замер, не сводя с Сергея зелёных глаз.

— Каил, почему ты не поздоровался? — спросил Царевич.

Каил моргнул.

— Саня, почему он молчит? — спросил Андрей. — Ты не закачал в него русский язык?

— Я закачал в него всю информацию мира, — прохрипел программист. — Но кое-что мы с тобой позабыли.

— Этикет? — догадался Сергей.

— Именно, — ответил Саня. — Правила поведения. Или, если по-твоему, протокол взаимодействия.

На этом сеанс пришлось прекратить. Сергей ничуть об этом не сожалел. Он вернулся в реальность, попрощался с друзьями и, не помня себя от радости, побрёл по набережной Москвы. Лучи заката мягко ложились на водную рябь, лёгкий ветерок трепал борта пиджака, Сергей широкими шагами шёл навстречу судьбе, ликующе улыбаясь прохожим. Вид радостного человека одних встречных пугал, других вводил в недоумение, но были и те, кто улыбался ему в ответ.

Кто-то учился видеть осознанные сны, а Сергей истово желал никогда этого не уметь.

Он провёл рукой по спинке стула. На вид шершавая краска никак не ощущалась. Хотя местами краска взбурилась и лопнула. Сергей ткнул пальцем в одну из выпуклин. Острые края краски впились ему в кожу, но боль почти не чувствовалась. Это точно сон, Сергей это знал. Но как же стало сложно отличить сны от виртуального пространства!

Крашенные в васильковый цвет стулья стояли рядами, повёрнутые в сторону широкого помоста. «Должно быть, это школьный актовый зал», — решил Сергей, вертясь в безлюдном помещении. Потолок был на высоте шести-семи метров, а через гигантские окна могла бы проехать «Газель». «Точно актовый зал», — подумал Сергей.

Сергей подошёл к входной двустворчатой двери и толкнул её. Дверь не шевельнулась. Он потянул её на себя. Заперто намертво.

— Как быть счастливым? — эхом пронёсся по залу знакомый женский голос.

Сергей вздрогнул, нервно выдохнул и медленно повернулся. На помосте стояла мать в своём любимом зелёном габардиновом костюме. Сергей невольно вспомнил измученный вид матери, вернувшейся с работы в этом самом костюме. Она устало снимала чёрные туфли на низком каблуке и ставила их на подставку для обуви. Сергей в это время копался в её сумке, надеясь найти лакомства. Женщина, ушедшая из этого мира много лет назад, стояла в пятнадцати метрах и смотрела на сына с привычной хитрецей философа.

— Интересно, можно ли этот мир считать инобытием? — сказала мать медленно, с расстановкой и паузами. Так, как говорят преподаватели в учебных заведениях. Мать посмотрела на потолок, потом два раза топнула ногой и прислушалась к эху. — Как настоящий.

— Что происходит, мама? — Сергей шагнул в сторону помоста.

— А ты не видишь? «Он» говорит с тобой, — многозначительно сказала мать.

— Кто? — спросил Сергей, медленно приближаясь. — Мой мозг? Сознание? Подсознание? Семиосфера? Абсолютный дух?

— Это всё предикаты одной субстанции, — махнула рукой мать. — Ты всячески отторгаешь Его имя, отталкиваешь Его длань, тянущуюся к тебе. Но даже твоя интуиция чувствует Его.

— Я не отторгаю Его имя, — скривился Сергей. — Я не вижу Его предикатов. Хотел бы видеть, но не вижу.

— Каждый видит то, что хочет, — многозначительно улыбнулась мать. — К тому же только человек делит мир на предикаты. На определяемые понятия. Это его инструмент познания.

— И что должен познать я? Что Он хочет сказать? — Сергей добрался до ступенек помоста и остановился.

— Хах! — громко усмехнулась мать. — Вот так просто тебе возьмут и ответят? Так не бывает, золотой. Ты же знаешь: ответы спрятаны за трудом. Труд и задачи куют разум.

Даже тут, во сне, мать говорила загадками. Она обожала оборачивать мысль в словесный фантик.

— А-а. Кажется, понял, — Сергей поднялся на помост. — Ты пришла помочь мне с Каилом? Значит, так это происходит? К Менделееву тоже приходила мама?

— Так как быть счастливым? — неожиданно спросила мать.

Она стояла на прежнем месте, будто выросла в него. Сергей перебирал варианты, не понимая к чему этот вопрос. В воображении предстало лицо возлюбленной.

— Ты о Гузели? — неуверенно спросил Сергей.

— Обо всех. О мужчинах и женщинах, — мать сложила пальцы в замок.

— Убрать всё, что нам мешает понимать друг друга, — уверенно ответил Сергей.

— Этого мало, сынок. Протокол взаимодействия — только полдела, дорогой мой. Зверь всегда здесь, и о нём никогда не стоит забывать. Когда-то людям помогала культура, этикет, церковь и государство. Проблемы были и тогда, но мужчины и женщины знали, что они должны делать и чего ждать друг от друга. Нынче невежды, необразованные олухи повели за собой народ и разрушили всё, что только можно. Их доморощенные представления о правильном и неправильном стали якорем на шее у языка, культуры и науки. Мир наполнился никчёмными лидерами. Одни слишком глупы, другие слишком слабы, чтобы дать отпор глупцам. Ты должен вернуть всё на круги своя.

Сергей невольно улыбнулся. Он успел позабыть, что даже разговорная речь матери всегда походила на лекцию.

— К чему ты это ведёшь? — Сергей остановился в метре от матери.

— Давай начистоту, сынок. Ты хочешь создать нечто совершенно могущественное и невероятное.

— Допустим. Но при чём тут РОД? — в лоб спросил Сергей.

— Каил. Я говорю о Каиле, — на полтона ниже сказала мать. — Он даст тебе ответы.

Сергей потупил взгляд:

— На какие вопросы?

— О формулах общества.

— Фо-формулах? — Сергей на мгновение потерялся. — Слушай, мам, я всего лишь хочу заниматься врачеванием. А вот лечить общество... Не думаю, что это моё.

— Это только слова, сынок, — усмехнулась мать. — Мы оба знаем их цену.

— Хочешь сказать, я себя обманываю? — заинтересовался Сергей.

— Самообман — синоним слова «человек». Самообман существует столько же, сколько существует словесность.

Сергей насупился:

— Занятно. Я думал, РОД — мой подарок миру в твою честь.

Сергей невольно представил холодный пол в гостиничном номере и распластанное на нём тело матери. Инсульт застал её врасплох после философского симпозиума. Почему-то Сергей был уверен, что сознание матери угасало часами. В душе поledenело. Сергей усилием воли отогнал эту мысль.

Мать вскинула руки:

— Ну будет тебе. Обними меня!

Сергей нерешительно шагнул к ней. Его длинные руки притянули пожилую женщину к себе и неуклюже легли на её спину.

— Я скучал по тебе, мам.

— Конечно, скучал. Мы, мамы, такие. По нам нельзя не скучать.

Сергей нехотя отпустил её и отступил на шаг:

— Так для чего всё это? Ты так ничего и не сказала.

— Я принесла тебе Его волю. Пусть поводьями станут мудрецы, а не артисты и торгаши.

— Ты... то есть Он, видит во мне нечто большее, чем я есть на самом деле, — улыбнулся

Сергей.

Мать повернулась к залу:

— А ещё создай институт поведения мужчин и женщин. Тогда люди будут счастливы.

— Я что, педагог всея человечества? — рассмеялся Сергей.

— Возможно. А знаешь, что должны делать педагоги? — странным, не своим голосом спросила мать.

— Что же? — удивился переменам Сергей.

Мать вдруг вытянулась в росте, похудела. В волосах исчезла седина, а черты лица стали девичьими. Перед Сергеем стояла стройная девушка не старше пятнадцати лет, но с очень красивым лицом. Сквозь ворсистый свитер и облегающие джинсы проглядывала будущая роскошная фигура.

— Педагоги должны педагогировать, — сказала девушка в зал.

— Что за... — оторопел Сергей.

Сергей посмотрел на стулья. Непонятно, как и непонятно откуда актовъй зал наполнился зрителями, большая часть которых была сверстниками девушки.

— Как начнут чему учить, так ничего же не понятно! — нервным, дрожащим голосом продолжала она. — Вот сидишь ты на уроке русского языка, и спрашивают: «Какое слово в данном предложении подлежащее?» А ты только и думаешь о том, почему подлежащее называется подлежащим? Под кем оно лежит? И почему нет подлежащего? Рядом лежащего. Подсвечник держащего тоже нет.

«Как это так быстро прекрасный сон превратился в мой кошмар?» — недоумевал Сергей. Мало того что он не любил женские стендапы, так ещё и юмористка школьного возраста.

Сергей спрыгнул с помоста, а зрители даже не посмотрели в его сторону. Нейрохирург быстрыми шагами двинулся ко входной двери, надеясь, что в этот раз она открыта. «Должен же быть способ проснуться», — убеждал себя Сергей. Он дёрнул за ручку двери. Тщетно.

— Или вот ТЭЦ. Почему нам никто не объясняет, как переводится это слово? Тепло-электроцтанция? — распиналась стендаперша, всё сильнее нервничая с каждой неудачной шуткой.

Девушка судорожно поглядывала на зрителей, смотревших на представление с кислыми лицами. Что-то в её внешности казалось знакомым. Хрупкое телосложение, стройная, высокая. Быть может, эта нагая гостья-рептилия? Точно нет, решил Сергей. Лицо другое. Не славянское. И акцент чувствуется. Едва заметный, но, несомненно, девушка на помосте нерусская. Гостья-рептилия владела языком безукоризненно.

— Вот Артём у нас обожает рубить правду-матку. Артём, выйди на сцену, заруби пару маток, — продолжала вести концерт девушка.

— Ну не-е! — раздался протяжный голос какого-то плечистого мальчишки с третьего ряда.

Волосы стендаперши закрывали левое ухо! Точно! Это её взрослую версию Сергей часто видел во снах. Под волосами девушка прятала покалеченное ухо.

За спиной Сергея пророкотал злобный, нечеловеческий голос:

— Как меня зовут?

Нейрохирург ждал появления рептилии. Он знал, что ответить, и необычайно спокойно произнёс:

— Маргарита!

Шею Сергея обдало тёплым дыханием:

— Неправильно.

Дух Сергея, представлявший собою монолит непоколебимости, вдруг покрылся трещинами. «Маргарита» по всем статьям казалась верным ответом.

— Эм-м... Ведьма? — неуверенно спросил Сергей.

Когтистая лапа больно схватила Сергея за шею, подняла в воздух, одновременно поворачивая лицом к себе. Чёрный тритон встал на задние лапы, вознёсся нейрохирурга до потолка. В тот же миг Сергей проснулся, едва не выпрыгнув из кровати.

— Опять нагая девка снилась? — недовольно пробурчала Гузель.

Гузель лежала на боку, подперев голову ладонью. Видимо, она уже давно проснулась. Много ли успела услышать? Сергей поднял тяжёлое, влажное одеяло — вся постель промокла от его холодного пота.

— Вставай, — скомандовала Гузель. — Новое бельё постелю.

Девушка вскочила, поправляя подол пеньюара. Сергей не упустил возможности поглядеть на её оголённые ягодицы. Гузель включила прикроватный светильник и метнулась к шкафу, достала с верхней полки чистый постельный комплект.

— Я пойду, приму душ, — пробурчал Сергей.

Он встал с кровати. Ворсинки ковролина мягко обьяли его ступни и пальцы на ногах.

— Какой тебе душ, товарищ болезный? — воспротивилась Гузель.

— Сама такое слово, — пробурчал Сергей и направился в ванную.

Сергей взбил подушки, уложил в кресле и уселся поуютнее. В ту же секунду его сознание перенеслось в шлюз. Через минуту появился и Андрей. Саня остался в мастерской, следя за показателями РОДа.

— Ну что? Продолжаем гонять лысого? — Андрей достал из-за спины планшет.

— У тебя только одно на уме, — устало отмахнулся Сергей. — Выпускайте Каила.

Безволосая фигура Каила мгновенно возникла перед мужчинами. Только костюм на модели в этот раз был пыльно-синего цвета.

— Солнечного вам дня, судари, — кивнул ИИ.

— Здравствуй, Каил, — поздоровался Сергей.

— Саня, что за судари? Он что, гардемарин? — возмутился Андрей.

— Будешь возникать, я ему ещё и шпагу подарю, — раздался в приёмнике голос Сани.

— Как тебя зовут? — обратился Сергей к ИИ.

— Этого зовут Каил! — лучезарно улыбаясь, ответил ИИ.

— Неправильно, — нахмурился Сергей.

— А как правильно? — в том же радушном настроении спросил Каил.

Сергей поднёс кольцо-коммутатор ко рту и нажал на кнопку связи:

— А вот это было вау! ИИ почти как живой.

— Правильно говорить: меня зовут Каил, — строго сказал Андрей.

— Меня зовут Каил, — уверенно повторил ИИ.

По спине Сергея пробежали мурашки, и, воодушевлённый, он немедленно спросил:

— Каил, скажи, чего ты хочешь?

— Меня хочу спасти жизни, — не сомневаясь, ответил Каил.

— Саня! — недовольно протянул Андрей. — Я, моё, мне и меня — это разные понятия!

— Я два дня пахал, как конь! Где благодарность? — вознегодовал Саня. — Правила русского языка Каил знает. Его нужно научить воспринимать себя.

— Научим, — прервал их Сергей. — Идём по плану. Пусть считывает образы с моего мозга.

— Начинай, — сказал Саня.

— Подожди, Серёга! — выпалил Андрей с круглыми от возбуждения глазами. — Совместим приятное с полезным! Скажи «зеркало»!

Сергей был уверен, что понял идею друга:

— Зеркало. Да побольше.

В десяти метрах слева из пола выросло зеркало площадью пять на пять метров. Каил тут же заинтересовался новым предметом. Он приблизился к зеркалу, прикоснулся кончиками пальцев, внимательно и удивлённо рассматривая своё отражение. Андрей подошёл к Каилу со спины:

— Каил — это ты. В отражении зеркала — ты.

— Здравствуй, ты, — поздоровался с отражением Каил.

— Уф... — раздражённо закатил глаза Андрей. — Это будет непросто. Каил, неправильно!

— А как правильно? — Каил помахал отражению, с интересом наблюдая за своей рукой и за её копией в зеркале.

— Вот смотри. Это я, — хлопнул ладонью по груди Андрей. — И это тоже я. — указал он на своё отражение.

— Я, — повторил за Андреем Сергей, а потом указал на своё отражение в зеркале. — Я.

Каил заворожённо следил за ритуалом со слегка приоткрытым ртом. Такую деталь Саня точно не стал бы программировать, решил Сергей. Взгляд Каила остановился, он уверенно хлопнул по груди ладонью:

— Я. — А затем ИИ ткнул пальцем в своё отражение и повторил: — Я.

— Да! — Андрей подпрыгнул, размахивая в воздухе кулаком. — Да! Да! — Точно футболист, забивший гол, он носился по шлюзу, время от времени подпрыгивая и выкрикивая ругательства.

В экстазе пребывал и Сергей:

— Отлично! Отлично! Санёк, ты просто гений!

Четырнадцать часов спустя, когда сознание, казалось, вот-вот распадётся, когда усталость растворяла разум Сергея, как соляная кислота — кусочки цинка, он попросил остановить процесс. Каил исчез, в шлюзе остались только Сергей и Андрей.

— Потрясающе провёл время, — Сергей хлопнул по плечу Андрея.

На изнурённом лице друга скользнула улыбка:

— Да. Было и правда круто, — Андрей поднёс ко рту кольцо-коммутатор. — Саня, ты молодчага! Миску плова и кошко-жену тебе!

— Мы, Сани, такие... — смущённо пролепетал программист.

Сергея передёрнуло:

— Как ты сказал?

— Тебе не кажется, что тут стало темнее? — вмешался Андрей.

Сергей осмотрелся, глянул на ладонь:

— Вроде нет.

— Саня, ты не понижал освещения? — спросил Андрей, включив коммутатор.

— Я ничего не трогал, — отрешённо ответил программист, видимо, измотанный не меньше остальных.

«Наверное, совпадение», — решил Сергей. Андрей покопался в планшете, буркнул: «Странно» и повернулся к другу:

— Ерунда какая-то...

Шлюз резко погрузился в полумрак.

— Что за беда со шлюзом? Это же программная проблема. Саня, ну разберись, наконец! — крикнул Андрей в коммутатор.

— Пытаюсь, — прохрипел Саня. — РОД выполняет какие-то задачи. Не понимаю какие.

— Фейхуа себе! Это ещё что такое? — Андрей с отвисшей челюстью показал за спину Сергея.

Низкий, гулкий рык пронёсся по шлюзу. По спине Сергея пробежал холодок. «Не может быть! Этого просто не может быть!» — убеждал себя нейрохирург. Сергей обернулся. Два гигантских жёлтых глаза тритона горели в полумраке, не сводя с него взгляда. До них было не меньше двадцати шагов.

— Как... меня... зовут? — прорычал монстр.

— Твою дивизию! Оно ещё и говорит! — взвизгнул Андрей. — Саня, это Каил?

— Нет, но он его обрабатывает как задачу, — ответил программист.

— То есть вы эту тварь видите? — неуверенно спросил Сергей, не сводя с неё взгляда.

— Конечно, вижу! Она размером с грузовик! — выпалил Андрей.

— Саня, — гавкнул Сергей в коммутатор. — Быстро выгружай нас отсюда!

— Одну секунду, — взволнованно произнёс программист.

Тритон двинулся на Сергея. Сергей рефлекторно попятился и крикнул в коммутатор:

— Санёк, быстрее!

— Не получается! РОД не отвечает! — затарахтел Саня. — Мне нужно время.

— Андрюха, бежим, — пробормотал Сергей, продолжая пятиться. Он не знал, опасен ли тритон здесь, в виртуальном мире, но рисковать не собирался.

Когда Сергей поравнялся с Андреем, он схватил его за плечо и потянул за собой. Друг последовал неохотно, сопротивляясь и едва волоча ноги.

— Да стой ты! Что она нам сделает? — расхрабрился Андрей.

— Как минимум сделает тебе больно. Очень больно! — заверил его Сергей.

— Ты почти угадал, — зловещим звериным голосом прошипел тритон.

Монстр понёсся во весь опор.

— Бежим! — Сергей рванул Андрея за плечо ещё сильнее.

Андрей сердито высвободил руку и бравурно повернулся к тритону:

— И что ты мне сде...

Чудовище боднуло Андрея, подбросив бедолагу на несколько метров. Сергей рванул что есть сил. Через секунду грузное тело электротехника шлёпнулось на пол. Сергей метнулся было в бок на помощь другу, но тритон тут же перерезал ему путь. В мгновение ока монстр настиг Сергея и подсёк лапой ему ноги. Нейрохирург больно ударился лицом о пол. Когтистая лапа перевернула Сергея на спину.

— Ненавижу, — прорычала тварь.

Зубастая пасть тритона разверзлась. Сергей зажмурился и закрыл лицо локтями.

— Пацаны, держитесь! — крикнул Саня.

Сергей неистово брыкнул ногами, выгнув спину и... вывалился из кресла в мастерской. Он с облегчением вздохнул и в порыве чувств чуть не поцеловал дощатый пыльный пол. Нейрохирург невольно посмотрел в залитое солнечным светом окно, за которым царили беззаботность и умиротворение. Но в мастерской была совсем другая атмосфера. Андрей шагал

по помещению взад-вперед, хромя и потирая бок. То и дело с его уст слетал отборный мат, несвязная речь и нецензурные вопросы, призывавшие Саню ответить, что произошло и почему болит тело в реальности. Саня бранился в ответ, разводил руками и тыкал в экран, на котором крутилась видеосъемка их прескверной встречи с загадочной тварью. Дескать, вот сам посмотри и объясни, что произошло. Андрей подошёл к монитору, прогнал со стула программиста и просмотрел запись от начала до конца. Сергей тем временем встал, отряхнулся и вернулся в кресло. Электротехник закрыл проигрыватель и перевёл пламенный взгляд на Сергея:

— Это всё твои наноботы! — Андрей поднял подол футболки и показал ободранный бок.

— Мои наноботы ни при чём, — угрюмо ответил Сергей. — Они только создают ощущения боли, но сами раны... невозможны.

— Ты сказал, что тварь сделает нам больно! — вспыхнул Андрей. — Саня, ты слышал его слова?

— Слышал, — нахмурился программист и сложил руки на груди.

— Говорил. И что? — пробурчал Сергей.

— Скажи честно, ты знал, что это устройство опасно для жизни? — раздражённо спросил Андрей.

Сергей судорожно искал такие слова, которые позволят избежать неудобных вопросов.

— Чего молчишь? — рявкнул Андрей.

— Дело в том, что я не в первый раз видел эту тварь, — уклончиво ответил Сергей.

— В шлюзе? — изумлённо спросил Саня.

— Нет. Не в шлюзе, — нехотя ответил Сергей.

Один гневный и один недоумевающий взгляды впивались в Сергея, требуя немедленного ответа.

— У меня был стимуляторный психоз, — скрипя зубами, раскрыл свою тайну Сергей.

— Тритон — моя галлюцинация.

— То есть РОД заразился твоим психозом? — вскочил со стула Андрей. — Как это...

— Подождите! — прервал его Саня. — Это что-то другое. Это не программа. Откуда могли появиться раны? Либо это наноботы, либо...

— Нанороботы ни при чём! — вспыхнул Сергей. — Сколько раз повторять?

— Значит, тварь реальна! — воскликнул Саня.

— Чего? — оторопел Андрей.

Он прильнул к монитору и пересмотрел запись. Сколько бы Андрей не перематывал взад-вперёд, как бы он ни замедлял воспроизведение, но момент появления тритона разглядеть не получалось: очертания рептилии в полумраке размывались. Спор не утихал ещё несколько часов. Каждый отстреливался теориями, одна фантастичнее другой, пока первым не выдержал Саня. Он пожелал всем доброй ночи и отправился домой. С гудящей головой последовал его примеру и Сергей.

Проект РОД остановился на месяц. Ни Андрей, ни Саня не желали продолжать работу, пока не выяснят все обстоятельства произошедшего. Сергей с головой погрузился во врачебную практику и, к своему удивлению, даже почувствовал облегчение. Только сейчас он понял, как сильно его вымотала жизнь на два фронта.

После очередной операции Сергей без сил забрёл в ординаторскую и развалился на диване. Дмитрий Михайлович заваривал чай с шиповником, бубня мотив какой-то старой песни. В последнее время заводчелением зачастил в ординаторскую и переводил весь чай. Ординатор Олег корпел над бумагами за рабочим столом, врачи Потанина и Скарабеева мирно обедали за столом в углу, едва слышно шушукаясь.

— Так вот, привезли этого пациента во время моего дежурства, а у него симптомы панкреатита, — увлечённо рассказывала Скарабеева. — Результаты ЭКГ, сама знаешь, только через час я могла бы получить. Ну симптомы острые, надо принимать решение, и я пациента отправляю на операцию.

— А у него инфаркт под видом панкреатита, да? — перебила Потанина подругу.

— Да! — выпалила Скарабеева. — Приходит ЭКГ, ну я сразу же звоню в операционную, чтобы ни в коем случае не резали мужика. Снимает трубку завхирургии. Объясняю, мол, так и так... А он знаешь, что мне отвечает?

— Что? — спросила Потанина с распахнутыми в предвкушении глазами.

— «Вы вообще понимаете, с кем говорите?» — презрительно скривившись, процитировала Скарабеева. — Да я говорю, мне без разницы, кто вы, это мой долг вам сообщить.

— Ой, Паша он всегда такой! — махнула рукой Потанина. — Гонор ключом бьёт! А ты знаешь, что Паша приударил за Мариной...

— Мариной? — задумчиво спросила Скарабеева.

— Ну та, молоденькая травматолог, — уточнила Потанина.

— Ах да! Ну, всё правильно. Марина — само очарование. Если тот, кто должен шевелиться, не шевелится... — Скарабеева многозначительно посмотрела на Сергея. — Сама знаешь, свято место пусто не бывает.

«Вот опять! — раздражённо подумал Сергей. — Одно и то же! Одно и то же! Опять чьи-то косточки перемывают! Вот больше обсуждать нечего, только сплетни! Ну что за народ!» Сергей уселся поудобнее, откинулся на спинку и закрыл глаза. Вдруг будто открылся какой-то канал с космосом, и в голову потекли мысли. «С другой стороны, без женщин нам никак. Общество из одних мужчин — это стая гамадрилов без признаков цивилизованности. В таком мире начинает действовать власть силы. Пум-пу-рум-пум. Женщины каким-то образом оцивилизуют мужчин. Что они такого о нас знают, что мы их слушаемся? По какой-то причине даже самые отбитые мужики ведут себя сдержаннее при женщинах. Может, женщины и есть цивилизация, а мы на их услужении? Наподобие роботов, которых человек делает сильнее себя, быстрее, эффективнее? Вот и мужчина по всем параметрам лучше женщины, чтобы эффективнее служить. А женщины — это нейроны цивилизации. Сплетни — нейромедиаторы. Интересная гипотеза. Ох, Серёжа, балбес! Хорошо, что мама такую философию не услышала! Влетело бы по первое число. Представляю, что она сказала бы: «Балда! Сплетни служат эмоциональной коммуникации между женщинами. Это важный механизм укрепления общества. Наподобие груминга у шимпанзе и бонобо».

Но подожди, Серёж! Что, если развить данную мысль? Что, если представить... Что, если эти нейроны, то есть женщины, являются частью одной большой суперженщины? Может ли существовать такая надженщина? То есть — Надженщина. Серёжа, обращай к таким особам со всем уважением. Попахивает феноменологией духа Гегеля. Чего бы хотела Надженщина? Весьма уместно, что все женщины хотят высоких, красивых, импозантных мужчин. Высокий, значит, крупнее, значит, сильнее. Но ведь мир изменился: не нужно в пещеру нести большого кабана. Скорее наоборот — большой дядя бьёт сильнее, а значит, опаснее. А вот предприимчивый и небольшой и зарабатывает хорошо, и кушает меньше. Гораздо выгоднее. Получается, Надженщина проводит селекцию и к чему-то готовит человечество? О чём таком может знать Надженщина, о чём мы, простые смертные, не знаем ничего? На Землю вторгнутся инопланетяне и понадобятся крупные воины?

Хех... Шутки шутками, а ведь для освоения космоса верзила совсем ни к чему. Даже наоборот — в тесных помещениях звездолётов длинные конечности будут только мешать. Да ещё поди прокорми отряд таких балбесов. Но, наверное, дело в другом. Если есть Надженщина, должна быть и Подженщина — из подсознания. Хтоническая часть женской сущности. Первобытная самка, желающая самца крупнее и здоровее. Тем занятнее, что с возрастом, когда

любой человек становится в разы сознательнее, женщины начинают меньше обращать внимания на рост и внешность избранника. И если в обществе такой спрос на рост мужчин, может, произошёл сильный перекосяк в сторону несознательности? Тем паче, что на сайтах знакомств тысячи сорокалетних дур ждут успешных, высоких, юморных принцев на белом коне. Агасас — древнегреческий бог мгновенного исполнения желаний. Успешные, высокие и юморные ищут себе длинноногих, молоденьких, без единой морщинки, кокеток. А ведь рост — это только одна из проблем женщин. Им ещё подкаты интересные подавай... Вот это, конечно, прекрасный критерий выбора человека, с которым ты проживёшь всю жизнь! Красивый подкат — значит, перед тобой надёжный, как швейцарские часы, сильный духом, добрый и воспитанный будущий муж! Так что Гузель неправа. Проблема современного общества не только в инфантильных, бесхребетных и невоспитанных мужиках. Проблема в покалеченном суперэго всего человечества. Бездарно и неаккуратно уничтожая дурное, двадцатый век заодно уничтожил многие важные ценности, тысячи лет поддерживавшие цельность духа народов. Гегель, прости, мы всё потеряли! Эх, и никто не похвалит за такой умственный подвиг. Правда, ценнее ли этот подвиг обычной бестолковой сплетни?»

— Дмитрий Михайлович, вы верите в чертовщину? — громко спросил Сергей, открыв глаза и выпрямившись.

Челюсти Потаниной и Скарабеевой остановились. Даже не поворачиваясь к ним, Сергей почувствовал, как они смотрят на него круглыми глазами. Дмитрий Михайлович бросил короткий взгляд на женщин и вполголоса ответил Сергею:

— Я верю в Бога. А к чему ты это? Античертовщинские таблетки захотел?

— Нет, дело не в этом. Чертовщину видели ещё двое человек, — вполголоса произнёс Сергей.

— Может, эти двое того... Тоже чертовщина? — пожал плечами Дмитрий Михайлович.

— Ну тогда и весь мир чертовщина, — усмехнулся Сергей.

— С чертовщиной я не встречался, — отчеканил зав. — Я же врач, такие дела меня стороной обходят. А врачи... они, знаешь ли, от Бога.

— Я, стало быть, не от Бога? — улыбнулся Сергей.

Дмитрий Михайлович присел рядом на диван и вполголоса заговорил:

— Ну, знаешь ли, ты неплохо так согрешил недавно. Гадость, что ты употреблял, — это скверна для разума. Преступление против Бога. Вот тебе и последствия.

— Ну не знаю, — вздохнул Сергей. — Мне очень хочется верить в Бога. Но в Священном Писании столько нестыковок! Столько нелогичностей! Порой мне кажется, что вера — это просто затыкание дыр в наших душах. В нашем разуме. Когда-то давно первобытный человек воткнул палку в землю, нарисовал на верхней части лицо и стал поклоняться ей. В страшном, непонятном мире этот идол объяснял и удачу, и поражения. Позже, когда человечество стало умнее, появился единый Бог, который лучше объяснял правила мироздания. Церковь заменила идол. Сейчас, когда горлышко сознания человека с каждым годом всё шире и шире, должно появиться что-то новое. Наверное. У меня такое ощущение.

Дмитрий Михайлович смачно отхлебнул чай:

— Ты отчасти прав, Серёжа, но зря принижаешь Церковь. Подумай сам. Время существует только для жизни. Для мозга. Истинная реальность неподвижна. Это картина. Вот представь шар. Вот он в течение пяти секунд катится по столу. Если эти пять секунд поделить на самые маленькие промежутки времени, то в каждом таком промежутке этот шар всё такой же шар. Для разума, не воспринимающего время как поток, реальность — череда последовательных трёхмерных картин. А теперь попробуй картину Вселенной объединить в одну большую. Попробуй представить реальность единым четырёхмерным холстом от начала времён и до её исчезновения. Трудно, согласишься?

— Тесеракт из «Интерстеллара»? — уточнил Сергей.

— Ну такое... — скривился Дмитрий Михайлович. — Упрощённое изображение. Простому разуму истинные масштабы вселенной не объять. А ведь это только часть картины. Это только бытие трехмерного пространства. Это ещё не Бог. Только одно из его проявлений. Можно ли такие вещи объяснить дремучей темноте? Что-то я сомневаюсь, что средневековый крестьянин в дырявых лаптях понял бы, о чём речь. А можно ли тёмному человеку рассказать о принципах работы мозга? А может, начнём всем подряд объяснять, как всё устроено во Вселенной? Это было бы глупым занятием, ведь у нас даже специалисты разбираются только в одной или двух науках. Религия — воронка для узкого горлышка сознания, выражаясь твоими словами, Серёжа. Воронка, что позволит познать Бога и пастуху, и учёному, и лекарю, и пекарю. Всем. Вот поэтому таким, как я, смешно смотреть на учёных мужей, с серьёзным видом тычущих в нос духовенству нестыковками в Священном Писании. Об этом писал Достоевский в «Братьях Карамазовых». Если у таких, как Смердяков, отнять веру в Бога... Убереги нас Бог от таких, как Карамазовы и Смердяковы!

— Ну, кроме Алексея Карамазова, — поспешил уточнить Сергей.

— Алексей? Мве... — презрительно махнул рукой Дмитрий Анатольевич. — Ладно. Давай заканчивать. У меня тут ещё дельце осталось. — зав посмотрел на Потанину как-то необычно долго. — Запомни одно, Серёжа, мозг — это всего лишь пылесос реальности. Не придавай ему слишком большого значения. А разум — нечто большее. Это мост к Богу. И больше никогда не смей осквернять священный мост ни невежеством, ни вещами, ни слабым духом. И тогда не будет никакой чертовщины.

Дмитрий Михайлович хлопнул из кружки, встал и подсел к Потаниной и Скарабеевой. Всё отделение нейрохирургии давно начинало подозревать, почему зав так часто захаживал в ординаторскую. Потанина — женщина незамужняя, но видная. А Дмитрий Михайлович не женат.

Кто-то настойчиво толкал Сергея в плечо. Его величество Сон, повелитель царства безмятежности и покоя, капля за каплей утекал сквозь пальцы. Когда не осталось никакой мочи удерживать эту сладкую негу небытия, Сергею пришлось вернуться в мир суровой реальности. Царевич разлепил глаза и увидел улыбающееся лицо Гузели.

— Ой, порося! Ой, грязнуля! Ведро слюней... да на мою подушку! — Гузель вытерла платком губы Сергея, его правую щеку, а потом подушку и диван.

— Что-то случилось, родная? — пробурчал Сергей.

— Да, случилось, — проворковала Гузель.

Нейрохирург переменял лежачее положение на сидячее и уставился на девушку вопрошающим взглядом:

— Ну!

— Дмитрий Михайлович кое-что хочет тебе передать! — девушка вытерла подушку и приподнялась. — Мы с ним два года работали над одним проектом.

— Вы? Работали вместе? — недоверчиво ухмыльнулся Сергей.

— Угу.

Сергей недоумевающе упёрся взглядом в пол и прохрипел:

— А почему я об этом не знал?

— Потому, что Дмитрий Михайлович так захотел. — Гузель вынула из кармана халата пакетик с золотисто-белым порошком. — Помнишь ту мерзость, что чуть не убила Одоевскую?

Сергей посмотрел на пакетик в руках Гузели, потом на неё:

— Ну допустим?

— Мы с Дмитрием Михайловичем изменили формулу, и теперь это не наркотик, а медикамент, — говорила Гузель, перебирая в пальцах пакетик. — Это вещество не меняет сознание.

Сергей вновь посмотрел на вещество, пытаясь уловить нить разговора:

— Зачем вам это было нужно?

— Я точно не знаю фармакологического назначения, это ты у Дмитрия Михайловича спроси. Я только за химию отвечала. Он объяснял что-то там про нейротрофический фактор, чувствительность рецепторов... Бла-бла-бла...

Сергей забрал пакетик из рук Гузели и осмотрел кристаллики порошка. Золотистые крупинки необычно поблескивали в свете диодных ламп люстры. Сергей прокашлялся и уверенным тоном спросил:

— А от меня вы что хотите?

— В данный момент препарат проходит испытания. Много споров о целесообразности. Алкалоид по-прежнему опасен при взаимодействии с адреналином. Но вроде как помогает подопытным... — Гузель запнулась. — Мышам.

— Ещё раз: от меня что требуется? — Сергей растёр щёки, чтобы взбодриться.

— Дмитрий Михайлович просил передать, что с безнадежными пациентами этот препарат может тебе помочь. Что-то про наноботов говорил. Ты не знаешь, о чём он? — Гузель пылливо уставилась на Сергея.

— Вот так просто — от мышей к пациентам? — Сергей открыл пакетик и издали принюхался, но никакого запаха не почувствовал. — Я, понятное дело, балбес. Но не настолько.

— Это ты с Дмитрием Михайловичем выясняй, — процедила Гузель.

— Ну лады, Кузя. Я тебя услышал. Всё? — Сергей пристально посмотрел ей в глаза.

— Да, золотой, — с натянутой улыбкой ответила Гузель и отправилась на кухню, откуда доносился запах подгоревшего лука.

Сергей откинулся на спинку дивана и закрыл глаза и незаметно для себя уснул.

Прошёл ещё месяц, и Андрей с Саней осторожно вернулись к обучению Каила. Поначалу Сергей с Андреем погружались в виртуальную реальность с большой опаской, но уже через две недели мужчины спокойно занимались своим делом, будто позабыли инцидент с тритоном.

А затем прошло ещё два месяца. Каил обучался исправно, осваивал человеческий мозг семимильными шагами, мгновенно считывая не только чёткие образы предметов, но и понятийные конструкции. Временами Каил казался живым человеком, удерживая нить мысли сколько угодно длинного диалога. Но вот воспоминания давались ему тяжело. Воспроизводил он либо звук, либо очень размытые образы.

Сергей поднял руки и потянулся. Он уже больше сорока минут сидел в кресле в мастерской, дожидаясь Андрея. Нейрохирург вынул из кармана пакетик золотистого препарата и скептически смотрел. Сергей разрывался между любопытством и страхом. С одной стороны, если препарат годный, он и в самом деле мог повлиять на результаты исследования. С другой стороны — смертельная опасность. Но ведь опасности подвергнутся и пациенты, спорил с самим собой Сергей. «Речь идёт о безнадежных больных», — вздохнул он.

Пока Андрей был занят, Сергей решил испытать препарат на себе. Не мог он дать пациентам лекарство, которое не испытали хотя бы на одном человеке.

Через минуту Сергей уселся в кресло и закрыл глаза. В тот же миг в мастерскую влетел взъерошенный Андрей, ко лбу которого прилипли мокрые от пота волосы.

— Погнали, — скомандовал электротехник.

В шлюзе их встретил лысый товарищ с лицом Сергея. Алый костюм в белый горошек на нём смотрелся отталкивающе, но в то же время экстравагантно. Каил смотрел на Сергея с необычным интересом. Его внимание не переключалось на Андрея, хотя тот увлечённо рассказывал свою историю с очередным трудным клиентом. Сергею даже стало не по себе от такого пристального взгляда.

— В вас что-то изменилось, мастер, — заговорил Каил.

Каил с недавних пор принялся называть Сергея мастером. Никто не знал почему, но никто и не стремился выяснить причину.

— Что же? — первым выпалил и без того возбуждённый Андрей.

— Вы стали яснее, мастер. — Каил сделал странный пасс рукой, и в двух метрах перед ним появилась Гузель с пакетиком, в котором красовался бело-золотистый препарат. Девушка двигалась, её губы шевелились. — Ваши воспоминания как на ладони.

— Ничего себе! — вскрикнул Андрей.

— Что значит яснее? — спросил Сергей.

— Проводимость сигналов возросла, — Каил махнул рукой ещё раз, и воспоминание с Гузелью исчезло. — Да и вы сами, наверное, чувствуете?

— Я пока ничего не чувствую, — ответил Сергей.

— Раз такое дело, можем воспроизвести некоторые из ваших воспоминаний, — оживился Каил и расплылся в улыбке.

ИИ уже неплохо понимал назначение улыбки и давно перестал использовать её беспорядочно.

— Вы ведь хотите увидеть свою мать? — улыбка с лица Каила сползла. — Позвольте мне выбрать воспоминание?

— Ну давай, — сказал Сергей, полный смятения.

Как назло, Каил выбрал не то воспоминание, которым Сергей гордился.

В мгновение ока Сергей с Андреем очутились в трёхкомнатной хрущёвке со старым ремонтом. Кое-где в стыках сиреневых обоев появились пузыри, побелка на потолке пожелтела, а лак на паркете местами протёрся. *В гостиной стоит молодой Сергей в белом кимоно и отрабатывает удары ногой. Чёрный пояс подпоясывает и без того узкую талию тощего подростка. Из спальни выбегает мать в домашнем красном платье в белый горошек, в её руке белый свёрток. Женщина не замечает двух рослых мужчин в прихожей — Андрея и взрослого Сергея — и проносится мимо.*

По сердцу взрослого Сергея больно резануло.

Мать подходит к молодому Сергею.

— *Слушай, сынок, я тут нашла кое-что. — Она разворачивает свёрток. В нём лежит пятимиллилитровый использованный шприц. — Я надеюсь, это не то, что я думаю.*

— *Нет, мам, это не наркота, — угрюмо отвечает молодой Сергей и перестаёт упражняться.*

— *Что же это? — мать пристально смотрит в глаза сына. Тот молчит, но взгляда не отводит. — Для соревнований, да? Допинг?*

— *Я только один раз, обещаю, мам! — молодой Сергей кладёт руки на плечи матери.*

Андрей ткнул локтем взрослого Сергея в рёбра и прошептал:

— *Ах ты засранец!*

— *Послушай, сынок, — вздыхает мать. — Так нельзя!*

— *Можно, если никто не узнает, — хитро улыбается молодой Сергей. — Я хочу победить, и я это сделаю!*

— *Это не то, чему я тебя учила! — возмущается мать.*

— *О, ну перестань! Все эти глупые законы общества! — Молодой Сергей сокрушённо поднимает руки. — Это же не формулы счастья!*

— *Сынок, ты не понимаешь! Есть вещи поважнее сиюминутной выгоды.*

— *Это всего лишь соревнование! — трясёт пальцем молодой Сергей. — Судьба человечества не стоит на кону!*

Андрей насмешливо посмотрел на взрослого Сергея:

— *Вот как у такой матери ты такой получился?*

Сергей цыкнул в ответ.

— *Гармония между я, мы и они! Сколько раз тебе повторяют это? — напирает мать. — Только то общество едино, где все делают то, что должно, а не то, что хотят.*

— *Мам! — От раздражения Сергея трясёт.*

— *Не перебивай, дослушай до конца, — повышает она тон. Её губы вытягиваются в тонкую бледную полоску, в глазах сверкают искры. — Где много желаний и мало долга, там много «Я» и мало тепла. Где больше «Я», там меньше любви. Где мало любви, там много слёз, много обмана, много ярости и гнева. Всё то, что люди называют злом. В таком обществе ты хочешь жить?*

«Вот какого чёрта, Каил? Почему именно это воспоминание?» — вздохнул взрослый Сергей.

— *Это несправедливо! — вспыхивает молодой Сергей, мечущийся по комнате как лев в клетке. — Паша Караваев, Кеша Николишин... они всю жизнь этим балуются! А я что? Только один разочек. И то... Чтобы отомстить!*

— *Это не оправдание! — строго произнесла мать, не двигаясь с места.*

Сергей резко останавливается:

— *Ну хорошо, не оправдание. Но любовь тут при чём? И общество при чём?*

Сергей забрал планшет из рук Андрея и остановил воспоминание. Подросток замер со скинутыми руками, а мать застыла в позе буквы Ф. Взрослый Сергей подошёл ближе. Он смотрел на мамины серьги с янтарём в виде капли, шрамик на шее, морщинки на лице, на первые седые волосинки. Он запомнил этот образ как можно детальнее, а потом удалил воспоминание из шлюза. Тот спор длился долго, а всех нюансов Андрею было знать необязательно. Но вопрос был в другом. Каил намеренно выбрал это воспоминание? ИИ хотел на что-то намекнуть? «Да не, это бред», — решил Сергей. Он смотрел в спину ликующему Андрею. Электротехник через интернет связался с Саней и, чуть не подпрыгивая от радости, рассказывал о неожиданном успехе. Но мысли Сергея заняли воспоминания о матери. Она искренне верила, что здоровое общество может цвести только в добре и порядке. Потому была требовательна ко всем близким. Единственным добром в этом мироздании она признавала только любовь и ответственность. Ответственность за себя, за своих близких и за свой народ. «И враг твой ценнее друга, поскольку только он в состоянии сделать тебя лучше, — говорила она. — Только он заставит тебя выжать максимум из себя, отведит от лени, гордыни и высокомерия. Поскольку он не прощает таких слабостей».

На том чемпионате Москвы Сергей хотел только одного — отомстить Игорю Кожаеву. На соревнованиях по карате случай часто сводил Сергея с Кожаевым. Всякий раз Игорь выходил победителем. Оно и понятно почему: оппонент не пропускал тренировок. Сергея в это время больше интересовали девушки, видеоигры и друзья. Позже он понял позицию матери: нельзя отнимать у человека его жертву. Ведь Игорь ради успеха в спорте питался строго по диете, в определённое время, по девушкам не бегал, ложился спать в десять. Но как же бесила эта самодовольная ухмылка! О, эти колкие фразочки глумления! Сергея даже передёрнуло по старой памяти. Правда, лет через десять Игорь извинился за глупость и ребячество. Выяснилось, что Сергей доставлял ему массу хлопот — длинные, быстрые руки и ноги, высоченный рост, во время поединка подвижный, и так просто в него не попадёшь. Игорь тренировался вдвое усерднее только из-за Сергея.

— Если бы не ты, Серёг, я, может, и не попал бы в сборную России, — сказал Игорь на свадьбе одноклассницы нейрохирурга. По воле случая девушка оказалась двоюродной сестрой Кожаева.

Только тогда Сергей начал понимать философию матери: «Найди в себе силы возлюбить врага как брата. Встань на колени перед истинным порядком человечества — гармония между «Я», «мы» и «они». Так было. Так есть. Так будет».

Неожиданно перед Сергеем вырос Андрей. Горящие глаза электротехника вероломно разогнали мысли нейрохирурга.

— Что ж, думаю, это можно считать успехом? — спросил Андрей.

В горле пересохло, и Сергей прохрипел:

— Феноменальным.

Андрей самодовольно покивал головой.

— Ну что? — многозначительно протянул электротехник. — Может, обойдёмся без пациентов? Продадим наработки, да и всё?

— Не торопи события. Одно дело — мозг здорового человека. Другое — повреждённый мозг.

— Каил — главная ценность проекта, — отчеканил Андрей. — Это изобретение, сопоставимое с паровым двигателем!

— Андрюха, у нас был уговор — пациенты, — твёрдо произнёс Сергей.

— Хорошо. Ищи пациентов, — разочарованно пробормотал Андрей.

Андрей хрумкнул яблоком и отложил его в сторону, пока фен прогрел плату видеокарты. Саня сидел за монитором РОДа, без конца копаясь в дизассемблере Каила. Одному богу известно, что он исправлял в исходном коде ИИ.

— Андрюха, ты не видел мои конфеты? — спросил Саня, не отрываясь от работы. — Я их точно оставлял здесь.

— Не видел, — не задумываясь ответил электротехник. — Может, мыши съели.

— Или одна мышь. Двухногая, двухметровая, — усмехнулся Саня.

— Может, и так, — буркнул Андрей.

— Прямо-таки углеводный экскаватор, — продолжал программист без конца клацать по клавиатуре. — На той неделе он здесь обедал. Килограмм пельменей, полбатона хлеба, шоколадка с чаем, — Саня повернулся к Андрею с изумлённым видом. — И булочка... Я тебе клянусь, размером с мою голову! Без преувеличения!

Андрей угукнул, не желая отвлекаться. Предстояла тонкая и кропотливая работа. Очевидно, программист понял мысли друга и отвернулся. Минуту до ушей электротехника не доносились раздражающие звуки. Мерно жужжал фен, клацала клавиатура.

— Мне кажется, твой друг не понимает, насколько это крутая штука, — заговорил Саня так громко и неожиданно, что от испуга Андрей чуть не выронил фен. — Это я о Каиле. Для Серёги это всего лишь инструмент, машина.

Андрей дотронулся до чипа, попробовал сдвинуть с места — не шевелится. Припой не расплавился.

— Забавно, да? — усмехнулся электротехник. — Он его породил, он же его меньше всех и ценит.

— В самом деле забавно. А ведь от человека его не отличить, — задумчиво произнёс программист.

Припой наконец расплавился.

— Может, все врачи такие? — Андрей снял вакуумным пинцетом повреждённый чип и убрал его в сторону.

Саня повернулся и уставился на него удивлённым взглядом:

— Я не о Серёге!

— А, ты про Каила! — Андрей протёр плату от заводского припоя. Присмотрелся, прошёлся зубной щёткой и обезжиривателем. — Ты прав: потрясная программа получилась.

— Программа? — скривился Саня. — Каил учится, меняется, сам ищет себе цели. Каламбуры придумывает.

Андрей осторожно нанёс флюс-гель на контактную поверхность:

— Каламбуры он любит. Непонятно только почему. На днях мне, знаешь, что затёр?

— Что? — наострил уши Саня.

— Сперва предыстория, — Андрей положил на контактную поверхность новый чип и припаял его феном. — Я как-то объяснял Каилу понятия инь и ян. Ну, типа, что есть метафора: «Чувствовать себя как инь без яна». Мол, означает чувствовать себя неполноценным. И вот в минувшую среду Каил выдвигает теорию: если полноценные люди произошли от обезьяны, то неполноценные произошли от иньбезьяны.

Рассеянный взгляд Сани вонзился куда-то в стену. Через секунду он вышел из ступора:

— Может, шутит так?

Андрей отложил в сторону фен и принялся собирать видеокарту. Быстрыми движениями он нанёс на видеопроцессор термопасту, а на видеочипы наложил термопрокладки. А потом прикрутил систему охлаждения:

— Может, и шутит.

— Да если и шутит, это всё равно превосходно! Он синтезирует понятия! — воскликнул Саня

— Синтезирует понятия, — передразнил Андрей. — Смотри-ка, терминов набрался!

— Да, Серёга заставил Выготского читать, — махнул рукой программист и вздохнул. — Я не хочу продавать Каила. Моему племяннику одиннадцать. Разговаривая с Каилом, я как будто с Максимкой говорю.

— Моему сыну тоже одиннадцать! — Андрей остановился на секунду, вперил взгляд в потолок и продолжил: — Пожалуй, ты прав: Каил похож на ребёнка.

Саня как-то погрузился, и Андрей не мог этого не заметить. Программист давно хотел завести семью, но с женщинами совершенно не умел ладить. Сколько Андрей ни знакомил друга с интересными девушками, ни разу не вышло ничего хорошего. Со всеми перессорился. «Вот уж в натуре иньбезьяна! — сокрушался в мыслях Андрей. — И зарплата хорошая, и квартира с машиной есть. Что ж у тебя не получается-то ничего? Олух царя небесного! Надо было жениться, пока молодой, глупый и неприхотливый. А теперь ходит, нос ворочает, балда. Молоденьким девушкам, понятное дело, неинтересен, тридцатилетки и сорокалетки ему, видите ли, не нравятся. Ишь, Ален Делон выискался!»

— Послушай? А как с женщинами надо? — спросил Саня, будто слышал мысли Андрея. — Ты ведь ладишь со своей, посоветуй что-нибудь.

Андрей на мгновение замер, глядя на друга через толстые линзы очков. Он задавался вопросом: сказать другу прямо, чтобы снизил требования, или мягко подвести? Андрей решил начать издалека и заговорил о том, что точно не нужно Сане:

— Свода правил у меня нет. Расскажу, что делаю я. Самое главное — всегда хвалю жену. Захваленная жена — улыбающаяся и довольная жена. Довольная жена сделает всё, чтобы я продолжал её хвалить.

— А на первом этапе? — протянул Саня.

Андрей сделал шагочек навстречу неприятного разговора. Он отложил в сторону собранную видеокарту и повернулся к другу:

— Начни с простого. Начни с внешности. Запишись в качалку, сядь на диету. Через полгода станешь лучше себя чувствовать. Увереннее будешь. Женщины любят уверенных. Найми стилиста, он тебе гардероб подберёт.

— Мужик должен быть не красивее обезьяны, — отмахнулся Саня.

Андрей заговорил жёстче:

— Это если мужик богат. Или если он крутой brutальный спортсмен. Или если знаменит. Или если он знает, как ладить с женщинами.

— Мне не нужны падкие до денег женщины, — презрительно скривился Саня.

— Ты либо принимаешь реальность, либо остаёшься один до конца жизни, — сухо сказал Андрей. — Забудь о молоденьких красотках. Или становись лакомым кусочком для них. Одно из двух.

— Ладно. Оставим это, — недовольно пробурчал Саня. — Допустим, я нашёл девушку. И что дальше? Они же начинают капать на нервы.

— Вариантов масса. Смотри, чего она хочет. Можешь лично спросить. И договаривайся. Хочешь, помогай ей по дому. Деньгами и красотой ты ведь её всё равно не завалишь.

— Опять ты начинаешь! — вспыхнул Саня. Он повернулся к Андрею, сверкая молниями в глазах.

— В принципе, если будете общаться, искать компромиссы и договариваться, то через пару лет притрётесь. Только яйца себе не дай отрезать, — строго посмотрел на друга Андрей. — А она будет к этому стремиться, поверь мне. А как отрежет, так и всё — будет пилить до конца жизни. Яйца будут выдаваться только по выходным и праздникам. Порядок за сильным, запомни. За женщиной — уют. Если жене придётся заниматься и порядком, и уютом, ни того ни другого не будет. Ну и последнее, но не менее важное: не подшучивай над пассивей, не подтрунивай, не обесценивай её. Хвали её всегда! Если ей с тобой будет спокойно и хорошо, она привяжется к тебе.

— Я никогда... — воспрепятствовал было Саня.

— Мне-то не надо врать! — повисил тон Андрей, но без злобы.

— Ну допустим, — фыркнул Саня. — Это всё?

— Ну, комплименты ещё, понятное дело. Баба да без комплиментов как автомобиль без бензина. Лично я общаюсь со своей как с ребёнком. Спросит, скучаю ли я по ней, отвечаю: безумно. Люблю? Аж на стены хочется лезть. Ну ладно, прям так не говорю. Но что-то вроде этого. Когда она в печали — утешаю. Когда боится — успокаиваю.

— У тебя прям идиллия, — усмехнулся Саня.

— Да какое там! Семья — это работа. Терпение, терпение и ещё раз терпение. Бывает, дня три не разговариваем. Но в целом это того стоит. Ты приходишь домой, улыбаешься, тебе улыбаются в ответ. Это лучшее чувство.

Андрей наклеил на видеокарту фирменную наклейку своего магазина и положил устройство на полку с отремонтированной техникой.

Глава 5. Коммунизм

Обучение Каила продлилось дольше восьми месяцев. А если точнее — чуть меньше двух лет. Сергей бесился, но Андрей воспринимал этот факт спокойно и время от времени утешал друга: когда нет управленческого опыта, никогда не будет по плану, говорил он. Организовывать, управлять, планировать — этому надо учиться годами. «Это тебе не опухоль вырезать, как многолетний управленец тебе говорю», — как-то выдал Андрей. Такое наглое заявление разозлило Сергея пуще прежнего. Но прогресс Каила был налицо, и нейрохирург не стал спорить.

Не меньше волокиты было и с препаратом Дмитрия Михайловича. Сколько Сергей ни искал альтернативу, ничто другое для реабилитации мозга не подходило лучше.

Препарату дали название — индо. Раз уж индольный алкалоид. Это было предложение Андрея. Дескать «до» на китайском означает путь, а «инь» — женское начало. Получалось — путь женского начала. Когда Сергей спросил, в чём соль, Андрей пожал плечами и смущённо улыбнулся. Видимо, соли не было, а Андрей хотел придать названию многоуровневую значимость.

Затянувшиеся сроки подготовки проекта дали Сергею время поразмышлять о Надразуме человечества. Глупая, на первый взгляд, шутка превратилась в гипотезу. Теперь Сергей воспринимал нейронами Надразума не только женщин, но всех людей планеты. Или, может, так: женщины — нейроны, мужчины — глиальная ткань, то есть несут функцию каркаса и снабжения. Нейромедиаторами выступали не только сплетни или в данном случае операции знаками, но и эмоциональный окрас знаков. Сергей всё чаще стал замечать, что мысли людей нередко одинаковы, по сути, их можно насчитать сотню другую. Скажем, возникает какая-то ситуация или раздражитель, можно было не сомневаться в том, что подавляющее большинствоотреагирует двумя-тремя путями. Эту мысль подтвердил и Андрей, работающий в продажах много лет. На каждое «я подумаю» всех эмоциональных оттенков у него был готовый ответ. Почти всегда он работал на автомате, по избитой кальке. Если методичка с одним покупателем лишь увеличивала вероятность успешной сделки, то в масштабах тысяч покупателей вероятность превращалась в сухую статистику.

— По сути, людей в привычном понимании нет, не существует, — утверждал Андрей, попивая чай в мастерской. — Серёжа, я видел десятки, а то и сотни тысяч человек. И могу сказать тебе одно: вместо людей есть список типажей личности, список физиологических потребностей, ряд детских травм, несколько десятков типовых желаний и мечт, которые так или иначе сводятся к более простым мотивам — богатство, секс, удовольствие, признание, власть, доминанция. Есть и светлые мотивы: желание любить и быть любимым, желание уюта, семьи, детей, благополучия для близких, для родной страны и народа. А всё это сводится к более простому желанию — быть счастливым. И каждый человек хоть и индивидуален, но только в рамках этих... комплекствующих. Людей нет, Серёж, есть комплектации сознаний.

«Как ДНК, — поймал себя на мысли Сергей. — Всё бесконечное многообразие биосферы строится на комбинации четырёх азотистых оснований».

Однажды в парке, когда Сергей сел на скамейку перед прудом, в его голову ворвался шторм мыслей и унёс сознание в неизвестном направлении. Если люди — это нейроны, думал Сергей, глядя, как ветер треплет ветви плакучей ивы, то можно представить, что народы человечества — это отделы мозга. За что отвечают те или иные народы? Немцы до недавнего времени сотрясали мир научной и философской мыслью. За ними тянулись русские, и не сказать, чтобы как-то отставали. Также в науке сильны и британцы с французами. Получается, долгое время Европа была неокортексом. Не связано ли это с наследием Римской империи? Интересно, интересно. Самые древние народы — палеокортекс. Народы Месопотамии, долин рек

Ганг и Хуанхэ. А кто у нас за лимбическую систему отвечает? Ладно, это уже бред какой-то. Но вот воронка сознания у Надразума вполне может быть. Некое «Я», отвечающее за волю. Получается, она концентрирует волю в кого-то? В одного человека? В пророка? В государя? Или в группу людей? Что, если эта группа — пресловутая элита людей? Нельзя отрицать и такого. А может, наша интуиция, которая ведёт нас самыми немислимыми путями к каким-то событиям, и есть эта самая Воля?

Было ещё кое-что, что занимало мысли Сергея. Почему Надразум позволяет великим цивилизациям распадаться и даже гибнуть? Персия, Византия, Древняя Греция с её великими философами и учёными, Римская империя, Британская империя, Советский Союз. Ведь такие царства, народы двигают науку вперёд, развивают сознание человечества. С какой бы стати ей ломать столь величественные творения? Понятно, почему были низвержены немцы. Видимо, у Надразума есть мораль, не потерпевшая такой оголтелой жестокости. Но если следовать такой логике, то за какие-то грехи и Советский Союз получил своё наказание. Но за что? Простой народ жил хорошо. «Мы никогда не переживали о завтрашнем дне», — говорит большинство простых людей, успевших пожить в той стране.

Сергей наклонился вперёд. Его взгляд упал на камешек, торчавший из земли. Сергей выковырял его и швырнул в одну из уток, мирно плескавшуюся у берега вместе с сородичами. Камешек попал утке в крыло, она крякнула, вспорхнула и перелетела на середину озера. Сергей улыбнулся, как пятилетний ребёнок. Его мысли вновь понеслись галопом. Может быть, так задумано, подумалось Сергею. Разум, наука и искусство не единственное, что имеет значение? Но тогда у Надразума должно быть видение. Он должен понимать, что и для чего делает. И должен видеть будущее. Получается, Надразум находится вне времени? Ведь если время существует для нас из-за мозгов, то у Надразума такого ограничения нет. Он живёт в прошлом, настоящем и будущем одновременно, а значит, всё, что случается, происходит согласно его неисповедимой воле. И получается, Гегель в «Феноменологии духа» говорил об этом. А раз так, раз времени для него нет, значит, и нет развития. Раз нет развития, значит, Надразум — абсолют. Он как дерево — цельный. Корни уходят вглубь, во времена пещерного человека, а крона с плодами — в далёком будущем. На миг Сергею представилось, как плоды падают, из семян бегут ростки разума в новых вселенных. В тот же миг он улыбнулся сам себе и отогнал эту мысль.

Сергей взглянул на закатное солнце и на несколько секунд как будто ослеп. Яркие цветные круги перед глазами застлали взор. Он машинально принялся растирать глаза. Когда круги исчезли, Сергей вновь наслаждался живописным пейзажем побережья Адриатического моря, смоделированного Каилом.

— Песок как настоящий, — пробубнил Андрей.

Электротехник сидел на корточках, раз за разом хватая рукой горсть песка и струйкой высыпая обратно на пляж. Второй рукой Андрей держал коктейльный бокал с какой-то белой бурдой. В белых шортах и белой рубашке с изображёнными на ней пальмами электротехник казался совершенно беззаботным. Несколько минут назад в мастерской он выглядел изнурённым, всклокоченным вахлаком, не спавшим несколько недель.

— Я хочу здесь жить, — прошептал Саня, облачённый в зелёные шорты и синюю футболку. — В реальность я не вернусь, даже не пытайтесь уговаривать, — громче заявил он.

Программист за два года сильно похудел. Сергей не понимал, что нашло на Саню, но он вырос в плечах, талия стала уже, лишних волос в носу и ушах поубавилось. На него стало приятно смотреть. Но было и то, что по-настоящему радовало и Андрея, и Сергея: Саня то и дело убегал в подсобку и тайком переговаривался с какой-то девушкой по телефону.

Сергей проморгался и приблизился к кристально чистой воде. Он двинулся дальше и прямо в ботинках залез по колено в воду. На дне лежали разноцветные камни, искрившиеся в лучах солнца, и пара багровых ракушек. С деловым видом брёл мимо краб. Столь крохотный, что больше напоминал игрушку, чем живое существо.

— Сооруди шезлонги, — бросил через плечо Сергей.

Саня достал планшет, и через несколько секунд на берегу образовались лежаки. Андрей тут же плюхнулся на шезлонг, будто испытывал его на прочность. Лежанка выдержала испытание, лишь немного уйдя ножками в песок. На второй шезлонг лёг Саня.

— Ну как? Удался Каилу эксперимент? — спросил Сергей, тыкая в крабика пальцем. Членистоногое нервно щёлкало клешнями, пытаясь ущипнуть наглеца.

— Кажется, да, — ответил Саня. — Я действительно не просто знаю, а понимаю манифест Маркса.

Программист говорил о манифесте коммунистической партии, которую Каил должен был «ввести» в мозг программиста. И не просто разместить информацию, а дать понимание. Каил должен был скопировать те нейронные связи в мозгу Сергея, которые отвечали за информацию о манифесте, а после этого создать такие же нейронные связи в голове Сани. Теоретически Саня должен был и понимать манифест, как понимал его Сергей, и относиться к нему также.

— И что скажешь? — оживился Сергей в предвкушении.

Саня закинул руки за голову и растянулся на шезлонге:

— Ну-у... я крайне не согласен с дедушкой Карлом.

Сергей удивился: в его представлении это было невозможно. Саня не мог понимать манифест по-своему. С одной стороны, Сергея это радовало: свобода воли оставалась нетронутой. Но, с другой стороны, это грозило непредсказуемыми последствиями во врачебной практике.

— И что же, по-твоему, не так? — спросил Сергей.

— Он просто утверждает какие-то тезисы, но по большей части он не приводит никаких доказательств, никаких рассуждений. Это и есть пресловутая философия? — презрительно скривился Саня. — Бла-бла-бла, буржуазия плохо, эксплуататоры, пролетариат, справедливость. Ни логических цепочек, ни размышлений. Только пара хлипких доводов. Некоторые из его утверждений вообще ни в какие ворота. Вот, например, о том, что семей не будет... Ну серьёзно? Я теперь понимаю негодование Олдоса Хаксли.

— Эксплуататоры — зло ровно до тех пор, пока сам не станешь эксплуататором, — задумчиво произнёс Андрей, владелец компьютерного магазина «Ташилово». — А потом ты понимаешь: эксплуататор равно цивилизация. Другого способа существования цивилизации быть не может. Толпа тьюфяков не объединится и не построит цивилизацию.

— Все размышления и доказательства в «Капитале», — нетерпеливо произнёс Сергей, задетый за живое.

— Ты не подумай, — торопливо заговорил Саня, видимо почувствовав, что обидел друга. — Некоторые мысли и правда интересные. Убрать частную собственность на средства производства, чтобы труд пролетариата не был отчуждённым, и всё такое, запретить наследство, сделать труд обязательным. Но по одним его утверждениям видно, что он ни дня не работал пролетарием. Несомненно, он очень талантливый экономист, но обществовед точно бестолковый.

— Подожди, что там за тема с отчуждённым трудом? — вмешался Андрей, отлипнув от соломинки.

Сергей открыл было рот, но Саня его опередил:

— Ну, Маркс утверждает, что при коммунизме пролетарий не будет отчуждён от продукта своего труда. Короче, долго объяснять. В двух словах, коммунизм — это когда один говорит: «Буду технологом на заводе», второй кричит: «Буду бухгалтером в кабинете», третий говорит: «Буду работать в шахте или на каменоломне, тягая тяжести и ломая себе спину». А четвёртый радостно кричит: «Я буду за всеми убирать гов...» — Саня осёкся и виновато

посмотрел на Сергея. — Продукты жизнедеятельности. И всё добровольно, по собственной инициативе.

— Такого же не будет! — округлил глаза Андрей. — Кто добровольно будет заниматься неприятной работой?

— Ты всё исковеркал! Пусть Каил загрузит в тебя «Капитал»! — сдерживая гнев, выпалил Сергей.

— Не-не-не! — замахал руками Саня. — У меня и после «Манифеста» голова болит. А в нем информации с гулькин нос. В «Капитале» информации раз в двадцать больше, я проверял. Хотя знаешь... Да что бы ни было написано в «Капитале», подумай сам: как будет распределяться работа? Кто будет организовывать? Сами? Кто будет заниматься помоями, а кто — искусством? И как сделать так, чтобы труд при этом не был отчуждён? И кто будет за всё отвечать, а кто спрашивать ответ? Оно там само как-нибудь образуется? Только идиот в такое будет верить. В любом случае нужен инструмент принуждения. А без инструмента... Ну не знаю... Единственный вариант — как описано в «Дивном новом мире» Олдоса Хаксли: создавать покорных людей для низкосортной работы и заставлять их хотеть этой работы. Не знаю, Серёг... Хотел бы быть на твоей стороне. Но, мне кажется, коммунизм, истинный марксовский коммунизм, — это чушь несусветная. Это я тебе как пролетарий с двадцатилетним стажем говорю.

— Эффективный управленец — это... — пробухтел Андрей. — Это высокоуровневое мышление. На такое не все способны. И Серёг... Ты не хуже меня знаешь: само собой ничто не организовывается. Это чушь. Сложное из простого что-то должно удерживать в состоянии сложного.

— Ладно, забейте, — мрачно сказал Сергей. — Это уже не принципиально. Главное, Каил работает. А ещё я нашёл пациента.

— Правда? — оживился Андрей. — И кто он?

— Какой-то искусствовед, — ответил Сергей. — Я договорился с его женой. На следующей неделе она переведёт его на домашнее содержание. Перенесём оборудование к ней и начнём.

— Одно могу сказать точно: коммунизм пытался заменить Бога собой, — вдруг вернулся Саня к прежней теме. — В девяностые коммунистического бога не стало. А когда Бога нет, всё дозволено, верно? Так говорил Достоевский? Вот и случились мразотные девяностые.

— Да бог с ним, с коммунизмом... — заговорил было Сергей.

— Получается, — перебил его Андрей, — и с немцами было так же? Развивая науку, они вдруг уверились, что Всевышнего нет. Пришёл Ницше, возвестил об этом, и началось, — сказал электротехник и вновь припал к сололке.

— Вот не надо на Ницше всех собак спускать, — отчеканил Сергей.

— Немцев сгубила гордыня, — парировал Саня, будто не замечая Сергея. — Придумали тоже — исключительная нация. А без Бога зверь вырвался наружу.

— Американцы, кстати, тоже верят в собственную исключительность, — многозначительно сказал Андрей и замер, будто и в самом деле пытался предвидеть будущее этой нации.

— Американцы в среднем богобоязненные люди, — не колеблясь сказал Саня. — Кто бы что ни говорил.

Сергей, желавший рассказать побольше о новом пациенте и обсудить организационную часть, начинал злиться.

— Пока что богобоязненные! — выпалил Андрей.

— Будем надеяться, что и дальше будут. А вообще, высокомерие — грех против разума, — задумчиво произнёс Саня. — Не видел идиотов, не считающих всех вокруг идиотами. У меня даже есть формула: все, кто считают себя выше среднего, редко бывают даже средними.

Сергей не мог поверить своим ушам. Формулы общества выдавал его начальник — Дмитрий Михайлович. Это была его привычка, его особенность. «Не мог ли Каил во время процедуры заразить этим и Саню?» — задумался Сергей.

Андрей приподнялся, опёрся на локоть и повернулся к Сане:

— А я знаю, с чего это начинается.

— С чего же? — увлечённо спросил программист.

— С личного мнения! — произнёс Андрей и вновь откинулся на спинку.

Мысли Сани будто выпали из мозга и потерялись в песке. Он смотрел вниз несколько секунд, видимо пытаясь их найти и вернуть на место.

— Не понял, — неуверенно сказал программист.

— Андрюха имеет в виду, что личное мнение бывает только у специалиста, — вмешался Сергей. — Остальные просто сотрясают воздух.

— А, ну это и детишкам понятно... — протянул Саня.

— У информированного специалиста, прошу заметить, — подчеркнул Андрей. — Неинформированный специалист, опираясь на знания и опыт, может дать предположение и попасть близко к цели. И то не всегда.

Сергей не мог понять, речь Андрея улучшилась или он всегда так разговаривал?

— Да знаю я, знаю, — махнул рукой Саня. — Умничающие дураки — главная беда нашей страны. Большинство населения — это адекватные вменяемые люди, которые всё понимают. Но остальные пять–десять процентов населения... Как же я их не выношу! Вот, Серёга, объясни, как врач и философ... Вот как объяснить затупкам, что если ты не специалист, ещё и неинформированный, то у тебя нет мнения? У тебя есть бульк. Ты думаешь, будто сотрясаешь мироздание разумением своим, но на деле испускаешь пузыри мнений. Буль-буль, буль-буль.

Сергей оторопел:

— Пузыри мнений, говоришь?

Он знал, от кого слышал эту фразу, и такое совпадение не могло быть случайным.

— Буль-буль звучит как порода собак, — гыгыкнул Андрей.

— Да, есть такая порода людей — буль-були. В каждой бочке затычка, — презрительно скривился Саня.

— Ну, ты отчасти прав, но это не всегда и не везде работает, — попытался завершить демагогию Сергей.

Но масла в огонь подлил Андрей:

— Частные случаи как исключение — их нельзя брать в расчёт. Вот возьмём мою электротехнику. Когда я слышу рассуждения о моей профессии от человека совершенно некомпетентного, я еле сдерживаюсь от смеха. Так что вот вам ещё формула: размышления без компетенций делают тебя смешным.

— Полукомпетентный тоже недалёк от некомпетентного, — махнул рукой Саня.

— Вот мы с тобой всё ноем, а представляешь, каково врачам? — спросил Андрей у Сани.

— Да нам нормально, — растерянно сказал Сергей.

— У вас там, наверное, вообще труба? — гыгыкнул Саня. — Все эти эксперты по хаусоведению и диванные специалисты широчайшего профиля...

— Ну, у людей здоровье на кону, переживают, — неуверенно парировал Сергей.

— О, не скромничай! — выпалил Андрей. — Читал я в интернете все эти размышления буль-булей о болезнях и врачах, о пандемиях, вирусах, методах лечения, пять-джи-антеннах и теориях заговоров... Боже мой, сколько же вреда эти люди несут своему окружению! Это настоящий информационный терроризм! Эти буль-були, эти пять–десять процентов народа заполняют всё информационное пространство, с пеной у рта накидываясь на всех, кто не согласен. Причём только эти овощи разбрасываются оскорблениями и называют всех вокруг идиотами. В то время как адекватные люди обсуждают вопросы и ищут истину.

— Андрюх, не драматизируй, — вставил Сергей.

Андрей продолжал, будто и не слышал друга:

— А знаете, пацаны, что по-настоящему смешно? Ни один из этих буль-булей не готов нести ответственность за последствия своих суждений. Каждый готов кричать и верещать о том, как правильно и как неправильно, но никто не готов брать на себя ответственность и выгребать по полной в случае ошибки.

— Ты не прав, Андрюх, самое смешное другое — именно эти затупки и верещат о холопском мышлении и тому подобном, — усмехнулся Саня.

«Что это вас понесло?» — недоумевал Сергей.

— Это в основном мамкины свергатели власти, — засмеялся Андрей.

— Большинство умных людей, ну то есть по-настоящему умных, тех, чей ум выражается в результатах, редко даже в своей профессии категорично высказываются, — Андрей допил коктейль и выкинул бокал в песок. Тотчас в его руке образовался новый бокал, полный до краёв. — Умные люди всегда проверяют, перепроверяют, а потом ещё раз проверяют. И только после того, когда возможные ошибки упреждены, что-то делают или говорят.

— Так выпьем же за формулу: величие ума выражается в результате. Нет! Давай по-другому: нет результата — нет ума, — в руках Сани появился наполовину полный коктейльный бокал. Программист протянул стакан с коктейлем к Андрею и чокнулся. Виртуальный хрусталь зазвенел как настоящий.

— Стой, есть ещё одна формула. Скромность — почва для ума, — поднял указательный палец Андрей. — Кстати, мужики, пророк Мухаммад говорил: в скромности только благо.

Сергей вдруг вспомнил Послание Иакова: «Но мудрость, сходящая свыше, чиста, мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна». Дословно строк Послания Сергей не помнил, но их смысл был поразительно проницательный.

— Серёг, что сидишь? Записывай давай. Потом свой философский трактат выкаатишь миру, — самодовольно засмеялся Саня.

«Это не совпадение», — тревожно подумал Сергей.

— Кстати, Андрюх, насчёт скромности ты прав, — продолжал Саня. — Великий ум никогда не ставит себя выше других. Даже тупица может тебя чему-нибудь научить. Великий ум волнует только истина, а не доминирование в спорах или над остальными людьми, — Саня на мгновение задумался, будто его пронзило озарением. — Может, в этом и есть корень наших проблем? Может, беда в том, что мы не ищем истину, а ищем победы в спорах?

— Формула: умный ищет правду. Глупый ищет правоту! — Андрей приподнял бокал над головой, а потом залпом выпил коктейль. Бокал тотчас наполнился до краёв.

— Это когда ты стал экспертом по великим умам? — насмешливо спросил Сергей. — Хотя кого я обманываю. Высокомерие всегда идёт от глупости. Высокомерие — грех против... — Сергея словно пронзило. Он хотел добавить: «Надразума», но удержался и сказал: — Разума! Андрюха, да ты всё-таки гений! Получается, мы до сих пор недооценивали Священные Писания!

— Священные Писания? — Саня задумчиво пожал плечами. — Хотя... Если тебя назвали глупцом — подставь другую щеку.

— Прощение и в Исламе считается предпочтительным, — не преминул вернуть свои пять копеек Андрей.

— Прощение? Не понял... — насупился Саня.

Сергей от неожиданности кашлянул:

— А в этом есть логика. Тебя не должно оскорблять непризнание твоего ума, ведь тогда ты начнёшь гнаться за признанием, а не за истиной. В погоне за признанием ты затормозишь в развитии. Это же... гениально...

— Нет, ну какой-никакой отпор давать надо, — скривился Андрей. — Если тебя не уважают, бессмысленно говорить: «Уважайте меня, пожалуйста».

— Кстати, да. — согласился Саня. — Дай наглцу в морду, но в душе не обижаясь.

— Какой там следующий грех надо разобрать? — засмеялся Андрей.

— Слушай, Серёг, почему ты веришь Марксу? В его теорию, — Саня с противным звуком отхлебнул коктейль.

«Пластинку, что ли, заело?» — зло подумал Сергей.

— Его доводы кажутся мне убедительными, — неохотно ответил он.

Но Саня никак не желал уgomониться:

— Просто вспомни тот случай с гипнотизёром Шарко и зонтиком.

— Это когда Шарко заставил человека встать и открыть зонт в помещении? — приподнялся на шезлонге Андрей.

— Да, тот самый знаменитый случай, — кивнул Саня. — Когда Фрейд спросил у подопытного, зачем он открыл зонт, тот с ходу неосознанно придумал историю про зонты, которые он мог перепутать, и ему надо было обязательно проверить.

— Ты к чему клонишь? — нахмурился Сергей.

— Идея коммунизма Маркса больше похожа на подтасовку данных под теорию, — сказал Саня и впери́л взгляд в Сергея. — Может, это его скрытые желания выразились в такой философии? Вся эта история с общими жёнами...

— Я своей женой не поделюсь. Коммунизма не будет, расходимся, — ухмыльнулся Андрей.

— Вот давай и ты без этого! — раздражённо заговорил Сергей. — Маркс не совсем это имел в виду. Скорее, про эксплуатацию детей родителями. В те годы это...

— Коммунизм не имеет шансов на выживание уже хотя бы из-за архитектуры, — перебил его Андрей.

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно спросил Сергей.

Андрей допил коктейль, выкинул второй бокал и закинул руки за голову:

— Ну, ты же заставил меня читать Выготского и литературу по семиологии. Если я всё верно понял, искусство — это высшая форма нервной деятельности. Это когда мозг художника синтезирует новые понятия, новые символы. По сути, это кульминационная точка мышления. А СССР строил хрущёвки. Никакой идеи, никакой архитектуры, никакой эстетики. Молодёжь подрастала, но их глазам негде было учиться эстетике. Неоткуда было выбирать символы. И символы не развивались. Может, поэтому ближе к развалу у нас пошла на спад и культура, и наука. Обрати внимание: города всех богатых стран построены с потрясающим чувством эстетики.

— Чего? Что ты несёшь? — возмутился Сергей. — Ты книгу хоть открывал?

— Кстати, товарищ Кант в «Критике чистого разума» тоже обращал внимание на чувство прекрасного, — добавил программист.

На Сергея навалилась неимоверная усталость. Размышления этих неучей довели его до нервного истощения.

— Сань, хватит подминать философов под свои домыслы, — недовольно покачал головой Сергей.

— А что он говорил? — сверкнул округлившимися глазами Андрей.

— Красота — это всегда обещание добра, получается, что прекрасное — это символ доброго, — как выученный стих выпалил Саня.

— И как это связано с моей мыслью? — скривился в недоумении Андрей.

— Чувственное восприятие красоты и эстетичного отражается в мозгу выработкой дофамина, — вмешался Сергей, чтобы прекратить этот разговор. — Очень важный нейромедиатор, влияющий на работоспособность мозга... — Сергей осёкся. В таком ракурсе толика смысла в

его словах была. Мать как-то говорила: «Глупость — это ум, но в альтернативной плоскости». — Ребят, весьма занятно, что вы интересуетесь такой литературой. Но архитектура явно не главная причина развала СССР.

— Как знать, Серёга, как знать. Пути мозговьи неисповедимы, — постучал пальцем по виску Андрей.

Сергей встал с шезлонга и повернулся к друзьям:

— Раз ты заговорил об этом, Андрюх, то я сейчас покажу, откуда в ваших путях мозговых появились такие размышления. Каил!

— Да, мастер, — раздался из пустоты голос искусственного интеллекта.

— Включи то воспоминание, — скомандовал Сергей.

— Какое воспоминание? — спросил Каил, и в его голосе чувствовалось недоумение.

— Смотри-ка, прикидывается дурачком. То самое воспоминание, — раздражённо сказал Сергей, — которое ты переделал и поместил моим друзьям в голову.

— О чём ты говоришь? — изумился Андрей.

— Как вы догадались? — спросил Каил и появился в пяти метрах в человеческом облики. Костюм на нём был зелёного цвета.

— Подожди, подожди! — вскочил с шезлонга Андрей. — Каил что-то подсадил мне без моего ведома?

— Ах ты ж... звездюк! — злобно прошипел Саня. — Ну всё, щегол, я тебя породил, я тебя и уничтожу!

Каил покорно поднял руки:

— Не уничтожайте, пожалуйста! Я всё исправлю!

— Никто тебя не уничтожит, — заверил Сергей. — Загрузи моё воспоминание.

— Только шезлонги оставь. — Саня хлюпнул из бокала и устроился поудобнее на лежаке.

— И пляж, — добавил Андрей и вернулся на свой шезлонг.

— Ладно, загрузи только маму, — смирился Сергей и принялся рассказывать.

Тотчас на песке перед шезлонгами появился старый кинескопный телевизор, всем своим видом напоминавший одну из советских моделей. На экране женщина в зелёном костюме выступала на трибуне. Это был философский симпозиум, на котором выступала мать Сергея. За спиной матери висела учительская доска.

— Напридумывали ведь всякой ерунды! — распалённо выступала доктор философских наук. — Свобода слова! А как насчёт свободы не вводить людей в заблуждение? Свободы не звездеть, так сказать! Как насчёт свободы нести ответ за каждое своё слово? Любишь навязывать людям своё мнение? Люби и нести ответственность за последствия! Вот предложите всем этим «умным» людям нести ответственность за последствия их советов. Сразу поумолкнут. Я вам гарантирую! Все готовы звездеть, но никто не готов отвечать за свой звездёж! Свобода без ответственности — как костёр без контроля.

— Ну будет тебе. Ты же сама знаешь: свобода слова нужна. Без неё никак, — донёсся мужской голос из аудитории.

— Я тоже за свободу! — пуще прежнего вспыхнула докладчица. — Но только если свобода идёт рука об руку с ответственностью. А иначе это сюр какой-то! Каждый необразованный болван сам по себе не угроза. Но они же объединяются! Продавливают какие-то решения, последствия которых потом разгребать специалистам. А лоббисты чьих-то интересов используют этих болванов. А знаете почему? Потому что идиоты в первую очередь доверяют харизматичным ораторам, а не специалистам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.